

1658190

А. БУХАРОВ

ЗИМИНСКАЯ
БЫЛЬ

1658190

OBV

Караине Н. Н.

От Земельского представительного собеседника народных депутатов в честь 250-летия первого упоминания о Зиме, в знак доброго знаменства по самое мое рабоче.

Председатель Собора
В. Гришагас

20. 02. 93 г.

63.3(2Р-Чир

А. А. Бухаров Б94

ЗИМИНСКАЯ БЫЛЬ

1658190-

Иркутская областная
библиотека
им. И.И. Молчанова
Сибирского

Иркутск
Восточно-Сибирское книжное издательство
1993

OKP

9 (c)
Б 94

Бухаров А. А.
Б 94 Зиминская быль. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1993.— 256 с.

Книга о Зиме и Зиминском районе, их славном историческом прошлом и настоящем. В нее включены архивные и документальные материалы, воспоминания зиминских старожилов.

Б 0503020901—18 без объявл. — 93
M141(03)—93

ISBN 5—7424—0582—0

© Бухаров А. А. 1993

СЛОВО К ЗЕМЛЯКАМ

Ангарск, Шелехов, Братск, Усть-Илимск сегодня широко известны не только в Иркутской области, но и далеко за пределами России. Однако экономическая мощь и величие Сибири начинались не с этих городов. Они начинались с таких селений, как Тайшет, Тулун, Зима, Бодайбо, вокруг которых вырастали земли, деревни, поселки, образуя уезды, волости, губернии. Именно здесь таились несметные подземные кладовые, необозримая тайга, богатая зверем, птицей, рыбой, ягодами, лекарственными травами.

Наша малая родина, в отличие от своих собратьев, носящих тюркские наименования, с самого основания носила исконно русское имя — Зима. Наш знаменитый земляк Леонид Гринчик на вопрос, какой он национальности, не задумываясь, отвечал — сибиряк.

Так кто же он такой — сибиряк? Татарин, русский, бурят, эвенк? И тот, и другой, и третий, и десятый... Родословную сибиряка, пожалуй, составляет триада: коренные жители (буряты, эвенки, якуты, тофы), ссыльные (почти все национальности, населяющие Россию), переселенцы (украинцы, чуваши, белорусы, мордва). Была еще и четвертая составная — казаки-первоходцы: частью служивые люди, частью — беглые бунтари. Мой дед, коренной сибиряк, говорил:

— В центральной России нас презрительно звали челдонами. Мои родители сказывали, что это прозвище произошло от слияния двух слов: «челны» и «дон». Стало быть, предки наши пришли в Сибирь на челнах с До-

на. Потому-то в каждом чледоне властям мерещился бунтарь, каторжник, бродяга. А народ про этих бродяг песни сочинял и распевает их до сих пор.

И недаром наш отчий край наречен исконно русским именем, которое принесли с собой из далекой России чледоны. Они же дали имена рекам Зима и Ока, ближайшим заемкам (ныне селам, деревням): Самара, Покровка, Чиркино, Челяба. Это были гордые и свободолюбивые люди, что сохранился и проявится отчетливо в характере поколений...

Впервые мысль описать историю Зиминского района зародилась у моих земляков в канун 40-летия Советского государства. В начале 1957 года в местной газете (где тогда работал) я опубликовал статью «Нам нужен музей!» Поступило много откликов, конкретных предложений и даже экспонатов для будущего музея.

Районные власти создали комиссию из представителей старожилов города и района, ветеранов гражданской и Отечественной войн, учителей-историков, юных краеведов. В Доме пионеров были выделены две комнатки под музей, его директором на общественных началах избрали бывшего партизана, машиниста депо, инициатора возведения ударных эшелонов в 20-х годах Ивана Василенко.

Зиминцы активно включились в это патриотическое начинание: в деревнях и поселках, на крупных предприятиях краеведы стали собирать и писать свою историю. За 10 лет для музея было собрано столько документов, фотографий, экспонатов, что горсовет выделил под него отдельное здание и образовал совет музея.

Вот тогда и возникла мысль описать историю отчего края уже более капитально — издать сборник, в который бы вошли все публикации в местной и союзной печати, воспоминания старожилов и бывалых людей, данные архивов, очерки и статьи журналистов на исторические темы, исследования краеведов. При редакции «Приокской правды» была создана общественная редакция сборника. В нее вошли участник гражданской войны Н. Т. Лузин, директор ЛДК П. Ф. Воробьев, учительница А. И. Василенко, зав. плановым отделом райисполкома В. П. Овчинников, зав. библиотекой Т. Ф. Сысоева, журналисты районки.

И вот в конце 1967 года в местной типографии вышел небольшой сборник «Зиминская быль» и был бесплатно раздан коллективам предприятий, школ, клубов города и района.

С тех пор прошло четверть века. Музей продолжал пополняться документами и экспонатами, «Приокская правда» время от времени публиковала новые материалы по истории района. К сожалению, многие энтузиасты разъехались из Зимы, многие простили к краеведческим поискам...

Надо отдать должное журналисту Александру Алексеевичу Бухарову. Он продолжал обезжать деревни и села района, встречаться со старожилами, изучать архивные материалы, а потом писать об этом в газету. Теперь он решил обобщить весь собранный общественностью района исторический материал, систематизировать его, изложить в предлагаемой публикации.

В чем ее ценность? Она возвращает нас к историческим истокам родного края, к традициям наших предков, бережно передаваемых от поколения к поколению. Как важно в наше смутное время их не растерять. Ведь они богаты и многогранны.

Прежде всего в сфере патриотической. Среди зиминцев — участники великих битв России на всех ее рубежах с Германией, Турцией, Японией, с нашествием Наполеона и фашистских орд. В числе тысяч зиминцев-фронтовиков Отечественной войны 11 Героев Советского Союза.

Были периоды, когда по сибирской магистрали шли воинские эшелоны на расстоянии 500 метров друг от друга. Что означало задержаться хотя бы одному из них? И зиминские железнодорожники при 40-градусных морозах окунались в ледяную воду паровозных тендеров и неостывшие топки, чтобы устраниТЬ возникающие от постоянных перегрузок неисправности (воистину: в огне не горят и в воде не тонут).

В сфере интернациональной. Зиминская земля всегда была интернациональна. Село Ново-Летники в основном чувашское, Батама — украинское, Норы — бурятское и т. д. В разное время в Зиму ссылались опальные поляки, репрессированные немцы и литовцы. Все они находили здесь приют и доброжелательность, уважение и терпимость к их вероисповеданию. И потому многие из них так и остались жить на этой земле.

В сфере экономической. Сейчас много стонов и причтаний по поводу отсталой технологии, изношенной, «пещерной», техники. Отсюда, дескать, все беды. А зиминцы после разрушительной гражданской войны при отсталой технологии привели в порядок изношенную тех-

нику и провели сквозные маршруты с сибирским лесом и хлебом. Зима — Кузнецкстрой и Зима — Сковородино. Потом этот метод был внедрен на всех дорогах Советского Союза. Всю войну, лишившись техники и мужских рук, хлеборобы и лесозаготовители перевыполняли повышенные планы хлебозаготовок и поставок леса. Вернувшиеся фронтовики с женщиными, подростками, стариками умудрялись сбрасывать выращенный урожай, а потом на лошадях с топором и пилой спешили на осенне-зимние лесозаготовки в обезлюдевшие леспромхозы. Сейчас бы такую взаимовыручку города и села!

В сфере экологической. Сегодня нам назойливо твердят об американской помощи по ленд-лизу, чуть ли не спасшей в войну Россию. Но, во-первых, это не помощь, а заем, во-вторых,вольно или невольно, но с американским зерном попал на сибирскую пашню невиданный ранее опаснейший сорняк — овсюг. Сколько он принес хлопот и горя крестьянам! И все-таки, не снижая хлебопоставок, они очистили от него поля. В Зиме эта заслуга принадлежит агроному И. Артеменко (ныне покойному) и директору совхоза «Зиминский» М. Гантимурову.

В войну в зиминских леспромхозах лесоповалом и сплавом занимались женщины, старики и подростки. И потому были вынужденно вырублены леса в водоохранной зоне (так ближе и легче). В итоге реки в Зиме обмелели, оказались забитыми «топляками». Сегодня зиминцы, хотя и робко, начинают подъем «топляков», освобождая нерестилища рыб. Хорошо бы продолжить эту работу и восстановить водоохранную зону, дабы возродить былое богатство зиминской тайги: рыбу, зверя, птицу, дикорастущие плоды и травы.

Многое из сказанного и сегодня зиминцам по плечу. Об этом говорит опыт их предков, прославленных героев и безвестных тружеников, наших земляков. Без конечно был прав декабрист Федор Глинка, когда говорил: «Опиши героев минувших, и тогда история твоя родит героев времен будущих».

Именно эту цель преследует предлагаемая книга. Мы должны сохранить и преумножить для времен будущих все, что оставили и завещали нам отцы и деды.

Ю. Маяков

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ

Несколько лет тому назад в автобусе пригородного сообщения произошел весьма интересный разговор молодого инженера, выросшего на западе, с пассажирами.

— Ну и зима у вас! Когда после окончания института получил направление в ваш город, сразу же побежал в магазин покупать теплое пальто и валенки. И что вы думаете? Надевать их почти не пришлось. А в феврале уже ходил в куртке и ботинках. Теплынь-то какая у вас!

Никто не возражал, уместно умалчивая при этом про сибирские морозы.

— Кстати, интересно знать, почему ваш город назвали Зимой? — снова обратился разговорчивый молодой человек к своим попутчикам.

В завязавшийся разговор вступил еще один пассажир, тоже, по-видимому, коренной зиминец.

— В отдельные годы у нас бывают морозы и под пятьдесят. А все потому, что город-то наш расположен среди гор, будто в яме. Кстати, я слышал где-то, что «яма», — это по-бурятски «зима».

Действительно, откуда же появилось такое название? В книге М. Н. Мельхеева «Происхождение географических названий Иркутской области» о Зиме говорится так:

«Зима. Зиминский район — от бурятского зэмэ — вина, проступок. По преданию, бурятский род, обитавший в этой местности, считался в чем-то провинившимся; «место провиненных». Никакой связи с русским словом «зима» это название не имеет».

Может, это и в самом деле так. Однако многие зи-
минцы могут и не согласиться с этим утверждением. И
у них есть на этот счет свои мнения и суждения.

Как известно, коренными жителями Восточной Си-
бири были в основном буряты и эвенки. Массовое засе-
ление этой обширной территории русскими началось в
начале XVIII века. Они довольно быстро входили в кон-
такт с аборигенами и устанавливали с ними деловое со-
трудничество. То же самое происходило еще на необжи-
той по-настоящему территории нынешнего Зиминского
района, где первопроходцы и пришлое население всту-
пали с бурятами-кочевниками в хозяйственно-экономиче-
ские связи. Буряты продавали им скот, овчины, шерсть,
а в обмен или за деньги получали хозяйственные това-
ры, а также ружья и боеприпасы, продукты земледелия,
муку, хлеб, разные крупы. Нередко между семьями бу-
рят и русских устанавливались самые близкие родст-
венные и кровные узы и взаимоотношения.

Русские, осваивая новые земли, старались сохранить
прежние названия рек, поселений, пастищных угодий
и природных местечек, что позволяло им быстрее вхо-
дить в доверие к коренному населению и использовать
их опыт в ведении примитивного домашнего хозяйства
в суровых климатических условиях Восточной Сибири.
Вот о чем говорит одна из легенд.

Раньше буряты жили по опушкам густой непро-
ходимой тайги, которая вплотную подходила к
большой и быстрой реке. То была Ока, которую
они считали в здешнем краю самой удобной для
проживания, и в особенности для пастьбы скота.

М. Н. Мельхеев в своей книге пишет:

«Ока — приток Ангары. Название этой реки буряты
произвели от слова «аха», т. е. старший, и связывают
с тем, что она якобы является самой большой из рек,
текущих с ледников Восточного Саяна в Ангару. Ко-
ренные жители горной части бассейна Оки называют
ее Ок-хем — стрела-река, то есть быстрая, как стрела.
Возможно также, что Ок-хем приняло у бурят форму
Аха и получило в дальнейшем иное осмысливание...»

Когда же русские первопроходцы вышли на ее бе-
рега, то они просто нарекли ее Окой, считая, очевидно,
что она по своей величине похожа на Оку, что протека-
ет в средней полосе России.

Сибирская Ока берет свое начало из небольшого озера у гольца Нкудабан, расположенного на высоте 2000 метров над уровнем моря. На расстоянии почти 400 километров она течет в каменистом коридоре среди живописных горных хребтов и ущелий Саянских гор, а затем, течение воды хотя несколько замедляется, но все же остается довольно быстрым вплоть до самого впадения в Братское море.

Общая протяженность Оки примерно 980—990 километров и занимает площадь бассейна 80 тысяч квадратных километров. В ее бассейне имеются значительные запасы полезных ископаемых, в том числе и каменного угля в местечке Кулгунай, по-прежнему богат и разнообразен животный мир.

А теперь вернемся к легенде.

По широкой пойме Оки в ее среднем и нижнем течении испокон веков кочевали буряты-скотоводы. Потом, откуда ни возьмись, в здешние места пришли другие кочевые племена. Тут-то и начались среди них междуусобные войны. Буряты, умевшие быстро ездить верхом на лошадях и метко стрелять, одолели-таки чужеземцев, хотя много храбрых и отважных воинов у них погибло, но чужаков в свои владения не пустили.

Спустя много лет чужеземцы снова пошли на бурят войной, пуще прежнего стали на них нажимать. Как и прежде, они снова в боевые дружины объединились и, как хорошие знатоки здешних мест, искусно использовали на пути незваных пришельцев лесные завалы и другие препятствия. Самое же большое сражение произошло у впадений реки Зимы в Оку, где буряты одержали внушительную победу над врагом и на том самом месте основали крепостное поселение, ставшее впоследствии большим селом, которое и было названо Зимой.

В другом же предании, записанном зиминским журналистом Виталием Коминым от старожила города Зимы Игнатия Иосифовича Полякова, несколько по-иному трактуется происхождение этого названия.

Когда-то давным-давно на бурят напали какие-то племена, которые по тем временам были прекрасно вооружены. Да и сами буряты не знали, что на них

нападут, поэтому незваных пришельцев победить так и не смогли. Много их сородичей попало к тем племенам в плен. Для пленников они соорудили на высоком берегу реки из высоких жердей и бревен своего рода острог, по несколько дней стали содержать их без воды и пищи. Затем на этом самом месте были установлены для пленников большие войлочные юрты, а между враждующими сторонами установилось длительное перемирие. Буряты стали называть это место «Зимой», что означало «место провинных».

И это в какой-то мере правдоподобно, потому что именно так объясняет в своей книге значение этого слова М. Н. Мельхеев.

Существует, кстати, еще один вариант предания, записанный со слов старого учителя одной из зиминских школ Михаила Васильевича Бужанова. Возникшее поселение было названо по реке Зиме, на месте впадения которой в Оку стоял небольшой острог, построенный русскими первопроходцами в начале второй половины XVII века.

По существу, все эти предания и легенды во многом схожи между собой. Однако трудно установить, какая из них наиболее правдоподобна и представляет историческую ценность, а потому точная дата основания Зимы многие десятилетия, попросту говоря, витала в воздухе. И только недавно усилиями бывшего директора местного историко-краеведческого музея Нины Ивановны Безносовой и сменившей ее на этом поприще Адии Ивановны Василенко удалось установить весьма интересные в истории города даты. Так, впервые о Зиме как населенном пункте Восточной Сибири упоминается в «Ревизских сказках», относящихся к середине XVIII века. На одном из ее листов говорится: «...Никифор Матвеев. В прошлом 1743 году по Указу из Иркуцкой канцелярии из Брацкого острога он, Матвеев, приписан на Зиминский станец в ямщики для содержания подводной гоньбы... в семигривенном окладе» (Материалы Центрального Государственного архива древних актов. Ф. 350 «Ревизские сказки», л. 964).

Уже этот уникальный исторический документ дает основание сделать вывод, что зиминское поселение, возможно, возникло значительно раньше. Тем не менее именно 1743 год принято считать как бы основанием

В верховьях Оки. Фото Ю. Лебедева.

села Старая Зима, которое является в настоящее время микрорайоном нашего города. Это значит, что в начале 1993 года Зима будет отмечать свое 250-летие.

Спустя полстолетие о Зиме упоминает в 1791 году и писатель А. Н. Радищев в своих «Записках путешествия в Сибирь».

«...Выехав из Удинска (ныне Нижнеудинск) 1 октября 1790 года, едем лесом и гористыми местами 175 верст до Тулуну, где, переехав Ию, дорога становится гладче и полистее, но, переехав Оку при деревне Зима, проезжать надлежит степь, Братской именуемую. Но юрт или жилищ оного народа при дороге опричь одного летнего не видно...» (Радищев А. Н. Записки путешествия в Сибирь. М. 1949. С. 716).

А вот еще один интересный документ — «Список населенных мест Иркутской губернии на 1 января 1911 г.»:

«Зима. Поселок на реке Оке Зиминской волости Балаганского уезда. 600 дворов с населением около 3 тысяч человек... Основное занятие его жителей — работа на железной дороге и в торговле. Есть трактир, пивная, пожарный двор, 2 магазина, лечебница, православная церковь».

Наряду с проведением через Зиму в конце 90-х годов прошлого столетия железной дороги еще не утратил в ту пору своего значения и Московский тракт, по которому еще раньше проходили на каторгу и в ссылку декабристы, участники польского восстания 1830—1831-х годов. Прошли по тракту ученые-зоологи Дыбовский и Годлевский, геологи Черский и Чекановский. В 1864 году проехал через Зиму в ссылку Н. Г. Чернышевский. Позднее проходили по старому кандалльному тракту и многие революционеры.

Старожилы Зимы хорошо помнят, что Московский тракт раньше проходил через самый центр города, разделяя его почти на две равные части. Паромная же переправа через Оку находилась от него немногим более семи километров у села Покровка. И только с возведением моста через реку возле Ухтя в 1958 году Московский тракт как бы обошел Зиму стороной, что позволило сократить путь до Делюри на добрых 15 километров с соответствующим его обустройством.

СТРАНИЧКИ СЕЛЬСКОЙ СТАРИНЫ

Села, как и города, имеют свою историю. В Зиминском районе их можно разделить на две группы. К самым старинным можно отнести Кимильтей, Бурю, Перевоз, Верх-Зиму, Ухтуй и захиревший уже почти совсем притаежный Новоникольск. Они были основаны русскими первопроходцами и покорителями Сибири более двух столетий тому назад. Ко второй группе относятся довольно молодые населенные пункты, основанные переселенцами с Украины, Белоруссии, Чувашии и ряда центральных губерний царской России в начале XX века. Это, называвшиеся в ту пору участками, Филипповск, Карповск, Владимировск, Лихачево, Чиркино и многие другие. По иронии судьбы, как многие старинные села и деревни, так и молодые населенные пункты оказались неперспективными и от них осталось на сегодняшний день только одно название, хотя в географическом отношении большинство из них размещалось на удобных для ведения сельского хозяйства землях и, как правило, по берегам рек, речушек и других водоемов. Это Карповск, Урай, Холы, Гуты, Константиновский, Лихачево, Яхонтовский, Верхне-Чиркино, Писарево, Волокитино, Челяба, Калигина, Кукуленовка, Буйнск, Качегир, Иконники, Крюково, Хохлово, Бандураевка, Шишлянниково, Хаты и ряд других.

Думаем, читателю будет интересно познакомиться с некоторыми из них.

СЕЛО НА МОСКОВСКОМ ТРАКТЕ

Кимильтей, расположенный неподалеку от впадения речки Кимильтейки в Оку и по которому испокон веков проходил Московский тракт, — самый крупный в Зиминском районе населенный пункт.

Вот как рассказывает о его возникновении легенда, записанная одно время краеведами Кимильтейской средней школы в свой историко-краеведческий альбом.

...Давно, очень давно это было. На берегу небольшой безымянной речушки жили со своими семьями два брата буряты Ким и Тей. Они пасли на прибрежных лугах свой скот и из-за выпасов часто ссорились между собой. Когда же проезжавшие по дороге люди спрашивали, чьи это гурты скота, им отвечали: «Не знаем, Кима или Тея». Так с тех пор стойбища, где стояли юрты кочевников-бурят и пасся их скот, попросту нарекли Кимильтеем, а протекающую вблизи речку — Кимильтейкой.

Много лет спустя в пойме Кимильтейки возникло небольшое селение, основанное первопроходцами и первыми русскими казаками. Они принесли с собой новые, чисто русские ремесла и занятия, а также свою самобытную культуру. Ведя оседлый образ жизни, они стали возводить дома и хозяйствственные строения, а также заниматься земледелием.

Пожалуй, не безынтересен и такой факт. В начале 90-х годов прошлого столетия через Кимильтей должна была пройти железная дорога. Однако местным богачам и купцам она не сулила никакой выгоды и вообще ничего хорошего. И они, подкупив инженеров-проектировщиков строящейся «железки», уговорили их провести дорогу обходным путем примерно в десяти километрах от села. Здесь со временем были возведены небольшой железнодорожный вокзал, пристанционные сооружения, водокачка для заправки паровозов водой и другие объекты. Впрочем, это уже не легенда, а самая настоящая быль, так как на перегоне Харик — Зима железнодорожный путь заметно отклоняется вправо в сторону богатого в прошлом села Карымск.

И хотя год основания Кимильтея до сих пор точно не установлен, большинство исследователей и краеведов

сходится на том, что этому большому, по сибирским меркам, селу около 300 лет.

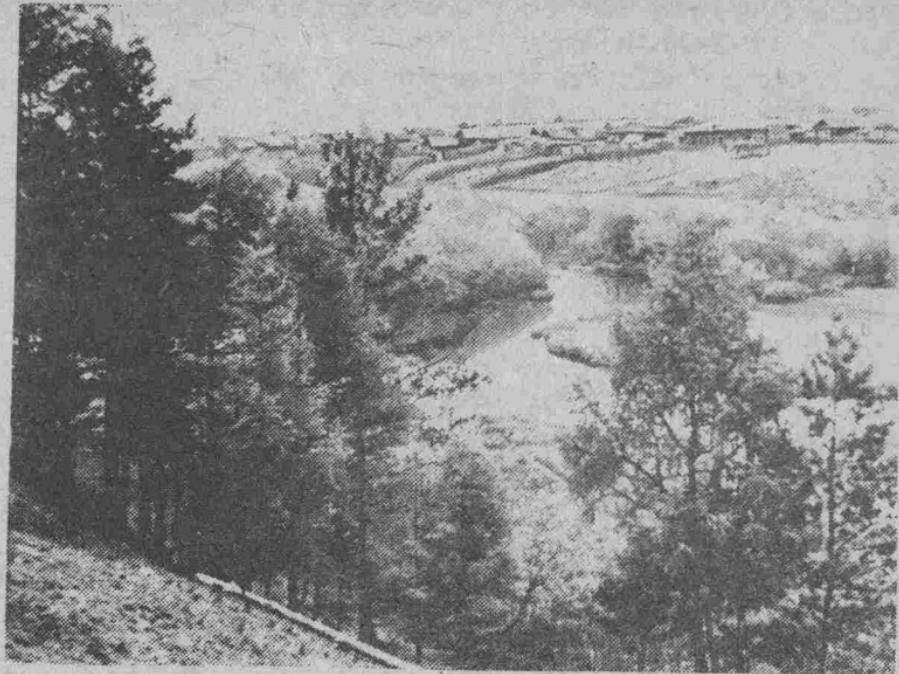
В энциклопедическом словаре за 1895 г. на странице 64-й, том XV, вот что можно прочесть об этом селе:

«Кимильтей — село Иркутской губернии и Нижнеудинского округа при впадении речки Кимильтейки в р. Оку на левом берегу последней на Сибирском почтовом тракте, 379 жилых домов и 2196 чел. жителей. Еврейский молитвенный дом, сельское училище, 10 постоянных дворов, 26 лавок, в т. ч. 10 винных, 5 мельниц, кузниц 8, ремесленных и торгово-промышленных заводов и предприятий 27, базары, ярмарки...»

Многие годы жители стариинного Кимильтея пытались установить дату возведения единственного на селе каменного архитектурного сооружения — православной церкви. С помощью побывавшего в Кимильтее и в его школьном музее доцента кафедры истории архитектуры при Иркутском политехническом институте Валерия Трофимовича Щербина и сотрудников облархива было установлено, что Кимильтейская церковь построена во имя святого Николая Угодника в 1884 году по проекту известного сибирского архитектора, выпускника Академии художеств Кудельского Владислава Андреевича. До этого в Кимильтее была деревянная церковь.

В Иркутском областном архиве есть немало довольно интересных документов по истории этого большого сибирского села, в том числе и о революционных выступлениях крестьян, служащих и ремесленников в 1905 году. Так, 6 декабря на площади перед училищем собралась большая толпа народа и потребовала от крестьянского начальника огласить царский манифест от 17 октября... После этого собравшиеся направились к волостному управлению и магазинам богачей Щелкунова и Метелева с требованием убрать царские флаги. Это требование было исполнено во избежание более серьезных последствий. Однако на этом волнение крестьян не закончилось, о чем также говорит еще один архивный документ (Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 10, д. 20, л. 5).

«8 декабря в Кимильтейской сельской управе проходил народный митинг, который потребовал немедленно отстранить от обязанностей крестьянских начальников, становых приставов и урядников, отказаться от платежа подати, отбывания натуральных повинностей и

Вид на речку Кимильтейку и поселок Карымск. Фото Ю. Лебедева.

т. д. В случае препятствия в осуществлении этих мероприятий со стороны правительства восстать с оружием в руках и этим доказать силу народа...»

Народный митинг в Кимильтее превратился в яркую демонстрацию протesta самодержавию. Собравшиеся крестьяне построились в колонны и с развевающимися красными флагами прошли по главной улице села до кладбища. Несколько дней спустя крестьяне Кимильтейской волости, выборные из всех сельских обществ и от каждого десятка дворов по одному человеку в присутствии волостного руководства снова собрали волостной сход, на котором потребовали немедленно ввести в жизнь дарованные манифестом 17 октября права гражданской свободы и вынесли общественный приговор волостного схода, заявив, что в случае неудовлетворения всех требований крестьяне прекратят платежи государственных податей и отбывание воинской повинности. Кстати, почти 30 лет тому назад об этом поделились своими воспоминаниями на страницах местной газеты «Ленинский путь» старожилы села, участники митингов и выступлений крестьян в 1905 году Лаврентий Иванович Яковлев, Ефим Федорович Константинов, Василий Иванович Ло-

хин и Николай Прокопьевич Ярославцев.

Не обошла стороной Кимильтей и гражданская война, о чем говорят многие документы. Но еще больше в архиве документов о становлении в нем советской власти, первых шагах и решениях местного волостного исполнкома.

Большую роль в упрочении завоеваний советской власти сыграли созданные почти повсеместно в Сибири ревкомы и волисполкомы. Именно под их непосредственным руководством велась конфискация у эксплуататорских элементов пахотных земель, скота, сельскохозяйственного инвентаря и различного имущества. Об этом говорит такой документ: «Постановление помощника чрезвычайного комиссара по Кимильтейскому участку т. Кошкина об изъятии 3 января 1921 года у крестьянина-кулака Бондарчука 50 пудов хлеба, 11 фунтов сахара и одного пуда пчелиного меда».

Или вот еще один документ (ГАИО, ф. 364, оп. 1, д. 127).

«Принято 21 ноября 1921 года сена 60 пудов, конфискованного в Баргадае у белобандита Сенотруса в количестве 60 копен. Необходимо разобраться, куда делось остальное сено, так как в привезенном будет не более 20 копен».

Как видим, документ составлялся в спешке и из него трудно понять, сколько же фактически сена было изъято у бандита Сенотруса и кому оно было передано. Не будем гадать. Зато хорошо известно, что предводитель бандитской шайки, наводивший ужас на баргадайцев и кимильтейцев, вскоре был пойман отрядом чоновцев и получил по заслугам.

В другой картонной папке документы «О сборе пожертвований крестьян села Кимильтей в пользу голодающим Поволжья» (ГАИО, ф. 364, д. 66).

При внимательном изучении многочисленных приказов, актов и распоряжений отчетливо видно, что жители Кимильтейской волости не оказались равнодушными к беде жителей Поволжья и в короткий срок доставили на Кимильтейский заготпункт 745 пудов хлеба, из них крестьяне соседнего Переезда — 217 пудов и 16 фунтов, Листвянки — 215 пудов и 22 фунта, Кимильтея — 312 пудов и 2 фунта.

В этой же папке сохранился список рабочих и служащих Кимильтейского подсобпункта, которые отчислили из своего месячного пайка в помощь голодающим Поволжью.

волжья 2 пуда 37 фунтов ржаной муки. 10130 рублей собрал на конец 1921 года кульпросвет Кимильтейского волисполкома.

Заслуживает внимания и такой факт в сборе пожертвований голодающим силами крестьянской молодежи. Так, на одной из квитанций с самодельным штампом написано следующее: «Просим направить голодающим детям Поволжья 85145 рублей, вырученных от спектакля «Облава» в двух действиях».

И ниже подпись: «Казначей ячейки комсомола села Кимильтей Махоткина».

Или вот такой документ-заявление:

«В комитет помоши голодающим». 14 марта 1922 года. При сем препровождается пожертвование голодающим в количестве 12 фунтов муки от ученика Кимильтейской школы II ступени Бориса Кукса».

Сохранился в отдельной папке «Список пожертвований в помощь голодного ребенка»:

Шишкин И. — 1 ведро картошки

Куклин П. — 15 фунтов зерна

Кирьянов Н. — 10 штук огурцов

Лапшина М. — 3 штуки яйца

Кузнецов И. — 4 калача.

А всего в списке значится почти 300 подписей жителей Кимильтея.

В другой папке с надписью «Циркуляры и приказы по вопросам разверстки хлеба и уничтожению колчаковских знаков (денег)» говорится следующее: «Всем волисполкомам Черемховского уезда (в него в начале 20-х годов входил и Зиминский район.— А. Б.) под личную ответственность председателя и секретаря волисполкома предлагаю в трехдневный срок... выслать сведения о поступлениях продналога: яичного, масляничного и шерстяного (имеется в виду овечьей шерсти.— А. Б.). Непредставление в срок требуемых сведений повлечет привлечение к ответственности по закону революционного времени». Приказ подписал управделами уезда Мещеряков.

Мы не знаем, был ли волостными исполнками в установленный срок выполнен этот строгий приказ, но можно догадываться, что выполнение продналога крестьянами шло с большими потерями.

ПЕРЕВОЗСКИЕ СТРАДАНИЯ

В двадцати километрах от Зимы на левом крутом берегу Оки привольно раскинулось большое старинное село. Это — Перевоз, получивший свое название от бывшей здесь когда-то паромной переправы в местечке «Коралочки». Интересно, что до начала 20-х годов во всех архивных документах он значится Старо-Перевозом, хотя на самом деле даже коренные его жители этой приставкой никогда не пользовались, тем более, что другого с подобным названием населенного пункта в здешней округе не было и в помине. Зато многие старожилы Перевоза хорошо помнят, что его восточная сторона при выезде на проходящий вблизи старый Московский тракт называлась в простонародье Романовкой. Это как раз от того места, где когда-то стояла на самом берегу Оки небольшая часовня — единственное религиозное сооружение Старого Перевоза. А он, как и соседний Кимильтей, также имеет богатую событиями историю.

Известен, скажем, такой любопытный факт. Почти 100 лет тому назад Ока протекала здесь на значительном удалении от села. Это вызывало у перевозцев трудности с доставкой питьевой воды и водопоем для скота, особенно в зимнюю пору. Вот и решили они прокопать от главного русла Оки к центру села глубокую и широкую канаву, по которой сразу же потек долгожданный ручеек. Однако в первую же большую воду, а затем в наводнение 1918 года эта самая канава превратилась в большую протоку, которая с годами стала подмывать правую сторону единственной улицы Перевоза, а затем и проходящую по ней проселочную дорогу. Несмотря на самые различные меры по укреплению берега, река продолжала и продолжает по сей день подмывать огорода, деревенские избы и хозяйственные постройки. Пострадало село и в невиданное раньше наводнение, произшедшее в конце лета 1984 года. И тем не менее перевозцы от души любят таежную красавицу Оку, которая в бытность изобиловала самой различной рыбой, а ее протоки, лагуны и озерки — водоплавающей птицей.

Вообще крестьяне Перевоза отличались прилежностью в землепользовании и ведении домашнего хозяйства, а потому жили в своем большинстве безбедно. Тем не менее именно перевозцы в числе первых в Зиминском районе организовали сельскохозяйственную коммуну «Па-

харь». Ее организаторами были местные крестьяне-активисты Овечкин, Лазарев, Орешкин и четыре взрослых сына бедного крестьянина Кузьмы Бухарова — Никита, Иван, Петр и Федор.

Располагалась коммуна в трех километрах выше по Оке в живописном местечке под названием «Узкий Луг». Дружными усилиями, по словам П. И. Лазарева, вскоре здесь были построены общежитие на 18 семей, кузница, маслобойня, навес для ремонта и хранения техники. Первую весну землю пришлось пахать на лошадях, а сеять вручную из самого обыкновенного крестьянского лукошка. Выращенный урожай убирали серпами. Поэтому в уборочную страду коммунары работали с раннего утра до позднего вечера. Председателем правления коммуны «Пахарь» был довольно грамотный, разбирающийся в политике перевозский крестьянин Федор Кузьмич Бухаров, а его заместителем — Иван Савкин, проживавший последние годы в Карымске Куйтунского района.

Питались коммунары в общественной столовой, причем почти все продукты были собственного производства. Заведующий хозяйством вел их строгий учет и расход. Одно время была даже попытка самим катать валенки и организовать своего рода самодельный ткацкий цех. Ведь в ту пору даже зажиточные перевозские крестьяне зачастую носили домотканую верхнюю одежду, а вместо яловых сапог — кожаные ичиги, а женщины — чирки.

Осенью 1930 года в коммуну пришел первый колесный трактор американского производства, затем поступила конная молотилка. А после завершения уборочной страды в коммуне начала действовать вечерняя школа для обучения неграмотных и малограмотных.

Известно, что при создании первых коммун на селе были допущены серьезные перегибы и нарушения норм крестьянской жизни. И прежде всего — в насильственном обобществлении скота, птицы и сельхозинвентаря. Поэтому они оказались, мягко говоря, нежизнеспособными и вскоре распались. То же самое произошло и с перевозской коммуной «Пахарь», уже на третий год прекратившей свое существование, но зато ставшей в общем-то хорошей основой для создания в Перевозе колхоза «Трактор», а в соседней деревушке Подгорной — сельхозартели «Политотделец».

Именно в последний год существования коммуны «Па-

харь» здесь произошел трагический случай. Случилось это в начале лета 1931 года. При установке паромной переправы через Оку нужно было натянуть закрепленный на противоположном берегу трос и поднять его на двухметровую высоту над поверхностью воды. Прибывший для этой цели трактор оказался малосильным, и тогда добрых два десятка мужиков стали накручивать трос на толстый деревянный вал при помощи вставленной в ворот ваги. На первых порах это ускорило натяжение троса, однако, не выдержав большого натяжения, он неожиданно порвался, ворот и вага резко крутанули в обратную сторону и намертво зашибли несколько человек. Раненых же оказалось еще больше. Эта страшная весть в считанные минуты облетела весь Переезд, и в местечко Узкий Луг пешим ходом и на запряженных насконо лошадях устремился людской поток. В числе погибших оказались совсем еще молодые деревенские парни, а некоторые тяжело раненные скончались по пути в Кимильтейскую больницу.

И еще. В первый год только что созданного здесь колхоза «Трактор» в Переезде произошел самый большой за всю его двухсотлетнюю историю пожар. Случилось это в середине апреля, когда окрест уже полностью растаял снег, а на Оке образовались первые перед ледоходом промоины. И вдруг среди белого дня в самом центре села высоко взметнулся огромный столб дыма и огня. А еще через несколько минут уже вовсю пылали добротные крестьянские дома, амбары, стайки, сеновалы и расположенные поблизости сельский Совет, магазин и красавица-школа. Огненно-черное пламя пожара, подгоняемое ветром, несмотря на отчаянные усилия пожарных, продолжало уничтожать на своем пути буквально все. От сильной жары и летящих по воздуху горящих головешек стали загораться даже расположенные поодаль другие дома и надворные постройки. И только из-за перемены направления ветра в сторону реки пожар стал терять постепенно силу и к вечеру с помощью приехавших из Кимильтея и Зимы пожарных был полностью потушен. Огнем было уничтожено 28 домов со всеми надворными постройками. И почти столько же других объектов, а также много семенного зерна и сельскохозяйственного инвентаря.

Говорят, что причиной пожара явилось неосторожное обращение с огнем оставленных дома малолетних детишек. Были на этот счет и другие предположения,

включая и умышленный поджог со стороны зажиточных крестьян, не пожелавших вступить в только что созданный на селе колхоз. После пожара многие жители Перевоза переехали в Зиму, другие же завербовались на самые различные стройки народного хозяйства и навсегда покинули свое родное село.

Тем не менее колхоз многие десятилетия был передовым в Зиминском районе коллективным хозяйством, получал довольно высокие урожаи зерновых, надои молока и привесы скота. Постепенно стала застраиваться и центральная территория некогда выгоревшего до тла жилого массива.

В настоящее время в Перевозе находится центральная усадьба четвертого отделения совхоза «Зиминский». А в связи с его комплексной застройкой он стал переживать как бы второе рождение.

ПОГРЕБЕНИЕ КНЯЗЯ ХАНДАГАЯ

Пойма Оки всегда изобиловала прекрасными лугами и пастищами для скота. Поэтому по ее берегам и многочисленным притокам появились первые поселения бурят-скотоводов, а бурятский улус Норы, что в десяти километрах от Зимы, до сих пор сохранился в первозданном виде, хотя его коренных жителей, бурят, уже сейчас можно пересчитать по пальцам. Но если в Норах еще можно насчитать десятка два столетних изб и надворных построек, то на противоположном левом берегу Оки от бывшей здесь когда-то деревушки Подгорной осталось только одно название. А ведь еще три десятка лет тому назад здесь находился передовой по тем временам в районе колхоз «Политотделец», а его молочнотоварная ферма раньше других ферм вышла на трехтысячный рубеж по надою молока на одну корову. Невиданное же по размаху в конце июля 1984 года наводнение не оставило от бывшей фермы и расположенных по соседству с ней построек даже следа, хотя отток жителей из Подгорной начался значительно раньше. Переезжали прежде всего в Мордино, Зиму и Саянск, где бывшие крестьяне становились рабочими, шоферами, строителями, а женщины — птичницами, так как до Зиминской птицефабрики от Подгорной, как говорят, рукой подать.

Зиминская газета «Приокская правда» немало писала об истории сел района. Вот и в своем шестом номере за 9 января 1975 года она поместила письмо бывшего жителя соседнего Перевоза Павла Мордвина, снабдив его таким заголовком «Быль или легенда?»

«Дорогая редакция! Пишет Вам из Иркутска М. Мордвин. Я очень внимательно слежу по газетам и радиопередачам о сооружении на моей родине крупнейшего электрохимкомбината. Вполне понятно, что при таком огромном размахе строительства будет также выполнен большой объем земляных работ. Вероятно, в дальнейшем строящиеся объекты большой химии займут и близлежащие земли деревни Подгорной, о которой еще в детстве я слышал такую легенду.

Было это очень и очень давно — до прихода в здешние края первых русских поселенцев. На том месте, где стоит в настоящее время деревня Подгорная, располагался бурятский улус, в котором жил известный на всю округу князь Хандагай. О его несметных богатствах знали на десятки, сотни верст вокруг. По существующему в ту далекую пору обычью, на соседней с улусом горе, которую русские нарекли «Светлым местом», в праздники устраивались конные состязания и другие увеселительные мероприятия, которые заканчивались жертвоприношениями. В один из таких торжественных праздничных обрядов князь Хандагай неожиданно отдал богу душу. На его похороны съехались жители многих деревень и улусов. Выступивший перед ними шаман сказал, что умершему князю будет страшно на том свете без семьи и нажитого богатства. Будучи совершенно неграмотными и суеверными, его приближенные убили жену и детей князя Хандагая и уложили всех их в специально изготовленный из тонких бревен большой гроб вместе с золотыми и серебряными вещами и предметами. Потом эта внушительных размеров усыпальница была засыпана землей. На месте захоронения образовался невысокий пологий холм с далеко видным при въезде в Подгорную деревянным крестом.

С тех пор прошло без малого двести лет. Однако предполагаемое место захоронения князя Хандагая с семьей старожилы Подгорной указывали довольно точно.

но, хотя былого креста на нем уже не было. Тем не менее расположенное у подножья Светлой горы живописное местечко с привольными лугами и пастбищами здешние жители еще многие десятки лет называли Хандагаем. Может, этим самым захоронением когда-нибудь заинтересуются краеведы или, в лучшем случае, иркутские историки или археологи? Хотелось бы узнать, было ли когда такое пышное погребение бурятского князя Хандагая на самом деле?»

Все может быть, потому что подгорненские, перевозские крестьяне много были наслышаны о «Светлом месте», а проезжая возле него, пытались угадать, в каком же из многочисленных холмиков, возвышающихся на самой опушке березовой рощи, находится его могила.

УЧАСТОК ИНЖЕНЕРА КАРПОВА

...Начало XX века. Огромные просторы Восточной Сибири, обжитые только по берегам рек и в удобных для житья местах, шумят тайгою, в которой носятся мириады комаров и мошек, обитает множество боровой и водоплавающей дичи и диких животных и почти нет следов человека. Лишь изредка где-то проскачет табун полудиких лошадей да разнесется окрест заунывная песня одинокого всадника, жителя здешних мест, кочевого бурята.

...Группа землеустроителей во главе с инженером Карповым в 1908 году приступила к нарезке земельных участков для будущих деревень в заокинском кусте нынешнего Зиминского района. Уже нарезаны участки Холы и Больше-Воронеж, и группа приступила к нарезке следующего, что в четырех километрах от последнего и весьма далекого от станции Залари, где находилась тогда переселенческая контора по отводу новых земель для переселенцев.

Очень понравился молодому инженеру только что нарезанный участок, привлек он его по-сибирски суровой первозданной красотой. Представил он на нем в будущем добротные крестьянские избы, выстроенные по широкой улице по слегка всхолмленной возвышенности у широкой мшистой пади с бьющими из-под земли холодными, но чистыми как слеза ключами.

— Да, неплохое местечко, как, ребята, думаете? — обратился он к своим землеустроителям.

— Красивое, однако с земледелием будет трудновато. Видишь, окрест хребты да заросли леса, — ответил Карпову его помощник.

— А я думаю, что жителям этого участка и падей хватит. Ведь участок-то нарезали не маленький, — возразил ему Карпов. — Ну что же, давайте запишем, ребята, имя ему.

— Вот вашим именем и назовем его, раз он вам так понравился, — подал голос молчавший до этого молодой техник. Все дружно поддержали его. «Пусть помнят люди об инженере Карпове и его соратниках, меривших эти земли» — подумали они, старательно выводя на небольшой дощечке название «Участок Карповский».

...20 августа того же года на станцию Залари прибыл поезд, в котором ехало 20 семей с Житомирщины. В конторе по переселению вначале им предложили Тагну, что в нынешнем Заларинском районе. Отправились, посмотрели, а вернувшись, стали просить другое место. Тогда и предложили им только что нарезанный Карповский участок, который пришелся переселенцам по душевому. И они сразу же принялись за дело. Разбившись по четыре семьи, выкопали вначале землянки для временного жилья и начали строить дома, тем более что строевой лес находился под боком. Первый дом был выстроен для Шевчука Григория, второй для семьи Шелеста Дениса, а потом остальным артельщикам. На следующий год к первым жителям Карповска прибавились семьи Антипенко, Тимошенко, Осипчука, Павлюка и четырех братьев Гудзь — Савелия, Самуила, Парфена и Андрея.

В 1911—1912 годах из Виленской губернии приехали Иван и Осип Посоховичи, братья Монид — Антон, Яков и Филипп и в 1928 году Хрисан Ширко и Филипп Скубанович. Приезжие вначале становились или квартирантами, или сразу же после возведения шалашей в лесу начинали строить дома и заниматься землепашеством. Затем ехали в Залари (прямой дороги в Зиму тогда еще не было) покупать зерно, а у соседних бурят лошадей. С годами вырастали сыновья, которые создавали свои семьи, а потому Карповск продолжал расти и пополняться все новыми жителями. Вопросы передела или выделения молодой семьи земли обычно решались на сельском сходе и обязательно в присутствии их родителей. Пер-

вым старостой в Карповске был Самуил Гудзь, а затем Филипп Баранов.

В 1911 году начались земляные работы и рубка просеки для прокладки тракта от станции Зима до Тарасовского участка протяженностью в 90 километров, с ответвлениями дорог на участки Карповский, Большеворонежский и Владимировский. Наёмные рабочие, в основном из крестьян, вручную корчевали лес, копали лопатами канавы и делали дорожное полотно. Многие из них прибывали на строительство тракта со своими лошадьми и подводами, чтобы заработать деньги на покупку лошадей, коров и мелкого сельскохозяйственного инвентаря.

В июне 1913 года в Карповск прибыла специальная бригада для строительства новой школы. А к 1 сентября этого же года она была уже готова. Первой учительницей в школе была Клавдия Абрамовна со станции Половина. До этого же занятия шли в просторном доме крестьянина Прокопа Антипенко за небольшую плату деньгами. В эти же примерно годы стали копать колодцы. До этого воду брали только из ключей, которые зимой перемерзали.

Известия о свержении царя и Октябрьской революции, дошедшие до этого отдаленного таежного уголка Сибири, были встречены неграмотными и полуграмотными крестьянами Карповска без особого восторга и энтузиазма. Однако развязанная вскоре Антантой интервенция и гражданская война задели и этот глухой уголок. В бою с белочехами и колчаковцами при их отступлении из Зимы погибли совсем еще молодые парни Г. Баранов и С. Литвинец, партизанил в отряде Новокшонова А. Шедловский и другие.

Трудные годы единоличной жизни после окончания гражданской войны никому из карповцев не принесли радости и облегчения. Слишком много забот да хлопот свалилось на их крестьянские плечи и слишком тяжело было выращивать хлеб насущный в одиночку. Поэтому весть об организации колхоза после проведения посевной в 1931 году была встречена с радостью. Первым председателем колхоза под названием «Власть труда» был избран И. Е. Мельников, а председателем сельского Совета Ф. Н. Нынюк. Первый год работали сообща, без учета норм выработки, а поэтому делили зерно по осени по едокам, пудовой меркой насыпая его в мешки колхозников. Зерно на Зиминский элеватор доставляли на

лошадях. Все полевые и уборочные работы выполнялись вручную, и в лучшем случае тоже на лошадях. И хотя 1932—1933 годы оказались неурожайными, почти голодными, карповский колхоз не распался. Колхозники не пали духом, и как бы для поддержания их силы и уверенности 1934 год оказался на редкость урожайным: на каждый трудодень они получили почти по 12 килограммов зерна. Вообще карповцы трудились всегда дружно и напористо, а с приходом в 1938 году в хозяйство первых тракторов распахали все межи и очистили поля от пней, сучьев и кустарников. Построили также конный двор с конюшней, зернохранилище, мастерскую для изготовления колес, телег и прочего сельхозинвентаря, а затем клуб и колхозную контору. Общий труд сближал людей, появились общие цели, интересы и задачи. Люди стали приветливее и дружнее, исчезали никчемные мелочевые обиды и ссоры. Молодые колхозники потянулись к технике. Среди первых курсантов в созданной Глинкинской МТС были будущие трактористы Ф. Мельников, И. Литвинец, Е. Скалин, шофер И. Тимошенко. Работы в основном велись вручную. Идет сеяльщик по полю с лукошком, полным зерна, и разбрасывает его золотистым дождем в землю, чтобы по осени снять потом с поля щедрый урожай, а убирали его конными жатками, косами-крюками и самыми обычными крестьянскими серпами. Поистине можно было восхищаться трудом большинства женщин, которые по горсточке срезали серпами за день по 15—20 соток, подбирая каждый колосок, связывая их в упругие снопы.

Не обошла стороной далекий таежный Карповск и Великая Отечественная война. Уже на пятый день его жители провожали на защиту Родины 20 молодых мужчин первого призыва. А потом были еще и еще. И так все годы войны. На подступах к Ленинграду в братской могиле покоятся прах Павла Антипенко, погибшего при его обороне. Во время прорыва блокады Ленинграда геройски погиб Алексей Кравченко. При освобождении села Немылья Житомирской области погиб Семен Кирилюк; при обороне Москвы храбро дрались братья Прохор и Илья Бортник.

Самоотверженно, в тяжелых условиях трудились в годы войны труженики колхоза, и в основном это были только женщины, старики и подростки. Вместо «призванных» в армию в первый месяц войны сорока самых лучших лошадей карповцы использовали старый дедов-

ский метод — приучили к работе колхозных быков. А для подвозки дров и кормов, для вспашки огородов стали приучать коров. На заработанный же трудодень приходилось по 200—300 граммов зерна, поэтому основные продукты питания были с собственных подворий и огородов. Но, несмотря на трудности, Карповский колхоз, который в послевоенные годы стал называться имени XVIII партсъезда, успешно выполнял также зимой задания по лесозаготовке и вывозке с участка Зиминского химлесхоза Междугранка живицы.

Многие годы Карповск был одним из самых отдаленных населенных пунктов совхоза «Глинкинский» и оказался неперспективным. Вначале здесь закрыли начальную школу, затем — медицинский пункт, магазин и ликвидировали животноводческую ферму. А года четыре тому назад Карповск покинули последние жители — пенсионеры, переехав в Саянск и Зиму.

Такими горестными словами закончил свой рассказ о родном селе, помещенный в районной газете «Приокская правда», доцент Иркутского пединститута кандидат исторических наук Николай Тимофеевич Иванов.

Да, многие сельские населенные пункты Зиминского района носят имена и фамилии землемеров, инженеров-землеустроителей, а также их первых жителей. Так, в честь приехавшего из России для проведения подрядных строительных и других работ Растворяева Владимира Филипповича по его фамилии, имени и отчеству были названы в 1911—1912 годах участки Растворяевск, Владимировск и Филипповск. И это уже не легенда, а самая настоящая быль.

КАК ВОЗНИКЛИ НОВО-ЛЕТНИКИ

Об истории возникновения села рассказывает старейшая его жительница Фролова Агриппина Ефремовна.

Приехали мы сюда, в таежную глушь, из Симбирска весной в 1910 году. Ехали более двух недель поездом. Отец мой, Ефрем Моисеевич, вместе со своим товарищем, тоже переселенцем, Константином Дельцовым, бывали здесь и раньше. А здешние места были тогда живописнейшие.

— Какая благодать там! И лес, и покосы отменные, и река Ока рядом, — говорил отец, собирая трех своих

несовершеннолетних дочерей и женатого старшего сына в далекую и сказочную Сибирь, куда мы решили переселиться всей нашей большой семьей.

Правда, мать на первых порах пыталась было возражать и противиться. Да где там! Переубедить отца было не в наших силах.

Всего нас прибыло сюда двадцать семей. В первый год срубили вначале три избы, остальным же пришлось зимовать в войлочных юртах. Окон и печей в них не было. Их заменяли устроенные вверху небольшие отверстия, и одно из них предназначалось для дымохода от горящего посредине костра.

С местными жителями бурятами переселенцы жили дружно, сообща косили сено, корчевали пни на пашне, строили дома, амбары, конюшни. Так постепенно мы стали приучать бурят заниматься хлебопашеством, хотя основным их занятием оставалось кочевое скотоводство. Как сейчас помню, табуны лошадей, да и другой скот, паслись тогда без пастухов. Так, роль пастуха в нашем табуне с успехом выполнял старый жеребец по кличке «Воронок», который надежно оберегал лошадей не только от воров, но и от волков с помощью своих старых, но еще крепких зубов и копыт.

На второй год, к осени, наша просторная изба была готова и мы всей семьей переехали в новое жилище. Вот радости-то было! Юрту же мы приспособили под летнюю кухню. Кстати сказать, кирпич делали и обжигали тоже сами. И так жили, строили, разделявали пашню, ухаживали за скотом, почти не зная ни отдыха, ни выходных. Зато уж по субботним дням обязательно приезжали с поля и из леса домой помыться в жарко натопленной с каменкой бане, постирать белье, проводить стариков и детишек.

Все чуваши-переселенцы за неимением сапог и ботинок ходили в сплетенных из лыка лаптях, верхняя одежда тоже была в основном своя, домотканая. И все же молодежь находила время заниматься полезными для нее делами и умела веселиться. Хорошо помню, как я с подружкой своей Аполлинарией Дельцовой впервые попала к бурятам на ёхор.

— Да вы, девки, того, не стесняйтесь, — напутствовал нас мой старший брат Максим. — Водите вместе с бурятской молодежью хороводы, пойте песни, и вам тоже будет весело. А потом мы стали ездить к бурятам на ёхор и без него. Само же селение назвали Ново-Лет-

ники, так как обычно здесь летом буряты пасли свой скот.

В 1914 году я вышла замуж за учителя школы в селе Дмитриевка, что в Заларинском уезде, Матвея Фролова, тоже переселенца из Симбирской губернии. В 1922 году наша семья, в которой уже было четверо детей, переехала в Ново-Летники, где муж стал работать бухгалтером местного потребительского общества. Вот так на моих глазах и возникло это село.

О первом в Ново-Летниках колхозе «Путевод» рассказывает ветеран труда, его первый председатель Тихон Ефимов.

Меня довольно часто спрашивают, когда в нашем селе был создан колхоз.

Еще до коллективизации в 1928 году в Ново-Летниках было образовано крестьянское товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ). Из сельскохозяйственной техники в нем было две зерновых сеялки, 30 однолемешных плугов, конная молотилка, две веялки и, кажется, два десятка лошадей. Вот такой малочисленной техникой без единого трактора крестьянам едва удавалось обрабатывать 300 гектаров пахотных земель и убирать с них урожай.

В 1930 году в Ново-Летниках был организован один из первых в Зиминском районе колхоз под названием «Путевод». На этом же собрании меня избрали его председателем, Андрея Петровича Иванова завхозом, а Василия Ивановича Дельцова бригадиром.

Вначале в наше артельное хозяйство вошло 70 крестьянских дворов, в основном бедняков и середняков, потом начали вступать и другие крестьяне.

Всей посевной площади в «Путеводе» было 1000 гектаров. Обрабатывали ее вначале только с помощью лошадей. Поэтому пахать, боронить, сеять и убирать зерновые колхозникам зачастую приходилось с утра до позднего вечера. На созданной затем в хозяйстве животноводческой ферме первое время насчитывалось 30 дойных коров и 600 овец.

Наконец где-то к концу 1931 года в колхоз поступил первый колесный трактор «Фордзон», потом еще шесть «колесников», и только через несколько лет стали поступать «ЧТЗ» и «ХТЗ». Первыми трактористами на селе стали братья Семен и Иван Деревянко. В это же

примерно время в Ново-Летниках появилась первая молотилка МК-1100 и несколько тракторных сеялок. Одним словом, к концу 40-х годов «Путевод» стал довольно крепким колхозом, а на каждый трудодень колхозники стали получать по 3—5 килограммов зерна.

Весной 1957 года на базе колхоза «Путевод» было образовано Новолетниковское отделение укрупненного совхоза «Зиминский», а его первым директором стал Иван Корнилович Катков.

За последние годы село заметно выросло и расширило свои границы. Куда ни глянешь — всюду самая различная сельскохозяйственная техника, машины, механизмы. А в домах ярко горят электрические лампочки, тогда как раньше новолетниковцы освещались керосиновыми лампами и даже свечами. Словом, люди стали жить по сравнению с прошлым намного лучше, и я горжусь тем, что мне довелось лично самому участвовать в борьбе за новую жизнь.

ТАМ, ГДЕ ШУМЕЛА ТАЙГА

Там, где теперь стоит село Батама, до 1908 года шумела вековая тайга. Змеились по ней едва заметные звериные тропы, сбегая по широким распадкам в голубые дали, теряясь у берегов студеных ключей и озер.

Сурова и неприветлива присаянская тайга. И горе тому, кто не знал ее законов, не хотел и не пытался их уважать. Лишь прирожденные охотники смело шли сюда за белкой, соболем, куницей и другим пушным зверем, а зачастую встречались на узкой тропе и с самим хозяином здешних мест — медведем.

Но не только различным зверем и птицей была богата тайга, она хранила в своих распадках и падях прекрасные выгульные и сенокосные угодья, которые столетиями ждали их будущих хозяев из крестьянского сородичества.

... В знаменитый июньский день 1907 года четверо волынских ходоков во главе с Никитой Прокопьевичем Бутриком встретились в селе Зима с переселенческим старостой Александром Павловичем Поповым, который еще раз пристально посмотрел на них и подумал: «Экие здоровяки-мужики. Таким и тайга не страшна!» и вернулся к прерванному разговору. Доставая карту Зиминско-

го уезда, он ткнул пальцем в одну точку и пояснил, что на северо-западе от села Верх-Зима есть прекрасное местечко для нового поселения.

Немного помолчав, Попов добавил: — Советую поспешить с местом застройки, так как на днях прибудут еще ходоки из Харьковской губернии.

А на следующее утро, когда июньское солнце едва показалось из-за лесистых отрогов, четверо волынских казаков в сопровождении бурята-охотника Хархони Жаргона и участника планировки будущего села Батама Иннокентия Шульгина отправились в путь.

Неприветливо-угрюмой показалась переселенцам здешняя тайга. То тревожный крик птицы сойки, то неясный чей-то шорох или отдаленный рев сохатого часто заставляли их оглядываться и вздрагивать. Но еще больше привела переселенцев в трепет неожиданная встреча на таежной тропе с медведем. Несколько секунд, онемев от неожиданности, зверь и люди в упор смотрели друг на друга. Но этих секунд оказалось достаточно для охотника Хархони Жаргона, чтобы успеть сделать выстрел и убить медведя наповал.

Широкая холмистая поляна, отведенная под застройку села, ходокам понравилась, и они на 15-й день странствования по тайге вернулись в Зиму. Переселенческое начальство, внимательно выслушав доклад Шульгина и волынских переселенцев, благосклонно дало согласие на застройку села в облюбованном ими месте.

17 апреля 1908 года первый переселенческий поезд прибыл на станцию Кимильтей. Внезапно сорвавшаяся пурга колючим снегом хлестала по вагонам-теплушкам. Мычали голодные коровы, плакали дети. Ругались женщины, проклиная далекую и каторжную Сибирь, и тем не менее переселенческий обоз вскоре отправился в путь.

В мае на месте будущего села цепочкой выстроились шалаши из дранья и сосновой коры. Запылали костры, застучали топоры и запели пилы. Над растревоженной тайгой заколыхалось сизо-черное марево дыма. Лесной зверь стал стороной обходить человеческое жилье. Но глубокой ночью, как бы мстя за отнятый покой, нередко нападал на домашних животных. Первые добротные дома были поставлены попу и дьяку. Затем срубили школу, избы под волостное правление, почту, больницу и небольшую церковь. Четыре довольно широкие улицы протянулись строго с востока на запад к ручьям Бурты-Нагол и Нарым Шанай.

В 1910 году село уже насчитывало 146 дворов украинского типа. Появился и первый магазин зиминского купца Шадрина. Разрастаясь в размерах, новое село остро нуждалось в связях с уездом и соседними селами Хаты и Ново-Никольск. Но кроме проселочной дороги в Зиму через Харанут (ныне Верх-Зима) другой не было. Поэтому в том же году началась прокладка грунтового Батаминского тракта до села Старая Зима. На заработки ушло почти все взрослое мужское население Батамы и ближайших деревень, включая Хохлово, Самару, Челябу и Услон. Наряду с рубкой леса для просеки почти одновременно велась отсыпка земляного полотна, а также копка кюветов и сооружение деревянных мосточек через ручьи и заболоченные места. Сооружение Батаминского тракта было в основном завершено в течение двух лет. По тем временам при отсутствии необходимой дорожной техники это было большим достижением и успехом.

Вот что рассказывает об истории этого села в очерке «Ново-Павловская волость» старейший его житель А. Вервейко (Приокская правда. 1971. № 92).

«В южной части Зиминского района с 1919 по 1925 год существовала Ново-Павловская волость с центром в селе Батама. Знали о ней, пожалуй, только те, кто в то время жил на ее территории, работал в Балаганских и Зиминских уездных учреждениях. А вот почему она так называлась — это целая история.

В 1919 году мне было 14 лет, жил я тогда в Батаме с родителями. Отец мой 60-летний старик Евдоким Николаевич Вервейко любил посещать сельские сходки и нередко брал меня с собой. Закончив начальную церковно-приходскую школу, я уже считался грамотным, и если не приходил на работу писарь, староста поручал мне писать приговор (так назывались решения схода).

Не помню, в каком это было месяце конца 1918 или начала 1919 года. Приходит однажды староста и говорит отцу:

— Сегодня вечером обязательно приходи на сход и захвати сына, а то писарь может подвести по пьянке.

— А что там будет? — спрашиваю я его.

— Бумага пришла из Балаганска насчет организации у нас волости. Из уезда начальство приехало.

Час сбора не назывался, да и часов наручных почти ни у кого не было. Вечером — это значит после того,

как уберутся селяне со скотом, поужинают, а тогда на сходке можно сидеть хоть до утра.

Прослышав про приезд уездного начальства, мужики встревожились. Не задумали ли какую каверзу колчаковские власти? Нужно быть в курсе и начеку. Часам к десяти вечера собрались более ста мужиков, так как женщин на сходы не приглашали. За столом сидели староста, писарь и двое приезжих чиновников.

Когда сход был открыт, писарь зачитал запрос из уездного управления насчет организации волости и ее центра.

— Никакой волости нам не надо, без нее проживем! — кричали одни.

— Пусть будет, она не помешает! — возражали им другие.

Большинство склонно было к тому, чтобы организовалась волость в Батаме. Тогда староста объявил, что новой волости надо дать название. Многих это удивило.

— Какое же может быть еще другое название, кроме Батаминской волости, — не на шутку возмутились мужики. — Так ее и назвать!

— Нет, — возразил староста, — можно назвать ее и Александровской, ведь ваше село в документах официально носит это название, а Батама — это прозвище, а оно неофициальное, значит...

Тогда поднялся из-за стола приезжий чиновник и сказал:

— Со мной к вам приехал начальник Зиминского переселенческого управления, или попросту крестьянский начальник Павел Николаевич Попов. Вы его хорошо знаете, всех вас он вселял сюда на жительство и нарезал земельные участки. И вот теперь, на склоне лет, пожелал, чтобы названием волости увековечили его имя.

— Неужели поповской нашу волость тогда называть? — громко воскликнул кто-то из мужиков.

— Нет, зачем же? — поднялся из-за стола сам Павел Николаевич. — У меня есть имя. Назовите, скажем, волость Павловской или Ново-Павловской, а я вам за такое решение поставлю магарыч — целое ведро водки.

— Мало! — закричали батаминцы. — Нас-то вон сколько на сходку пришло!

— Что же, если мало будет — поставлю больше, за мной дело не станет, — уговаривал Попов.

— Из-за водки давать такое громкое название не

стоит, — попробовал возразить кто-то из бедняков. Однако его голос потонул в выкриках горлопанов и любителей хмельного.

Большинство собравшихся согласились назвать волость Ново-Павловской. Тут же выбрали человек тридцать представителей на волостной съезд учредителей. Затем принесли четыре четверти водки и закуску — хлеб, лук, капусту, огурцы. И началось пиршество. Оно продолжалось до утра. Ведра водки, конечно, не хватило. Тогда староста принес еще ведро самогона. Многие свалились тут же, другие еле стояли на ногах и что-то бормотали.

...Вскоре собрался волостной съезд. В числе его представителей был и мой отец. Съезд проходил днем, и, вернувшись поздно вечером домой, отец рассказал, как и чем он закончился.

Батаминцы предложили назвать волость Ново-Павловской, но представители из Ново-Никольска, Стебутовска, Верх-Зимы и Хатов не соглашались. «Вы за это название магарыч пили, — возразили они, — а нам от этого какая польза?»

— Если батаминцы отказались называть волость именем своего села, то пусть она называется Верх-Зиминской, — заявили верх-зиминцы, рассчитывая на поддержку своих соседей.

При таком обороте дела Павлу Николаевичу пришлось снова раскошелиться и пообещать водочный магарыч уже всем участникам съезда. После этого уже никто возражать не стал и волость назвали Ново-Павловской.

По выборам волостного старшины первым выступил один из самых богатых мужиков из Верх-Зимы.

— Пускай волость будет в Батаме и называться Ново-Павловской, а вот старшину надо избрать из нашего села. У нас все крестьяне живут крепко и дружно, а у вас новоселы, считай, голытьба, — с усмешкой заключил он.

Оскорбленные таким заявлением батаминцы сразу же недовольно зашумели. Но тут вмешались чиновник из уезда и староста.

— Немного не так выразился этот мужик, но ему все-таки можно простить, — объяснил чиновник. — А старшину все-таки надо выбирать из крепких хозяев, чтобы в случае какой недостачи казенного имущества или денег было с него кое-что и взять...

Волостным старшиной избрали одного из наиболее крепких кулаков Верх-Зимы, коренастого мужика лет за 50, с окладистой рыжей бородой и почти голой головой. А его помощником — зажиточного крестьянина из деревушки Хаты. В Батаме же, видно, так и не нашлось «доброго хозяина», чтобы выбрать в Управу.

Так образовалась Ново-Павловская волость и были выбраны старшина и его помощник.

Однако все важные и жизненные вопросы в ней решал не народ, а кучка горлопанов — кулаков и их прислужников.

Взяв власть в свои руки, старшина и помощник усердно выслуживались перед колчаковской властью, рьяно требовали от сельских старост строго взыскивать с населения все подати-повинности и выдавать тех, кто уклоняется от призыва в белую армию, применяя репрессии к их родителям и другим близким родственникам.

Еще до установления советской власти батаминцы силой разогнали земскую управу, а его старшине и помощнику никто не стал подчиняться. В Батаме были созданы волостной революционный Комитет (волревком) и партизанский отряд, который помогал в боях с колчаковцами зиминским партизанам и красногвардейцам. Однако в середине января 1920 года колчаковцы, отступая под ударами Красной Армии на восток, нагрянули в Батаму и стали срывать свое зло за неудачи на фронте на семьях партизан и активистов. Стали допрашивать жителей о местонахождении членов ревкома, которые скрывались от расправы в 12 километрах от Батамы на смолокуренном заводе.*

С установлением советской власти возобновилась деятельность волревкома. Первым его председателем и секретарем партийчайки стал Чупрунов из соседней деревни Хаты. Военным отделом заведовал Бондарев, секретарем волревкома был Пастухов. Был еще и земельный отдел.

Затем председателем волисполкома избрали Павленко — беспартийного середняка, довольно грамотного и эрудированного во многих делах сельского активиста.

Обо всем этом мне и хотелось рассказать, так как с 1 мая по 1 ноября 1920 года я работал в Ново-Павловском волревкоме, а затем помощником секретаря волисполкома.

Ново-Павловская волость просуществовала до создания районов, то есть до 1925 года, и потом вошла в сос-

тав только что образованного Зиминского района.

В заключение своих воспоминаний скажу, что к названию Ново-Павловской волости, которое было куплено бывшим колчаковским чиновником Павлом Николаевичем Поповым всего за несколько ведер водки и самогонки, все-таки привыкли, что никому и в голову не приходило, в том числе и мне, чтобы изменить его название».

После изгнания с территории Зиминского уезда отступающих на восток колчаковцев уже в мае 1920 года в Батаме была установлена советская власть. Началу ее положили состоявшийся в помещении школы первый волостной съезд Советов. Его председателем избран Д. Д. Чупрунов, комиссаром П. К. Бондарев, секретарем С. В. Бондаренко. А через два года, точнее, 28 августа 1922 года, Батаминский волостной исполком был преобразован в Батаминский сельский Совет. Его председателем стал А. Охремчук, заместителем А. Ковальчук, секретарем И. Смолянюк, членами исполкома П. Бондарев и Д. Чалый.

В 1929 году в Батаме создаётся крестьянское кредитное товарищество. Оно сыграло большую роль в становлении на ноги бедняцких крестьянских хозяйств. На льготных условиях им были предоставлены плуги, борона, зерновые рядковые сеялки и другой сельхозинвентарь. Поэтому к концу 1927 года здесь уже насчитывалось 10 конных молотилок, и почти столько же сеялок, и более сотни однолемешных и двухлемешных плугов, а пахотная площадь крестьянских хозяйств превысила 1000 гектаров.

В 1929 году в Батаме организуется сельскохозяйственная коммуна «Рассвет», председателем ее стал Петр Пудович Косс.

В 1931 году на базе этой коммуны возникает колхоз «Красный батаминец», его первым председателем был Михаил Харитонович Смолянюк. Наряду с колхозом на селе успешно действует промартель им. XVII партсъезда, основным занятием которой было бондарное и мебельное производство, а также добыча живицы.

С весны 1955 года началось укрупнение колхоза «Красный батаминец», в который постепенно стали входить соседние более мелкие артельные хозяйства Стебутовска, Игная, Кукуленовки и Верх-Зимы. А весной 1957 года батаминский колхоз вошел в состав совхоза «Зиминский».

ЛЕГЕНДА О КАЗАКЕ КОНСТАНТИНОВЕ

Да, каждое село, как и любой город, имеет свою историю. То же следует сказать и о старинном селе Буря, расположеннном на самом краю Зиминского района на небольшой речушке Буринке, впадающей в Оку. Местность в здешней округе лесистая и гористая. Тем не менее буринские крестьяне издавна занимались не только скотоводством, но и земледелием, хотя на многих полях, раскорчеванных и отвоеванных у тайги, так и остались одиноко стоящие величественные лиственницы и почти метровой толщины пни.

А вот откуда появилось такое название села, до сих пор ни местными жителями, ни зиминскими краеведами не установлено. Зато об основателе села из поколения в поколение передается такая легенда, которую записала лет 30 тому назад сельский библиотекарь Татьяна Васильевна Константинова со слов старейшего жителя села, организатора здешнего колхоза Иннокентия Петровича Ступина.

Служил в свое время при дворе царицы Екатерины II молодой и рассудительный казак по фамилии Константинов. В 1762 году с ее величайшего благословения отправился он в длительное путешествие в восточные края государства Российского. Так и доехал он до здешних мест в специально сделанной для него коляске, запряженной тройкой самых быстрых и выносливых лошадей. Привольная сибирская земля с ее несметными природными богатствами понравилась казаку Константинову, пришлась ему по душе. И вскоре пишет он царице Екатерине II прошение, суть которого заключалась в том, чтобы царский двор выслал ему карту или другой подобный документ, в котором бы были указаны все пади, урочища и селения здешней местности. Однако письмо-прошение так и осталось без ответа. Тогда казак Константинов сам берется за составление такой карты и сразу же высыпает ее в Петербург, на имя царицы. Вскоре из столицы пришел ответ с разъяснением, что вся нанесенная на карту местность отныне принадлежит его новому хозяину, казаку Константинову. Вскоре он женится на дочери одного здешнего крестьянина и остается на постоянное жительство.

*Не так-то просто было врачу Юрию Лебедеву
в Присаянской тайге красавца дикого козла.*

Так с тех пор и пошла в Буре династия Константиновых. Однако много лет спустя этот дарственный царский документ на право владения окрест лежащей местностью потомками казака Константина в Нижнеудинском земельном управлении был утерян. Узнав об этом, приехавшие в Бурю из России переселенцы и местные жители стали требовать перемера земли с учетом едоков в каждой семье. В селе к тому времени появились новые ди-

настии — Скуратовы, Ступины, Шиверские и Тирские. Все они наряду с охотничим промыслом также занимались и землепашеством, и скотоводством. Занимая удобное географическое положение: вокруг почти нетронутая тайга, протекающая рядом кристально чистая с родниковой водой речушка Буринка с благодатными пойменными лугами и выпасами для скота,— Буря со временем становится большим сибирским селом с деревянной церковью на всю округу.

Одна за другой стали сооружаться на быстрой и рыбной Буринке водяные мельницы для помола зерна, самая большая из которых, принадлежащая в бытность богатому крестьянину из соседнего села Уян, сохранилась до сих пор.

У ПОДНОЖЬЯ МАСЛЯНОЙ ГОРЫ

Почти половина сельских населенных пунктов Зиминского района расположена в бассейне реки Оки. Среди них самый крупный в ее верхнем течении — Масляногорск, протянувшийся одной прибрежной улицей на добрых семь километров. Это сравнительно молодое село, на месте которого вплоть до 1908 года росли могучие сосны, лиственницы, березы. Пойма же протекавшей здесь реки была богата пастбищными угодьями и луговыми травами, среди которых был расположен небольшой бурятский улус под названием «Зимники». Со временем в нем стали селиться переселенцы из Псковской, Новгородской и других губерний царской России, переименовавшие потом его в Масляногорск. По той простой причине, что неподалеку от него находится знаменная на всю округу Масляная гора, из расщелин которой прямо в Оку сочится густая светло-желтая жидкость, похожая на растительное масло.

Первым жителем Масляногорска был крестьянин Псковской губернии Иван Шиков. К концу 1909 года в нем уже насчитывалось 70 крестьянских дворов. А еще через пару лет здесь была построена начальная школа — обыкновенная деревенская изба с четырьмя подслеповатыми окошками.

В школе было очень тесно, поэтому в нее принимали от каждой семьи только по одному ребенку. Так, у

крестьянина Степана Терехова было четверо детей. В школу же приняли только дочь Дусю.

Первым учителем в ней стал приехавший сюда из города Гродно Александр Викентьевич Лебецкий.

Известно также, что в 1920 году в Масляногорске была схвачена и вскоре расстрелена колчаковцами группа местных партизан. Память о них масляногорцы свято чтут по сей день.

Весной 1928 года, как вспоминают старожилы села Кондрат Артеменко и Степан Фомин, в соседней деревушке Красноокинске была создана первая в здешней округе сельскохозяйственная коммуна. Председателем ее был избран член партии Федор Фомин, бухгалтером Тит Сидоренко и секретарем партячейки Евдокия Цыркунова. Коммуна располагалась в живописном местечке в трех километрах от Красноокинска и в пяти от Масляногорска. Менее чем за два года на опушке березовой рощи коммунары построили общежитие, столовую, баню, конюшню и скотоферму. Затем силами комсомольцев и молодежи был срублен клуб, которому присвоили имя первого советского дипломата Воровского.

Но особенно усердно трудились коммунары в посевную и уборочную страду, хотя сеяли и убирали урожай в основном ручным способом. Поэтому можно представить и понять радость коммунаров, когда к ним постучала из Зимы молотилка МК-1100, а затем и новый колесный трактор американского производства «Интер». С ним они ходили даже на первомайскую демонстрацию, украсив «стального коня» разноцветными лентами и гирляндами, что вызывало ликовение и восторг у жителей и демонстрантов. А вел трактор первый масляногорский механизатор Федор Сморода.

Конечно, не все в коммуне шло хорошо и гладко. Тем не менее она явилась хорошей основой для создания в Красноокинске и Масляногорске сельскохозяйственных артелей, в которых почти все трудоемкие работы на полях, механизированных токах и скотофермах выполнялись с помощью единственной тягловой силы — лошадей. Да и не так просто было приучить крестьян к коллективному труду, учет которого был к тому же далеко не на высоте. И даже тогда, когда у многих колхозников принадлежавшая им раньше корова и лошадь уже стояли на колхозном дворе, люди старались задать «своей» скотине лишнюю меру овса или навильник сена.

Наравне с мужчинами добросовестно трудились в

колхозе и женщины. Однажды возчикам хлеба Антонине Волковой, Варваре Бересневой, Наталье Сидоренко, Дарье Артеменко и Федоре Лемешук были вручены премии — по отрезу сатина и ситца на юбки.

Доброй памяти заслужили и организаторы первого в Масляногорске колхоза «Красный пролетарий» Федор Калинкин, Наталья Исаенко, Татьяна Клевакина, Илья Луцкин, Павел Фомин, братья Степан и Иван Ковалевы и его первый председатель С. Т. Терехов.

К счастью, Масляногорск не попал в число неперспективных сел и, благодаря выгодному географическому расположению, продолжал застраиваться и даже благоустраиваться. Поэтому, когда лет восемь тому назад встал вопрос о месте расположения центральной усадьбы нового совхоза, выбор пал на Масляногорск, а не на большое соседнее село Ново-Летники.

В настоящее время в совхозе «Масляногорский» дружно живут и трудятся в сельскохозяйственном производстве многие поколения первых красноокинских и масляногорских коммунаров, отдавших лучшие годы своей жизни борьбе за новую жизнь.

ДОБРЫЙ СЛЕД ТРОФИМА БЕСПАЛОВА

Несколько лет тому назад мастер цеха Зиминского локомотивного депо Владимир Трофимович Беспалов принес в редакцию газеты серенькую ученическую тетрадку, принадлежащую ему, теперь уже покойному, отцу Трофиму Сергеевичу Беспалову. В ней оказалась чуть ли не вся история его родной деревушки Нижне-Чиркино, живым свидетелем которой на протяжении 50 лет был его отец.

Впрочем, Трофим Беспалов, малограмотный чиркинский крестьянин, оставил самую добрую память и о себе, а обнаруженная его сыном повидавшая виды ученическая тетрадка открыла нам много интересного.

«Пройдут многие годы, как вдруг кому-то понадобится узнать историю заселения деревушки Нижне-Чиркино. Да и уже сейчас об этом могут вспомнить и рассказать, кроме меня, только две пожилые женщины — Анна Афанасьевна Кондратюк да моя жена Анастасия Ильинична Беспалова.

Еще в 1909 году на месте нашей деревни был густой

и дремучий лес, а внизу по болотистой пади по направлению к озеру Хамутино протекал незамерзающий даже зимой ручей Шетик, который и привлек сюда первых переселенцев из Винницкой губернии Украины на постоянное местожительство. Почти в это же время чуть выше по взгорью облюбовали себе для жилья небольшую лесную поляну крестьяне-переселенцы из Смоленской губернии. Конечно, условия жизни были здесь очень тяжелые, к тому же все лето вплоть до самого октября людей и скот донимали комары и мошки. Поэтому многие из первых поселенцев не выдерживали всех этих трудностей и возвращались на родину.

Первые девять семей, в том числе и моего отца Сергея Беспалова, вначале жили в выкопанных насконо землянках, а затем в курных без стекол в окнах, с железными печками зимовьях-избушках. И только в 1912 году зажиточный по тем временам крестьянин Василий Бобров построил из лиственничных бревен первый пятистенный дом с тесовыми воротами и резными наличниками на окнах. Затем стали вселяться другие новоселы, а вскоре рядом с новой двухклассной школой появилось здание управы. К сожалению, в 1915 году в предвесенний период по вине сторожа этой школы она сгорела. И только через три года по инициативе и настоянию сельского старосты Иосифа Бернацкого была построена сохранившаяся до наших дней новая школа.

Сельский совет в Нижне-Чиркино начал свою работу с декабря 1920 года. А несколько позже создаются партийная и комсомольские ячейки. В числе первых добровольцев, ушёдших на борьбу с Колчаком, были крестьяне-активисты Арсентий Заичко, Владимир Клещенко, Валентин Кондратюк и некоторые другие.

В 1925 году в селе создается товарищество по совместной обработке земли, а в 1931-м — колхоз «Нижне-Чиркино», председателем которого стал Андрей Титович Додон.

Правда, первые годы на руководителей слабомощного артельного хозяйства прямо-таки не везло. И только избранный единодушно на общем собрании колхозников в апреле 1936 года Прокопий Иванович Лактионов сталправлять положение и к 1950 году вывел хозяйство в передовые. Об этом говорит сохранившаяся в моем семейном альбоме «Похвальная Грамота народного комиссара земледелия СССР И. Бенедиктова за высокую производительную работу колхоза «Нижне-Чиркино» в 1942 году».

Но мог ли старый колхозник, один из самых первых жителей Нижне-Чиркино Трофим Сергеевич Беспалов предполагать, что после ухода его из жизни в начале 60-х годов зиминские журналисты напишут о нем в районной газете очерк с очень хорошим названием «Добрый след».

В народе не зря говорят, что если человек посадил и вырастил хотя бы одно деревце, значит, он не зря прожил свою жизнь. Да, добрый след оставил на земле зиминской чиркинский крестьянин Трофим Беспалов. Он отважился осушить болотистые топи возле села, на месте которых уже через два года появились обширные участки сенокосных угодий и заколосились хлеба. О нем, подлинном хозяине земли, газета «Известия» от 6 ноября 1970 года писала:

«...Шел человек по планете Земля. Раз за разом втыкал он лопату в нее и оставлял за собой колосящееся поле. Было это в 1940 году в сибирском колхозе «Нижне-Чиркино» недалеко от города Зимы. В день по метру канавы, иногда чуть больше, иногда меньше проходил Трофим Беспалов.

— Рано еще осушать пойму, нет на это специальных машин и нужных специалистов, — говорили односельчане ему. Однако он и слушать не хотел, а еще с большим упорством продолжал свое дело!»

Поединок с раскинувшимся подле самого села обширным кочковатым болотом Трофим Сергеевич Беспалов, колхозный конюх, начал сперва один. Но вскоре к нему на помощь пришли жена Анастасия, сыновья Виктор, Леонид, Владимир и дочь Вера. Дружными усилиями через год с небольшим у них осталось за спиной уже несколько сот погонных метров выкопанной глубокой канавы, по которой избыток воды из болота и ручья Шетик должен был устремиться в озеро Хамутино, а из него по естественному ручейку в Братскую протоку реки Оки.

— Как же тебе, Трофим Сергеевич, платить-то будем? — спрашивали его в конторе бригадиры и сам председатель колхоза Прокопий Лактионов. — Ведь расценок и норм выработки на земляные работы у нас нет.

— Судите сами. Вам виднее, — обычно отвечал он и все же как-то посоветовал бухгалтеру колхоза начислять всей семье хотя бы по 0,4 трудодня за каждый погонный метр.

— Не маловато ли? — удивились в правлении.

— По-моему, достаточно будет. Ведь мне еще за уход за лошадьми начисляют, — ответил он.

В семейном альбоме Беспалова Владимира сохранилось письмо бывшего председателя колхоза П. И. Лактионова депутату Верховного Совета РСФСР Никите Жолудеву, в котором он пишет:

«В бытность моего руководства колхозом «Нижне-Чиркино» (с 1934 по 1951 год) заслужил особого внимания рядовой колхозник Беспалов Трофим Сергеевич, который в 1939 году приступил к осушению заболоченных площадей, принадлежащих колхозу. Эти болота приносили чиркинцам много неприятностей, на них не только нельзя было пасти скот, но они являлись рассадником различных инфекционных заболеваний животных, как шумящий карбункул, столбняк и другие. А косить на болотах траву можно было только в засушливые годы. Поэтому просим оказать помощь».

Однако Иркутское областное мелиоративное управление не спешило с направлением в Нижне-Чиркино специальной комиссии для обследования и составления проекта полного осушения заболоченных земель чиркинского колхоза. А когда такой проект все же был составлен, оказалось, что затраты на осушение составят около 150 тысяч рублей, что равно почти годовому доходу колхоза, и потому его руководители вскоре охладели к земельным работам конюха Беспалова.

Однако Трофим Сергеевич по собственной инициативе со своей семьей и по своему проекту решил продолжить осушение чиркинских болот. За лето 1940 года был прокопан магистральный канал, глубина которого в некоторых возвышенных местах достигала двух метров. Старатально продолжала копать канал семья Беспаловых и в суровую зиму 1940—1941 годов. Мелкие же стоки-канавы были завершены уже в 1942 году. Всего же таким образом было выкопано около 3000 метров стоков и канав, что позволило осушить 200 гектаров заболоченных земель, а в 1943 году посеять 23 гектара многолетних трав и скосить на сено более 100 га естественных трав. Затем путем частичной распашки земли под кормовые культуры на них стали получать по 30—35 центнеров добротного лугового сена.

В другом обращении к депутату Верховного Совета РСФСР П. И. Лактионов пишет, что в ту суровую и трудную военную пору возглавляемое им правление, а также Зиминский районный земельный отдел не сумели

по достоинству оценить нелегкий и благородный труд колхозного конюха Трофима Беспалова. А поэтому он просит совета и указания, как в таком случае за давностью лет поступить, чтобы как-то его отблагодарить и даже материально поощрить. Но как часто бывает при нашей бюрократической системе и волоките, на обращение и просьбу П. И. Лактионова не было получено даже ответа.

Но и сам-то Лактионов ничего не сделал, чтобы воззрять должное своему колхознику за его большой и нужный труд. А ведь Трофим Сергеевич Беспалов совершил поистине благородный поступок: он принес огромную помощь не только своему колхозу, но и обществу, не получив при этом никакой личной выгоды, оставив добрый след на чиркинской земле.

С тех далеких времен прошло более пятидесяти лет. С ранее топких чиркинских болот труженики совхоза «Глинкинский» уже который год получают отличный урожай лугового сена, не ведая, что самый высокий травостой как раз там, где осушил болотистую почву ручья Шетик колхозный конюх Трофим Беспалов.

НА МЕСТЕ СТАРОЙ КОЗЛОВКИ

Многие сельские населенные пункты Зиминского района носят названия по фамилиям и именам их первых жителей. Примером тому могут служить Шишлянниково, Хохлово, Михайловск, Осиповск, Константиновск и ряд других. Пригородное же село Услон, что в семи километрах от Зимы, прежде было заемкой Козловкой. Ее владельцем был крестьянин по фамилии Козлов, проживавший в Старой Зиме. А вот почему и с какого времени некогда бывшая Козловка стала Услоном, до сих пор остается загадкой.

Старейшая жительница села 95-летняя Екатерина Васильевна Бухарова точно знает, что первым жителем Услона был крестьянин Петр Дьячков. Хорошо помнит она и созданную в 1929 году сельскохозяйственную коммуну, на базе которой через три года в Услоне создается колхоз «Путь Ленина». Его первым председателем стал Георгий Лукич Шиверский. А с началом Великой Отечественной войны его заменила на этом посту первая в Зиминском районе женщина-председатель Мария

Степановна Васильева, много сделавшая для подъема хозяйства.

Хорошо знает историю своего села и учительница Услонской начальной школы Людмила Федоровна Тимощук, по инициативе которой еще лет тридцать тому назад был создан школьный историко-краеведческий музей. Среди его экспонатов — уникальные фотографии из жизни дореволюционного Услона: первые избушки и надворные крестьянские постройки начала XX века, здание первой начальной школы, орудия труда и предметов быта. Немало в музее экспонатов, связанных с проживанием в Услоне одного из руководителей Зиминского ревкома Х. М. Трифонова — первого учителя и основателя здесь начальной школы в 1913—1914 годах. В одном из фотоальбомов музея есть портрет Харитона Моисеевича и его жены Анастасии Васильевны, хранятся их личные вещи, в том числе деревянный нож для резки бумаги, ручка, тетрадь с записями стихов.

Харитон Моисеевич Трифонов родился в 1891 году в Смоленской губернии. В 1895-м его отца Моисея Трифонова, как политически неблагонадежного, с семьей сослали в Иркутскую губернию. Здесь Харитон Моисеевич окончил учительскую семинарию и в 1913 году был направлен в Услон учителствовать, хотя школы в селе не было. Молодой учитель горячо берется за строительство школьного здания. Об этом рассказывает в одном из писем из далекой Евпатории Анастасия Васильевна Трифонова.

«Дорогие ребята! Пишет вам бывшая учительница Услонской школы, которая была построена Харитоном Моисеевичем Трифоновым в 1914 году. Стояла она в степи, вокруг не было ни одного жилья. Зимой на нее наметало огромные сугробы снега, а ночью под окнами нередко выли волки. Ваше село в ту далекую пору состояло из трех поселков. Если строить школу в одном — будет неудобно жителям и в особенности школьникам других поселков. Вот и приняли услонцы на своем сходе решение построить новую школу посредине, в голой степи, чтобы никому не обидно было. В ней был только один класс, в котором одновременно занимались и первоклашки, и второклассники. Их учителю, Харитону Моисеевичу, было тогда всего 23 года. Он был среднего роста, брюнет с карими веселыми глазами и очень любил книги и, конечно же, своих учеников».

Письмо заканчивалось обращением к ученикам Ус-

лонской начальной школы, чтобы они хорошо учились, уважали своих родителей и свято чтили память основателя школы Харитона Моисеевича Трифонова и всех борцов за дело революции и установление советской власти в Зиминском районе.

В присланной же затем из Евпатории рукописи Анастасия Васильевна довольно подробно рассказывает о жизни и революционной деятельности первого услонского учителя, который погиб в октябре 1920 года в селе Дмитриевка Заларинского района от белой банды Чернова. Об этом страшном эпизоде — расправе над ним — Анастасия Васильевна рассказывает так.

«Когда с колчаковщиной в Сибири было покончено и в ней установилась советская власть, Х. М. Трифонов стал мечтать о мирной профессии учителя. Но партия послала на новый участок работы, назначив его командиром части особого назначения — ЧОН, главной задачей которого стала борьба с бандитизмом. Именно по этой причине глубокой осенью 1920 года Х. М. Трифонов с четырьмя красноармейцами был направлен в Дмитриевку для проведения выборов в местные органы советской власти. Приехав в село, он провел с крестьянами собрание, рассказал о положении в стране и о тех трудностях, которые им надлежит преодолеть. Беседовал с ними просто, непринужденно, в том числе и о нуждах местной школы, и о задачах сельских Советов. После собрания в избе-читальне начались танцы, и Харитон Моисеевич тоже стал танцевать с молодежью. Однако глубокой ночью село было окружено вышедшими из тайги белобандитами, а местные кулаки сразу же указали местонахождение отряда Х. М. Трифонова. Все четверо красноармейцев были зарублены на месте, а Х. М. Трифонова увезли в тайгу и там зверски его замучили и еще живым бросили в яму и закопали.

Среди бандитов был подросток лет шестнадцати. Он не смог выдержать учиненной казни над Харитоном Моисеевичем и, пользуясь темнотой, сбежал в Дмитриевку, где и рассказал, как мучили и где закопали Х. М. Трифонова. О последних часах его жизни я узнала от здешнего крестьянина.

«Стоя у окна и вижу: по улице идут вооруженные бандиты и ведут молодого мужчину со связанными за спиной руками, без шапки, в рваном полушибке. Подходят к нашей избе. Я страшно перепугался, что и меня заберут. И тогда прыгнул в подполье. Притаился. Си-

жу ни жив ни мертв. Слышу, кто-то крикнул: «Хозяйка, тащи на стол все, что есть, корми нас!» А потом я услышал грубый разговор белобандитов с арестованным.

— Что ты нашел у этих большевиков хорошего? Ведь их власть долго не продержится. А у нас — сила! — С нами не пойдешь — сразу же устроим тебе самую страшную казнь, — стали страшать они его.

— Я весь в ваших руках. Но советской власти не изменю и предателем не стану! — таковы были его последние слова.

Наелись, напились бандиты и повели арестованного в ближайший лесок, где и расправились с ним. А через день я узнал, что это был учитель Трифонов из Зимы. Вот обо всем этом я и решил вам рассказать, узнав о гибели вашего мужа и о том, как стойко и мужественно вел он себя, приняв ужасный конец».

Для поимки белобандитов в Дмитриевку были направлены лучшие красноармейские части ЧОНа. После многодневных преследований и облав было выловлено более 300 человек. Многих из них, в основном крестьян, насильно мобилизованных Колчаком и обманутых их командирами, чоновцы сразу же, обезоружив, отпустили на все четыре стороны. Офицеров же, творивших насилия и расправы, доставили в Зиму.

Сам же главарь бандитов все-таки сумел улизнуть и продолжал творить свои страшные дела. И только позднее его банда была поймана и обезврежена.

Однако Харитона Моисеевича Трифонова уже было не вернуть. А ведь ему было всего только 29 лет».

ПОКРОВСКАЯ КОММУНА

Покровка — одно из старинных сел — расположена на Московском тракте у паромной переправы через Оку. Поэтому есть основание считать, что она многие годы служила раньше небольшим ямщицким станцием и постоянным двором, особенно в период ледостава и ледохода на реке.

История Покровки во многом схожа с другими населенными пунктами района. И хотя в 50—60-е годы она не попала в число неперспективных, по-прежнему оставалась, как говорят, забытой богом и людьми.

В Покровке много долгожителей, которые хорошо

помнят годы гражданской войны и первых пятилеток, а также существовавшую здесь в конце 20-х и начале 30-х годов сельскохозяйственную коммуну «Крестьянин». Свои воспоминания о коммуне оставила односельчанам, ныне покойная, Мария Осиповна Пролыгина.

Отец мой Осип Вениаминович Пролыгин одним из первых вступил в коммуну, когда мне было 15 лет. К такому решению он пришел после возвращения с Амура, где намеревался поправить материальное положение. Однако денег хватило по возвращении только на покупку коровы. А начиналась Покровская коммуна так.

В один из ясных весенних дней 1927 года после весьма бурного собрания, а точнее, сходки, крестьяне села Покровки, которую по старинке еще называли Теребиловкой, вышли за окопицу к берегу Оки, огляделись и все как один обратили внимание на широкую поляну, обрамленную еще не распустившимися березами. Рядом же была паромная переправа через реку. Переплы whole="vessel">ешь, а там рукой подать до города Зимы. Да и Московский тракт почти рядом.

— Да, лучшего места нам не найти. Поэтому здесь и будем строиться, — дружно решили будущие коммунары.

Коммуна... Это слово будоражило умы людей и вызывало у них мечту о лучшей жизни, которую им предстояло строить на голом месте. Но какой будет эта новая жизнь, никто толком не знал. А не попробовать ли самим ускорить ее приход?

Свою сельскохозяйственную коммуну покровцы, долго не мудрствуя, решили назвать простым словом «крестьянин», а ее председателем избрали всем известного в Покровке рассудительного и грамотного мужика Владимира Шишлянникова. Более того, он был человеком трудолюбивым, смекалистым и справедливым. И нрава доброго и веселого. Мы, сельская молодежь, звали его запросто — дядя Володя. Он к тому же стал еще в коммуне и парикмахером. Причем, с того дня, как все девушки-комсомолки решили подстричься и провести первое комсомольско-молодежное собрание.

Еще до начала посевной коммунары успели построить общий жилой дом с длинным коридором на 16 комнат для семейных, а для молодежи — общежитие. Затем к общежитию сделали пристрой, в нем обосновались кухня, столовая и пекарня. Чувствуя такую заботу о пище-

блоке, женщины-повара вступили как бы в негласное соревнование за лучший хлеб, за самый вкусный борщ или кашу. И хотя они были загружены по горло, еще успевали помогать селянам и на полевых работах.

А вечером по пойме красавицы-Оки далеко разносилась полюбившаяся всем в коммуне строевая походная песня:

Из-за леса, леса показался блеск мечей,
Вышла рота коммунаров-усачей.
А вслед ей люди говорят:
Это рота коммунаров-усачей!

Есть в Зиминском историко-краеведческом музее групповая фотография тех лет, на ней деревенские мальчишки и девчонки со своими пионервожатыми Риммой Потаповой и Александром Кузьминым, многих из которых за давностью лет уже нет в живых.

Отлично трудился в коммуне кузнец Борис Осипович Ильичев, ловко, красиво орудовал он в кузнице молотом и клещами, делая поковки и производя мелкий ремонт сельхозинвентаря. А после горячего труда у раскаленного добела горна душу отводил игрой на гармошке. Когда он начинал наигрывать сибирскую «Подгорную», молодые ноги сами просились в пляс. Зимой обычно плясали в столовой, а летом хорошо плясалось и под красавицами-березами, а звуки музыки доходили аж до Старой Зимы.

Хлеб коммунары сеяли на полях Шишлянниковой и Нагишинской заимок. Там были хорошие земли, и урожай не обманывал их надежд и ожиданий. Работали в основном на лошадях. Рядковые косилки, жатки, грабли тоже были с конным приводом, но и это было по тем временам огромным благом и достижением, как и коллективный труд.

Со временем на территории коммуны появились коровник, свинарник и вместительная конюшня. Очень гордились коммунары, когда им удалось вырастить свинью-рекордистку весом более 10 пудов. А так как жилья у коммунаров не хватало, то стали перевозить старые избы с заимок Пьянковой, Потаповой и других дальних и ближних.

Парни и девушки не гнушались никакой работой, ухаживали за скотом, кормили, выращивали его, а летом пасли на расположенных окрест и в пойме реки Оки пастбищах. Но особенно дружно работали на сенокосе. Несмотря на усталость, молодежь к вечеру весело бе-

жала на реку купаться. Прохладная вода освежала и давала новый заряд бодрости и как бы снимала усталость. А молодым было весело не только в пору сено-коса, но и глубокой осенью на молотьбе снопов и заготовке дров.

С наступлением осени с полной нагрузкой начинала работать и пимокатная мастерская, так как брат председателя коммуны Анатолий Шишлянников был неплохим пимокатом. Поэтому примерно через два года почти все мужчины стали ходить в зимнюю пору в новых валенках. К тому же в коммуне заметно увеличилось поголовье овец, а значит, и настриг шерсти. Начала давать сладкий урожай и пчелопасека, на которой умелое хозяйничал пчеловод Захар Пьянков. Пожалуй, еще большую радость коммунарам доставило открытие начальной школы, а затем и небольшого магазина потребкооперации.

Посильную, но ощутимую помощь коммунарам оказывали пионеры. Они откликались на любое доброе и полезное дело. В летние каникулы заготавливали сено, работая копновозами, травили сусликов и других грызунов, выращивали коноплю, из которой женщины ткали мешки, а мужчины вили веревки. Девочки же нянчились с малышами, их зачастую на целый день оставляли дома родители, так как детяслей в коммуне не было.

А время шло. И оно несло все новые вести и перемены. Так, неподалеку от Покровской коммуны «Крестьянин» вверх по Оке организовалась Колгунайская коммуна «Путь Ильича», которую в шутку и всерьез прозвали «Коммуной Жвачкиных», так как ее председателем был Георгий Жвачкин, а комсомольскую работу вел его брат Павел Жвачкин. Членами этой коммуны были еще несколько семей Жвачкиных, находившихся в той или иной степени родства между собой.

Была в здешней округе еще одна коммуна — «Пролетарий». Надо сказать, что все три сельскохозяйственные коммуны не враждовали между собой, а наоборот, оказывали взаимопомощь и поддержку, делились опытом ведения хозяйства. А в начале 30-х годов они объединились в одну коммуну под громким и многообещающим названием «Прогресс».

ПОЧЕМУ ПОМЕРКЛА СЛАВА ВЕРХ-ЗИМЫ?

Старинная Верх-Зима, основанная более двухсот лет тому назад на месте бурятского улуса Харанут, расположена в живописной местности на самом берегу реки Зимы. Многие годы она была самым большим населенным пунктом в здешней округе, где значительно позднее стали возникать чисто русские селения: Скворцовск, Стебутовск, Ново-Никольск, Хаты и Кукуленовка.

Наряду с земледелием жители Верх-Зимы занимались скотоводством, рыбной ловлей и охотничьим промыслом — в тайге было много зверя и боровой дичи, а в водоемах — диких уток и другой птицы.

О солидном возрасте этого села говорит такой факт: пол и потолок одной из самых старых крестьянских изб, из-за отсутствия в те далекие времена продольных пил, был сделан из плотно сбитых впритык тонких бревен, а русская печь не имела ни единого кирпича, а была полностью глинобитной, но довольно прочной, а потому весьма долговечной.

Если же рассматривать историю Верх-Зимы в социальном плане, то можно с уверенностью сказать, что ее коренные жители жили хотя и не на широкую ногу, но и не безбедно. Каждая крестьянская семья имела земельные наделы — по теперешним измерениям, от пяти до десяти и более гектаров и, конечно же, домашний скот и птицу.

В период коллективизации здесь был создан колхоз, ставший с весны 1957 года одним из отделений совхоза «Зиминский», первым управляющим которого был Иван Степанович Бобров, а затем сменивший его в этой должности Филипп Егорович Леонтьев.

Несмотря на удобное природно-географическое расположение села, близость реки и сенокосных угодий, совхозная Верх-Зима, по мнению первого директора совхоза «Зиминский» И. К. Каткова, не могла быть перспективной. А потому в конце 50-х годов у нее появился своего рода соперник — новый поселок Сологубово, возникший буквально на голом месте.

По замыслу Ивана Корниловича, он должен был представлять через 5—6 лет образцовый агрогородок со всеми социально-бытовыми и другими удобствами. Его идею поддержало руководство района.

И действительно, довольно скоро по соседству со

stroyaющейся молочнотоварной фермой появилась целая улица типовых двухквартирных и несколько жилых двухэтажных домов, но без надворных построек и даже приусадебных участков. Поэтому желающих сменить свои деревенские избы на благоустроенные коммунальные квартиры сперва почти не оказалось.

— Переезжать из Верх-Зимы в Сологубово мы не будем, — твердо заявили тогда управляющему отделением агроном Анатолий Николаев, бригадир Верхзиминской МТФ Валентина Семенова, тракторист Алексей Цыберман, доярка Надежда Иванова, телятница Анна Распопина, учительница Мария Николаева. И они по-своему были правы. Именно в Верх-Зиме проживали тогда основные кадры полеводов, животноводов и механизаторов, имевших на своих подворьях коров, телят, свиней, птицу и другую живность.

А тут всплыла еще одна проблема — с пастьбой скота: ведь поселок оказался в окружении полей, и только с одной стороны к нему примыкала небольшая березовая роща со скучной растительностью, почти не пригодная для пастьбы. И вот вскоре начались потравы хлебов и кормовых культур, поэтому бывший главный агроном совхоза «Зиминский» Илья Тихонович Артеменко предлагал сологубовцам держать своих коров и телят на привязи.

Одним словом, идея превратить Сологубово в образцовый соцгородок, образно говоря, лопнула, как мыльный пузырь, хотя из Верх-Зимы со временем в него были переселены не только механизаторы, полеводы и животноводы, но и переведены отделенческая контора, почта, медпункт, начальная школа и другие учреждения.

А к концу 80-х годов в Верх-Зиме стали проживать почти одни пенсионеры. При разумном же хозяйственном подходе к делу именно в старинной Верх-Зиме следовало разместить центральную усадьбу 2-го отделения только что созданного совхоза «Батаминский», построить в ней ремонтные мастерские и новую молочнотоварную ферму и, конечно же, десятка два жилых благоустроенных домов с необходимыми коммунальными удобствами. Здешний дорожный мастер Павел Мякишев предлагал перенести центр села ближе к реке, которая бы стала со временем естественным украшением Верх-Зимы.

К великому сожалению, высокие районные руководители не сочли нужным прислушаться к добрым советам

и здравым рассуждениям верхзиминцев и батаминцев, а сам инициатор возведения показательно-образцового агрогородка И. К. Катков через два года был повышен в должности и укатил в Иркутск.

Интересен, кстати, и такой факт. Вначале новый поселок называли по имени бывшей здесь когда-то заемки Сальниково. Однако в январе 1965 года решением Иркутского облисполкома его переименовали в «Первомайский». Но и это название просуществовало не долго. Оказалось, что только в нашей области сел и поселков с таким названием около десяти. Весной 1968 года, в преддверии 23-й годовщины Победы над фашистской Германией, по инициативе председателя Батаминского сельсовета А. Д. Дядева здесь состоялся сельский сход. На нем-то и предложил Александр Давыдович назвать новый поселок именем заслуженного человека П. Т. Сологубова — кавалера ордена Славы, гвардии старшины, бывшего председателя колхоза «Красный верхзиминец», рано ушедшего из жизни. Уже через два месяца после возвращения Сологубова из госпиталя домой в январе 1946 года односельчане избрали его председателем здешнего колхоза, и Павел Тимофеевич горячо берется за дело. А через два года в крепнувшем под его руководством хозяйстве колхозники стали получать по 3,5 килограмма хлеба на трудодень. Жить стали они значительно лучше. Однако каждодневные заботы и нагрузки исподволь точили и без того слабое здоровье и председателя-фронтовика. И он, мучившись от неизлечимой болезни, медленно угасал. А тут еще добавил случившийся как-то по весне в Верх-Зиме большой пожар, от страшного переживания Павел Тимофеевич как-то сразу качнулся, приложил руку к левой стороне груди — и упал.

Два с половиной года отдал П. Т. Сологубов своему родному колхозу, ставшему вскоре передовым в Зиминском районе. В поселке, названном его именем, по-прежнему слышится биение сердца ушедшего в бессмертие человека.

Конечно, за 30 с лишним лет своего существования поселок заметно расширил свои прежние границы. Есть теперь в нем и школа, и магазин, и столовая, и клуб, и медицинский пункт. Тем не менее, коренного населения в Сологубово проживает очень мало. Больше всего приезжих из разных мест и молодых семей, что доставляет, естественно, немало дополнительных забот и хло-

пот не только руководству Сологубовского отделения, но и совхоза «Батаминский».

Вот так с благословения районного руководства пришла в полный упадок и потеряла былую славу старинная Верх-Зима.

В АРХИВАХ — ПРАВДА ЖИЗНИ

Архивы, как подлинные исторические документы, дают самую правдивую картину и справку о многих событиях и моментах в жизни любого села, города, в целом народа и государства. Именно таким, образно говоря, хранилищем является крупнейший в России Государственный архив Иркутской области. Так, в фонде под № 270 (д. 25 и 91) немало исторических материалов и интересных сведений о первых годах работы Зиминского уездного исполнительного комитета, Кимильтейского, Батаминского и Масляногорского волисполкомов, их сельских Советов, общественных организаций и многое, многое другое. Вот некоторые любопытные документы о нашем районе.

Мельники недовольны...

В начале 20-х годов в Кимильтейскую волость, кроме Кимильтея, входили Перевоз, Харик, Харчев и Листвянка. Еще за несколько лет до коллективизации местными органами власти были взяты на учет все имеющиеся в этих селах орудия труда и сельхозмашины. В Перевозе конные молотилки имели зажиточные крестьяне И. Г. Волокитин, И. С. Бухаров, С. Н. Минеев и некоторые другие. Всего молотильных агрегатов в Перевозе насчитывалось 14, в Листвянке — 12, в Харике — 9, Харчеве — 8 и в Кимильтее — 22.

Однако по первому же требованию властей владельцы молотилок обязаны были предоставлять их в распоряжение бедняков и семей красноармейцев для обмолота зерна.

Вот запись из протокола заседания Кимильтейского волисполкома в присутствии владельцев водяных мельниц Ивана Заболоцкого, Ивана Фурашева и братьев Бондарчуков от 23 ноября 1923 года.

«Обсудив всесторонне вопрос о понижении взимания платы за размол зерна, волисполком постановил: взимать вместо четырех фунтов с каждого пуда по три фунта, а с крестьян-бедняков — по 2,5 фунта муки.

Пред. волисполкома Константинов.

Секретарь исполкома Слюсарев».

Здесь же при обсуждении второго вопроса — «Об оказании помощи Красной Армии» — владельцам мельниц предписывалось... немедленно вступить в члены содействия воздушному флоту, уплатить членские взносы и слать по 5 пудов пшеничной муки.

Льготы беднякам

На основании постановления Иркутского губсовнархоза всем волревкомам предлагалось строго соблюдать очередность передачи лошадей, оставленных белыми при их отступлении, бедным и безлошадным крестьянам. В деле архива сохранилась «Жалоба казака Кимильтейского поселка Петра Андреевича Оглоблина», которую заведующий отделом губсовнархоза Вильчинский переслал в Кимильтей с сопроводительным письмом: «Оставилсь при одной лошади, Оглоблин лишен возможности посеять необходимое количество хлеба и, лишившись отобранного у него киппелевцами имущества, он поставлен в крайне тяжелое положение».

В Совет за помощью

Не секрет, что созданные в сибирских селах волисполкомы еще очень плохо знали свои права и обязанности. Так, в одной пожелавшей от времени папке сохранился небольшой клочок бумажки: «Удостоверение гр. села Кимильтей Ивану Семенову в том, что, согласно постановлению волисполкома от 5 декабря 1920 года, ему разрешена заготовка леса за рекой Окой для постройки амбара». Или вот такое: «Удостоверение Гражданка села Перевоз Евдокия Николаевна Алексеева передает кобылицу серой масти Александру Арсентьевичу Долгих на таких условиях: четверть десятины пашни и 300 рублей деньгами.

Секретарь Дорохова».

Ученье — свет, неученье — тьма

«Учитывая факт малосознательного отношения к советской власти, разрешаем с 10 октября 1921 года открыть в городе Зиме курсы по подготовке волостных работников сроком на две недели.

С подлинным верно.

Делопроизводитель исполкома Изотов».

Действительно, вместо решений и постановлений местные Советы зачастую издавали весьма строгие приказы, то есть допускали вопиющие перегибы.

Вот один из приказов, датированный 13 сентября 1921 года: «Рассматривая сводку о поступлении всех продналогов, видно, что некоторые граждане и руководители их задерживают. Приказываю рассчитаться с продналогом в течение трех суток. Если не будет выполнено, то все члены сельсовета (имеется в виду Харикского. — А. Б.) будут преданы суду ревтрибунала

Пред. волисполкома Кульпин.

Болналогоинспектор Овечкин».

Первая газета «Крестьянин»

Зиминцы должны знать, что первый номер Зиминской районной газеты под названием «Крестьянин» вышел 6 декабря 1922 года — 70 лет тому назад. (Из газетного фонда научной библиотеки Иркутского государственного университета.)

О чем же писала она в своих первых номерах.

Это было в Батаме

Руководители Батаминского волисполкома запретили учительнице школы установить новогоднюю елку.

«Елка — пережиток прошлого, — заявил ей секретарь волисполкома». Однако, на счастье ребятишек, в Батаме оказались проездом руководящие товарищи из Зимы, которые разрешили установить елку и умерили пыл волостных заправил.

13 января 1923 г.

Наша победа

Октябрь 1917 года смыл все социально-общественные нечистоты со дна жизни и предоставил свободное плавание угнетенным всех наций. Победа одержана, но не до конца! Кипит еще борьба между классами капиталистов и пролетариатом.

31 января 1923 г.

Рождество в таежной Зиме

За две недели в городё до наступления Рождества Христова началась антирелигиозная пропаганда, интерес к которой обнаружился громадный. Однако в Народном доме (ныне Дом пионеров. — А. Б.) на лекции собирается еще мало народу.

15 февраля 1923 г.

Что посеешь, то и пожнешь

Хотя на дворе еще зима, однако крестьяне уже сейчас должны готовиться к весеннему севу. Больше внимания следует уделить семенам. Сорные семена, попадая в почву, быстро прорастают, затемняют хлебные растения и этим понижают урожай.

2 марта 1923 г.

Нам нужны сведения

К сведению корреспондентов газеты «Крестьянин». Редакция газеты просит всех корреспондентов, выдвинутых партийными, профсоюзовыми и советскими организациями, сообщить о себе имя, отчество, фамилию, профессию, занимаемую должность, волость и село, где он проживает.

2 апреля 1924 г.

Строга власть советская...

Судя по архивным документам, с весны 1923 года все решения и постановления в Зиме стали издаваться за подписью президиума горсовета. Так, в протоколе одного из его заседаний значатся такие вопросы:

О проведении ударного месячника по благоустройству.

О переименовании улиц города.

Об использовании электрической энергии.

О создании карантинной службы по борьбе с чумой.

В те далекие в общем-то уже годы в Зиме были и милиция, и суд, и прокуратура. Однако кроме этих правоохранительных органов довольно строго наказывал своих подчиненных и уездный исполнительный комитет. Так, в протоколе под № 55 от 13 июля 1923 года записано, что за невыполнение масляничного и яичного налогов аресту на 14 суток с содержанием в Зиминском арестантском доме были подвергнуты председатель Перевозского сельсовета Волокитин и на 7 суток председатели Кимильтейского, Троицкого и Апраксинского Советов. Трехдневному аресту был подвергнут крестьянин села Ухтуй Кадков Алексей «за невыполнение решения исполкома». (Какого же конкретно и за что — не указано.)

Судя по архивным документам, Зиминский уездный исполнительный комитет был подлинным хозяином на такой большой сравнительно территории, в состав которой также входили нынешние районы — Заларинский, Балаганский и Куйтунский. Так, в приказе от 18 августа 1922 года записано следующее:

«В целях удаления из рядов милиции преступного шкурнического и неработоспособного элемента и в целях ее качественного улучшения... приказываю произвести чистку административного, командного и хозяйственного состава. Чистку Зиминской милиции начать с 20 августа и закончить к 1 октября с. г.

Предуисполкома Маторин».

В одной из архивных папок хранится «Протокол № 1 Масляногорского волостного съезда Советов Зиминского уезда от 20 января 1922 года. Председателем избран А. Велихов, секретарем — Г. Ануфриев. По предложению тов. Пастухова участники съезда почтили память павших борцов за советскую власть вставанием и минутой молчания.

Порядок дня работы:

1. О новой экономической политике (НЭП).
2. Об оказании помощи голодающим Поволжья.
3. О проведении декадника по заготовке дров и оплате труда служащим волисполкома и школьным работникам».

И хотя проводимое в Масляногорске такое большое общественно-политическое мероприятие именовалось съездом, фактически же это было первое в здешней окруже организационное собрание по избранию местного органа советской власти — волостного исполнительного комитета.

В отличие от других архивных документов, протокол общего собрания жителей Яхонтовского сельсовета Глинкинской волости Зиминского уезда от 2 января 1922 года был весьма и весьма краток:

«Слушали: доклад председателя Совета тов. Шевцова. За период службы.. Его работу принять к сведению и выразить ему за это благодарность.

Председатель собрания Грищенко.

Члены президиума Чертков, Чумаков, Сапронков».

СТРАНИЧКИ КОЛХОЗНОЙ ИСТОРИИ

Откроем некоторые странички уже той далёкой колхозной истории, придерживаясь по возможности ее хронологии.

Еще в 1926 году в таежной Басалаевке, что на левом берегу реки Зимы, создается мелиоративная артель по совместной разработке новых земель и осушению пойменных болот. Ее председателем был Григорий Васильевич Ходырев, а заместителем Александр Николаевич Рычков. Года через четыре артель эта преобразуется в колхоз под названием «Вятка», а в 1934 году ему присваивается имя Сергея Мироновича Кирова. 30 июля 1950 года по решению общего собрания колхоз им. Кирова объединяется с колхозом им. Чапаева, находящимся в соседнем Ново-Никольске. Располагая плодородными пахотными землями и прекрасными сенокосными угодьями, басалаевский колхоз в довольно небольшой срок становится передовым в Зиминском районе, за что накануне Великой Отечественной войны он награждается... племенным быком.

В те же годы в старинном селе Верх-Зима создается колхоз им. Сталина, в 1955 году объединенный с соседним колхозом им. Хрущева. А так как в районе уже два колхоза носили имя И. В. Сталина, то верхзиминскому колхозу пришлось-таки довольствоваться именем Н. С. Хрущева.

Вообще в середине 50-х годов в Зиминском районе по команде и указанию сверху настойчиво велось укрупнение колхозов. Именно в это время хозяйство «Советский герой», расположенное в селе Покровка, объеди-

няется с колхозом им. Молотова, центральная усадьба которого находилась в захолустной деревушке Нагишино, а колхоз «Путевод» в селе Ново-Летники — с соседним колхозом им. Буденного.

В Кимильтее, как и всюду, коллективизация сельского хозяйства также проходила с большими потугами, тем не менее в первые годы в селе было уже три колхоза — им. Молотова, им. Ленина и «Сталинский путь». Первым председателем колхоза им. Молотова был двадцатипятилсячник А. Е. Андрианов. В этом колхективном хозяйстве имелось 1700 гектаров пахотной земли, 500 голов крупного рогатого скота и почти столько же лошадей и жеребят. Обработка земли и уборка урожая велась конно-ручным способом, урожайность зерновых составляла всего 7—8 центнеров с гектара.

Одновременно такие же мелкие колхозы создаются в северо-западной части Зиминского района, с которой город Зиму связывала единственная в этой округе парамная переправа через Оку возле Баргадая. Так, в Кундулуне в 1931 году образуется колхоз «Ново-Кундулун», его председателем стал крестьянин Семен Карпович Назаров. В этом колхективном хозяйстве, в котором было всего 87 трудоспособных колхозников, имелось 4372 гектара сельхозугодий, из них 859 га пашни, 239 га сенокосов и 227 га выгонов и пастбищ. Самым же, можно сказать, «карликовым» колхозом был «Красный север» в соседней деревушке Качегире. В нем имелось всего 325 гектаров пашни, 152 га сенокосных угодий и 50 га пастбищ. Из сельхозинвентаря было 16 плугов, 20 борон и несколько самых простейших сялок и молотилок.

Организаторами колхозного движения в старинном селе Буря были Андрей Дмитриевич Сазонов, Татьяна Дмитриевна Спичкина, Анна Николаевна Тирских и бывший партизан отряда Бурлова Иван Дмитриевич Скуратов. Вначале в Буре была создана коммуна, возглавил ее вернувшийся из армии молодой красноармеец Николай Иванович Константинов.

Несколько позднее здесь же образуются две небольшие промартели «Красный охотник» и «Молодая колхозница». После их объединения с коммуной новому колхозу было присвоено имя М. И. Калинина.

В конце 50-х годов буринский колхоз объединяется с кимильтейским колхозом им. Ленина, который становится одним из самых крупных хозяйств не только в районе, но и в области. Первым его председателем был ин-

женер по образованию, приехавший из Иркутска, к сожалению, рано ушедший из жизни, Владимир Иванович Телегин.

Старинная Буря, ставшая отделением этого укрупненного колхоза, несмотря на большую удаленность от Кимильтея и райцентра, со временем стала переживать как бы второе рождение. По инициативе управляющего отделением, ветерана войны и труда Николая Егоровича Константина в ней были построены типовой механизированный коровник на 200 голов, телятник, зерноток, машинный двор с ремонтной мастерской, а также школа, магазин, Дом культуры с библиотекой, здание сельского Совета и, что особенно важно, более 20 одноквартирных и двухквартирных домов с необходимыми надворными постройками.

В конце 20-х годов в Баргадае действовало Товарищество по совместной обработке земли. Через два года на его базе создаются три колхоза — «Новая деревня» (председатель Федор Красиков), «Красный Октябрь» (председатель Трофим Беломестных) и «Бурят 1-й» (председатель Прокопий Голышев). Наряду с этими мелкими и к тому же экономически слабыми колхозами в Баргадае существовала еще сельскохозяйственная коммуна «Заря», возглавляемая крестьянином-активистом Егором Абуздиным. Такая многоукладность и разношерстность баргадайцев в землепользовании, при наличии к тому же многочисленных межей и полос отчуждения, нередко приводила к острым спорам и расприям. Поэтому вскоре все три баргадайских колхоза и коммуна «Заря» объединились в один колхоз им. Крупской.

Только за три года коллективизации сельского хозяйства в Зиминском районе было образовано почти 60 колхозов, из них в Перевозе — «Трактор», в Подгорной — «Политотделец», в Карповске — им. Мичурина, в Услоне — «Путь Ленина», в Челябе — им. Ворошилова, в Самаре — «Коммунар», в Чиркино — «Нижне-Чиркино», в Лихачево — «Земледелец», во Владимировске — «За лучшую жизнь» и другие.

Весьма интересна, кстати, история ухтуйского колхоза «Перелом». На проходивших в Ухтве неоднократно сходках и общих собраниях многие крестьяне, в особенности зажиточные, не соглашались с созданием в их селе коллективного хозяйства. Не помогли уговоры учителей Ухтуйской школы, тщетными оказались усилия и уполномоченного из райкома, приехавшего из Зимы. И

только представителю крайкома Даниилу Петровичу Зарубину удалось убедить образовать в Ухте колхоз, которому тут же придумали весьма громкое и многообещающее название «Перелом». Мы знаем, что коллективизация шла не только с большими трудностями, но и с серьезными нарушениями и перегибами. Раскулачиваанию и репрессиям зачастую подвергались не только зажиточные крестьяне, которых нарекли тогда кулаками, но крестьяне-середняки, имеющие зачастую по несколько десятин пахотной земли да пары две-три коров и лошадей. По неполным данным, только в Перевозе, Покровке и Кимильтее было раскулачено и посажено в каталажку более 300 человек, а всего по району не одна тысяча, часть которых вообще не вернулась к родному очагу и к своим осиротевшим семьям.

Бывший житель Перевоза, ветеран войны и труда, проживающий в настоящее время в Хабаровске, Иннокентий Михайлович Бухаров вспоминает, как раскулачивали, а затем репрессировали всю его семью.

Однажды поздним вечером, играя со своими сверстниками на улице, я увидел, как в ограду нашего дома вошли трое незнакомых мужчин. У двоих за плечами были охотничьи ружья, а у третьего, что был одет в милицейскую форму, на поясе висел наган. Сперва я подумал, что эти люди пришли приглашать отца на охоту, хотя этим промыслом он вообще-то никогда не занимался. Почувствовав неладное и даже что-то страшное, я бросился в дом. И тут увидел, как эти самые незнакомцы ведут с заложенными за спину руками моего отца, а следом, громко плача и причитая, плетется мать, все еще, видно, надеясь, что с его арестом произошло какое-то недоразумение или ошибка. Ведь жили-то мы довольно бедно, да к тому же в доме деда, который оставил не ахти какое наследство. Так за один теплый летний вечер вся наша многодетная семья осталась без отца.

Огромная беда свалилась на нашу семью. Мы испытывали нужду буквально во всем. И только наша корова-кормилица Пеструха, от которой каждому едоку доставалось по кружке молока, не дала умереть с голода.

Однако самое худшее еще было впереди. Примерно через год нашу семью, глава которой оказался, по заявлению Зиминского НКВД, «вредителем», а значит мы «неблагонадежными», сослали из Перевоза в концлагерь Переплав, что в Ирбейском районе Красноярского

края. Хорошо помню, что из Зимы вместе с другими раскулаченными семьями нас везли целый месяц в товарном вагоне с двумя рядами нар в большой тесноте и в сопровождении охраны. Но у нас и мысли не было о побеге, если мне было тогда 6 лет, сестрам Шуре и Нюре — по 2 и 4 года, брату Коле 8 лет и Кате — 10 лет. Прошли годы. В 1943 году я был призван в армию, участвовал в войне с фашистской Германией. После демобилизации окончил иркутскую школу военных техников и многие годы до ухода на пенсию работал настройках Хабаровска. Однако связь со своими родственниками, проживающими в моем родном Перевозе, не прерываю до сих пор.

Сохранились архивные документы и о деятельности сельских Советов Зиминского района той уже далекой в общем-то поры.

Так, в протоколе № 1 заседания пленума Глинкинского сельского Совета от 12 января 1937 года записана следующая повестка дня:

1. О подготовке к посевной техники в колхозах «Первомайский луч» и «Красная нива».
2. О направлении людей и лошадей на лесозаготовки.
3. О ликвидации неграмотности на селе.

А в постановлении Глинкинского сельсовета, принятом 13 марта этого же года, записано следующее:

«В колхозе «VII съезд Советов» подготовку к посевной признать неудовлетворительной, а его председатель П. Евстигнеев занимается пьянкой, хотя с прошлого года 7 гектаров зерновых осталось под снегом. Президиум Глинкинского сельского Совета решил: собрать весь материал для привлечения председателя колхоза «VII съезд Советов» Петра Евстигнеева к судебной ответственности».

В архивных материалах Кундулунского сельского Совета хранится протокол заседания № 3 от 15 февраля 1933 года с повесткой дня «Проработка постановления Зиминского райисполкома о проведении большевистского сева». На нем были заслушаны председатели колхозов Лещиков, Снежко и Акулов. Им предписывалось в срок до 15 апреля полностью завершить ремонт сельхозинвентаря, подготовить тягловую силу — лошадей и не позднее 20 февраля выехать в Балаганский район для закупки недостающих семян. Вел заседание президиум-

ма Кундулунского сельского Совета его председатель Константинов.

Укреплению колхозов в Зиминском районе в значительной мере способствовали созданные машинно-тракторные станции: в 1931 году — Кимильтейская МТС, в 1936 году — Старозиминская и в 1938 году — Глинкинская. К началу 1940 года они обслуживали 58 колхозов, имея в своем распоряжении 132 трактора различных марок и 58 комбайнов, не считая другой техники.

Взятый курс на сплошную коллективизацию был в основном завершен к 1 июля 1939 года с такими показателями: из 2911 крестьянских хозяйств в колхозы вступило 2818, что составило 96,8 процента от числа хозяйств и 99,7 процента посевной площади.

В последний предвоенный год передовыми по урожайности были колхозы им. Кирова, «Трактор», «Путь Ленина», им. XVIII партсъезда, им. Шеметовича, «8-е марта», им. Ворошилова, получившие в среднем по 12 центнеров зерна с гектара.

Надо сказать, что в протоколах заседаний и совещаний, обнаруженных в Зиминском архиве, часто фигурируют фамилии секретарей райкома Карпова и Лукьянова, председателя райисполкома Шиверского, а в послевоенные годы — и заведующего райзо Гульбинского. Можно представить всю сложность их работы не только из-за отсутствия легкового автотранспорта и почти сплошного бездорожья в распутицу, но и большой разбросанности колхозов, которые были тогда в каждой, даже захолустной, деревушке.

Часто бывали в колхозах и руководители машинно-тракторных станций, и в особенности инженерно-технические работники и разъездные механики, много делавшие для повышения мастерства и закрепления сельских кадров.

Приведем два документа о деятельности Кимильтейской МТС (ГАИО, ф. 279, оп. 612, д. 10). Так, в одном из них читаем:

«Протокол совещания работников ремонтных мастерских от 21 июля 1932 года «О помоши колхозу им. Ленина в уборке накошенного на лугу сена». Постановили: по предложению председателя месткома тов. Гольцова организовать в порядке помоши колхозу воскресник и составить список желающих выйти на работу».

А вот другой документ: «Список передовиков Кимильтейской МТС за 1934 год. За образцовую работу

первого мехотряда, качество ремонта и высокую дисциплину бригадира тов. Такменева премировать поросенком, пятидесятью рублями и Почетной грамотой. Тракториста десятого отряда тов. Беляева премировать двумя пудами пшеницы и Почетной грамотой. Также поощрить материально и морально трактористов Давида Кузьмина, Алексея Соловьева и Константина Бухарова».

Константин Васильевич Бухаров был одним из первых трактористов Перевоза, погибший в первый же месяц Великой Отечественной войны. Сын его Павел Константинович пошел по стопам отца и на протяжении ряда лет занимал в Зиминском районе первенство по намолоту зерна и трижды был удостоен звания «Чемпион жатвы».

Вообще в старинном Перевозе специальность механизатора во многих семьях передается как бы по наследству от отца к сыну, а от него к внуку, к правнуку.

Добрая слава в 30-е годы шла о звеньевом колхоза им. Ворошилова (с. Челяба) И. М. Зубакове, получившем в 1939 году на площади пять гектаров рекордный на всю Иркутскую область урожай — по 60 центнеров зерна, за что был награжден Главным выставочным комитетом ВДНХ золотой медалью.

Если полеводство развивалось более-менее успешно, то такая важная отрасль, как животноводство, властила жалкое существование: дойные гурты коров содержались в старых неотапливаемых помещениях, сенокосные же угодья полностью не выкашивались, а силосование кормовых культур только еще внедрялось.

Если же говорить о самих колхозниках, то они получали на заработанный трудодень мизерное количество зерна, и только самые опытные трактористы и комбайнёры, числящиеся в штате МТС, находились в более привилегированном положении, хотя также облагались большими налогами и не имели права содержать на своем подворье более двух голов крупного рогатого скота, пяти овечек и пары свиноматок. Косить же разрешалось только после завершения сенокосной страды и то в лесистых и заболоченных местах.

Нападение фашистской Германии на нашу страну нарушило мирную жизнь советского народа. В колхозах ушедших на фронт мужчин заменили женщины, старики и дети. На их хрупкие плечи легли все тяготы домашнего и колхозного хозяйства. Посуровели люди, но не падали духом, хотя в деревнях почти наполовину сок-

ратилось поголовье лошадей и грузовых автомашин, а в Кимильтейском колхозе им. Ленина, например, осталось всего два гусеничных трактора ЧТЗ и шесть «колесников». Для перевозки зерна, кормов и других грузов стали использовать бычков и коров. Уже в первый год Отечественной войны штурвалы комбайнов взяли в свои руки Мария и Ольга Перетолчины, Надежда Попова, Александра Гаврилова, Евдокия Бояркина, Ольга Скуратова и другие женщины. А юные комсомолки Мария Лаптева из колхоза «Мировой Октябрь», Валентина Шарыгина и Елена Токарева из колхоза им. Крупской связывали за день по 1300—1500 снопов при норме 600—800.

И в послевоенные годы многие колхозы района оставались экономически слабыми. К тому же с наступлением зимы мужчин, да и женщин тоже, отвлекали от основной колхозной работы на лесозаготовки. И только в начале 50-х годов эта крайне тягостная для селян повинность была наконец-то отменена. Существовавшие до середины 50-х годов МТС заменили ремонтно-технические станции, которые заметно ослабили помочь колхозам. Выкупленная же у государства сложная дорогостоящая техника использовалась крайне непроизводительно, а для ее ремонта колхозные мастерские не имели не только специальных помещений, но и квалифицированных специалистов.

В эти годы ведется строительство капитальных мастерских на центральной усадьбе колхоза им. Ленина в Кимильтее и в только что созданном совхозе «Зиминский».

Совхоз этот в его бытность стал одним из самых крупных не только в районе, но и в области. Насчитывал он более 10 совхозных отделений. Затем с начала 60-х годов началось его разукрупнение. Так, на базе его отделений образовались новые совхозы — «Глинкинский», «Окинский», «Батаминский», а совсем еще недавно — и совхоз «Масляногорский».

Но если еще в первые послевоенные годы почти в каждой деревушке района располагался колхоз, то с созданием совхоза они стали терять свое былое, в том числе и административное, значение. И наиболее трудоспособное население стало переселяться в города, на промышленные предприятия.

«НЕУГОДНЫЕ» ДЕРЕВНИ

Сейчас много пишут в газетах, говорят по радио и телевидению о необоснованной ликвидации так называемых неперспективных сел и деревень и справедливо считают, что это было в свое время большой ошибкой. Но ведь допущенную ошибку следовало незамедлительно исправить или устраниТЬ, что, к великому сожалению, не было сделано ни в верхах, ни в низах. И деревни продолжали исчезать.

Вот и в Зиминском районе его руководители — первый секретарь райкома В. М. Катомин и председатель райисполкома Я. М. Кухарев — шли по пути ликвидации мелких, неперспективных сельских населенных пунктов, одновременно укрупняя колхозы. Например, в образованный в 1957 году колхоз им. Кирова с центральной усадьбой в Филипповске вошли все без исключения колхозы, расположенные в Глинках, Растигайевске, Карповске, Больше-Воронеже, Константиновске, Больше-Лихачево, Урае, Холах и других селах и деревушках. И как ни пытался его первый председатель Федор Артемьевич Андреев и секретарь парткома Григорий Борисович Ко-сач вывести колхоз из прорыва, у них ничего не получилось. И прежде всего из-за большой разбросанности ферм, бригад и других производственных подразделений. Новый же председатель В. П. Желябовский вообще привел колхоз к развалу. А коль дела в нем шли из рук вон плохо, то это стало сущей трагедией особенно для небольших поселков и деревушек, где и до этого и жилье не строилось, и животноводческие помещения не ремонтировались. Стороной объезжало их не только колхозное, но и районное начальство. А заведующий районным отделом народного образования П. Г. Юшманов вообще закрыл несколько начальных сельских школ. Так со временем обезлюдили Холы, Константиновск, Владимировск, Иконники, Урай, Гуты, Верхне-Чиркино, Больше-Лихачево, а затем и деревня Карповск.

По существу, по этим же причинам прекратили свое существование и пригородные населенные пункты — Челяба, Кустово, Хохлова, Подгорная, Волокитино, Калигина. А ведь в Челябе еще в послевоенные годы находился передовой в районе колхоз им. Ворошилова, коллектив которого славился высокими урожаями зерновых, надоями молока и привесами крупного рогатого

скота. На хорошем счету была здесь и ферма по раз-
дою коров-первотелок, на которой передовая телятница
Нина Аверьянова внедрила подсосный метод выращи-
вания телят под коровами-кормилицами и этим ликви-
дировала падеж новорожденных телят.

На территории Батаминского сельского Совета слов-
но по мановению волшебной палочки канули в Лету
Скворцовск, Бандураевка и Кукуленовка, славившаяся
на всю округу своей репродуктивной свиноваренной
фермой.

Не менее печальная участь постигла и пришедших
почти в запустение Ново-Никольск, Стебутовск и ста-
ринную Верх-Зиму. Непонятно, скажем, почему неугод-
ным районному начальству стал и расположенный в кра-
сивом живописном месте на Батаминском тракте посе-
лок Стебутовск? А ведь именно Стебутовская свинофер-
ма была подлинной школой передового опыта в свино-
водстве, сюда приезжали посмотреть и поучиться пред-
ставительные делегации из многих совхозов и колхозов
области. А делились с ними опытом своей работы луч-
шие свинарки — сестры Бронислава Матвеевна Юмен-
чук и Юзефа Матвеевна Великопольская, награжденная
впоследствии за свой добросовестный и самоотвержен-
ный труд орденом Ленина.

Еще десять лет тому назад доброй славой в совхо-
зе «Глинкинский» пользовались Писаревская молочно-
товарная ферма, на которой мастера машинного доения
коров Нина Курчевенко, Валентина Попова, Анна Де-
некина, Елена Жилицкая и другие получали от своих
буренок по 3000 и более килограммов молока в год. Од-
нако из-за отсутствия элементарных жилищно-бытовых
условий, отсутствия медпункта и магазина, а также не-
внимания к облегчению труда животноводов Писарево
и Подгорная со временем также обезлюдили. Причем,
многие из животноводов, полеводов и механизаторов по-
полнili производственные коллективы расположенных
поблизости Зиминской птицефабрики и объектов Саян-
ского производственного объединения «Химпром». В свя-
зи с этим они сменили и свое место жительства, пере-
ехав со своими семьями в Саянск, Зиму и в соседнее
село Мордино, которое, к счастью, не попало в разряд
неперспективных и поэтому избежало печальной участи.
Директор совхоза «Зиминский» Михаил Степанович Ган-
тимуров, болезненно переживший, но так и не сумев-
ший приостановить в своем хозяйстве этот процесс, как-

Норинский молочный комплекс совхоза «Глинкинский»
Фото Г. Позднякова.

то подсчитал: с 1955-го по 1975 год в нашем районе полностью исчезли с лица земли почти 60 неперспективных сел, деревень и деревушек. А ведь в них были бригады, фермы, мехмастерские, а главное — жили люди, которые производили молоко, мясо, хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию. Здесь же под боком находились и школы, и магазины, и медицинские пункты. Хотя новое строительство в таких населенных пунктах почти не велось, да и автобусное сообщение отсутствовало, селяне до поры до времени никуда не уезжали, все еще питая надежду на лучшее будущее. Правда, сейчас кое-где заселяются пустующие деревушки и деревни. Таким, к примеру, в совхозе «Масляногорский» из неперспективного ранее поселка стал весьма перспективным поселком Осиповск, получивший в последние годы вместо производственной бригады статус совхозного отделения.

Судя по архивным документам, в первые послевоенные годы Старозиминская МТС, где директором был Иван Корнилович Катков, обслуживала 29 колхозов своей зоны. Причем, уже к концу 1948 года почти все хозяйства этой зоны достигли довоенного уровня урожайности полей и продуктивности дойного стада крупного

рогатого скота, а поголовье кур-несушек увеличилось более чем в пять раз. Добрый след в колхозных успехах оставили о себе главный агроном Старозиминской МТС А. П. Ананьев и главный зоотехник К. И. Пыженкин. Однако в связи с ликвидацией неперспективных сел и объединением колхозов стали разоряться и бесследно исчезать не только многие колхозы этой зоны, но и сами деревни. А ведь в каждом из этих колхозов выращивалась и производилась полеводческая и животноводческая продукция. Причем, получая на заработанные трудодни достаточное количество зерна, колхозники сами пекли себе хлеб и этим облегчали труд сельских продавцов.

Так стоило ли по указке сверху, не считаясь с мнением колхозников, объединять все мелкие колхозы и переводить их затем в совхозы, ликвидировать машинно-тракторные станции и создавать на их базе ремонтно-технические станции, а в районных центрах — отделения сельхозтехники? А разве не парадокс, что четверть века тому назад с помощью прицепных зерноуборочных комбайнов хозяйства Зиминского района полностью убрали выращенный урожай, тогда как при наличии в настоящее время более производительной самоходной техники часть урожая зерновых попадает под снег?

ПЕЧАЛЬНАЯ УЧАСТЬ ОДНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

Всестороннему и глубокому анализу реформ и различных перестроекных процессов в сельском хозяйстве бывшего Советского Союза ученые и экономисты наверняка посвятят целые тома.

Самые светлые и радужные надежды связывали труженики села с мартовским (1962 года) Пленумом ЦК КПСС по перестройке управления сельским хозяйством. В связи с этим, как тогда говорили, историческим постановлением Иркутский обком партии и облисполкомом приняли совместное решение об образовании в области пяти территориальных производственных колхозно-совхозных управлений. Из них в Зиминское управление вошли Зиминский, Заларинский, Куйтунский, Балаганский и Усть-Удинский районы.

В результате этого новшества в Зиме вместо газеты «Знамя труда» со средины апреля 1962 года стала вы-

ходить межрайонная газета «Ленинский путь». Ее редактором был утвержден Иван Ананьевич Тумаков, а заместителем Юрий Викторович Маяков. Существовавшие же в Заларях, Куйтуне, Балаганске и Усть-Уде районные газеты были закрыты, а их типографии переведены на выпуск бланочной и другой мелкой печатной продукции.

Вся эта организационно-перестроечная работа проводилась довольно быстро и настойчиво, можно сказать, с размахом, «чтобы в ближайшее время закончить подготовку к весеннему севу и провести его с высоким качеством» — говорилось в одном из приказов.

В первом номере межрайонной газеты «Ленинский путь», вышедшей 29 апреля 1962 года, почти вся ее первая страница была посвящена интервью с начальником управления Н. П. Апрелковым. В нем Николай Петрович привел такие данные: 27 колхозов и совхозов территориального производственного управления имели общую посевную площадь более 350 тысяч гектаров; из них 70 процентов занимали зерновые культуры. Из корневых же культур предпочтение отдавалось кукурузе, гороху и брюкве. В животноводстве был взят курс на внедрение механизированной дойки на фермах, содержание молодняка скота на откормочных площадках, а также выращивание телят под коровами-кормилицами.

Однако при такой большой разбросанности производственного управления в первый же год как весенний сев, так уборка урожая непомерно затянулись, а потому некоторые колхозы и совхозы получили продукции полеводства значительно меньше предыдущего года. Не оправдались надежды и на инспекторов-организаторов, которые, кроме обязанностей, не имели никаких прав, а потому, несмотря на все старания, по существу являлись регистраторами событий. Не больше.

Плохое состояние проселочных дорог и телефонной связи также во многом затрудняло работу территориального производственного управления. Хотя на первом организационном собрании-совещании, проходившем в середине апреля 1962 года в Зиме, первый секретарь обкома партии Семен Николаевич Щетинин пообещал для связи с районами выделить специальный самолет. Поэтому вся работа раздутого управленического и партийного аппарата сводилась в конечном счете к сбору различного вида сводок, сведений и высылке на места приказов и распоряжений, где они в лучшем случае регист-

рировались и подшивались. Первый секретарь Усть-Удинского райкома партии А. Е. Оропченко и председатель райисполкома Г. Ф. Хохрин как-то прямо заявили приехавшим к ним журналистам, что они (устудинцы) вообще не намерены подчиняться Зиме, которая находится за 100 километров от Усть-Уды, к тому же за такой большой водной преградой, как Братское море.

Члены Совета территориального производственного управления, первый секретарь Зиминского райкома партии А. В. Власов (позднее бывший пред. Совмина РСФСР), председатель райисполкома В. М. Катомин, директор совхоза «Зиминский» М. С. Гантимуров и председатель колхоза им. Ленина В. И. Телегин, не всегда находили общий язык с другими руководителями и ведущими специалистами управления. Руководители района лучше, чём они, знали нужды и трудности, а также резервы и возможности и услонцев, и кимильтейцев, и глинкинцев, и батаминцев. А потому по старой привычке они шли в райком и райисполком за советом и неотложной помощью.

Не потому ли Зиминское территориальное производственное колхозно-совхозное управление в марте 1963 года прекратило свое существование.

Но, пожалуй, не менее удивительно то, что буквально через неделю все хозяйства Зиминского района вошли в подчинение и в состав нового, теперь уже Куйтунского сельского производственного парткома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся. Поэтому Зима оказалась как бы отрезанным ломтем, так как буквально за Ухтуйкой и кирпичным заводом уже начиналась территория... Куйтунского сельхозуправления, а потому даже жители таких пригородных сел, как Самара, Услон и Ухтуй, не говоря уже о Кимильтее, Масляногорске, Покровке и Батаме, теперь были вынуждены за каждой справкой-бумажкой ездить в Куйтун. Не абсурд ли это?

Да, именно так было на протяжении почти добрых двух лет, причем в Зиме это время не выходила даже газета, так как «Ленинский путь» стал печататься тоже в Куйтуне.

И только в апреле 1965 года Зиминский район вновь получил самостоятельность, и все вернулось на круги своя. А 28 апреля этого же года вышел первый номер зиминской газеты «Приокская правда», ее редактором стал Михаил Иннокентьевич Соловьев.

Такова печальная участь одной необдуманной, скоро-

палительной, причинившей немалый вред сельскому хозяйству перестройки, инициатором которой был Никита Сергеевич Хрущев, пообещавший в ближайшие годы создать в стране изобилие продуктов, что означало не только догнать, но и перегнать Америку. И догнали, протягивая с каждым годом руку к чужому дяде за помощью.

С принятием недавно Закона РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», других решений и постановлений республиканского правительства вроде бы приснулась надежда, что здравый разум наконец-то возьмет верх, а вынашиваемый десятилетиями лозунг-призыв «Земля — крестьянам» наконец-то будет претворяться в жизнь. Как бывало и раньше, все газеты и радио, словно по команде, включились в эту широко разрекламированную кампанию. Причем, советы, указания и наставления дают зачастую те ученые мужи, с позволения сказать, знатоки сельского хозяйства, которые и дня не прожили в деревне, а потому поля, луга, животноводческие фермы, уборочные машины видели только на картинках да в кинофильмах.

Но ведь чтобы поучать и советовать, много ума не надо. Зато очень мало, к сожалению таких, которые бы, засучив рукава, со знанием дела сами стали хозяйствовать на земле.

КАКОЙ ЖЕ ХОЗЯИН НУЖЕН ЗЕМЛЕ?

Об этом рассуждает директор совхоза «Зиминский», ветеран сельского хозяйства Михаил Степанович Ганти-миров.

Если бы меня спросили, какое постановление по сельскому хозяйству пришлось мне по душе, я бы вряд ли ответил. Уже в первые годы моей работы в конце 50-х и начале 60-х годов агрономом, председателем колхоза им. Сталина в Масляногорске, затем управляющим Услонским отделением, а с 1961 года директором совхоза «Зиминский» так называемые реформы и реорганизации следовали одни за другими. Это и укрупнение колхозов, и преобразование МТС в РТС, ликвидация неперспективных сел и деревень, это и настойчивый призыв к ликвидации травопольной системы земледелия и, конечно же, к повсеместному выращиванию «царицы полей» — кукурузы.

В животноводстве же главенствовала гигиена — строили животноводческие фермы на 1000 и более голов скота. Кстати, земинцы тоже не остались в стороне, соорудив Норинский, а затем Новолетниковский молочные комплексы, которые так и не достигли по ряду причин своей проектной мощности. Ведь при существовавшей в стране десятки лет административно-командной системе все решения партии и правительства «единодушно» одобрялись и всеми мерами претворялись в жизнь. Все это в конечном счете и привело к кризису и упадку сельского хозяйства. А ведь селяне же работали, трудились, можно сказать, в поте лица... И вот такой печальный финал.

В газете «Правда» я прочел как-то большую редакционную статью специальных корреспондентов И. Абакумова, В. Гавричина и Б. Курасова под заголовком «Частная собственность на земле: быть или не быть?» Так вот, прочел я ее и ничего не понял, так как в ней были самые различные взгляды и общие рассуждения и никаких конкретных рекомендаций и выводов в отношении собственности на землю. Для нас же, руководителей хозяйств, это сущая головоломка, как, впрочем, приватизация или разгосударствление принадлежащей нам собственности. Кстати, на этот счет в нашем совхозе во всех отделениях прошли собрания. Однако получить свою долю или пай за вложенный труд при добровольном выходе из совхоза желающих пока не оказалось. А это, по нашим подсчетам, примерно по 12 гектаров пахотной земли, по 4—5 га сенокосов и пастбищ, и на 20—25 тысяч рублей сельскохозяйственной техники. Но ведь трактор «К-700», к примеру, стоимостью в несколько миллионов рублей на какие-то доли или части не разрежешь. Значит, чтобы получить его в целости, будущим собственникам надлежит снова объединяться и уже сообща его эксплуатировать и где-то на стороне приобретать семена, удобрения, ремонтировать кое-какой сельхозинвентарь. Поэтому считаю, что вот так одним, как говорится, махом иди по ликвидации колхозов и совхозов будет непростительной ошибкой. Ведь столько уже раз мы обжигались на спешке и необдуманности принимаемых решений, а потому дров наломали превеликое множество. К тому же не так просто сразу нарушить сложившийся за десятилетия уклад сельской жизни, да и сами люди уже как-то привыкли к коллективному труду, при котором пестовались династии и се-

мейные кланы и шел полезный во всех отношениях обмен опытом работы. Да и социальные вопросы решались неплохо. В нашем совхозе рабочие, специалисты, служащие, как и в городе, имеют по два выходных дня в неделю, оплачиваемый отпуск и бюллетень за дни болезни. Мы, прямо скажу, словно помешались на этой частной собственности и предпринимательской деятельности, считая их чуть ли не панацеей от всех наших промахов и неурядиц. Ведь кто хорошо и честно трудится, тот и живет при материальном достатке. А таких и в нашем совхозе абсолютное большинство. Но ни один пока еще глава семьи не написал заявление о выходе из совхоза, решив стать фермером. Ведь в США, странах Запада эта система совершенствовалась столетиями, а сами фермеры имеют необходимый набор сельхозтехники, о которой у нас же идут пока только одни разговоры.

Поэтому основными производителями сельскохозяйственной продукции на данном этапе, я считаю, должны быть колхозы и совхозы. Повторяю — только колхозы и совхозы, выдержавшие свой самый трудный экзамен в грозные годы Великой Отечественной войны.

Эту мысль, высказанную М. С. Гантимуровым, полностью поддержал присутствовавший при нашей беседе глава администрации Зиминского района П. Н. Карапун. Он особо подчеркнул, что в такое трудное и сложное время очень важно не растерять и не придать забвению все то доброе и полезное, что было сделано за годы советской власти на селе, в том числе и в сложившемся укладе сельской жизни с ее богатыми формами общения людей и вековыми традициями. А вот несколько иного мнения придерживается другой руководитель.

У ФЕРМЕРСТВА — БОЛЬШОЕ БУДУЩЕЕ

считает председатель Зиминского районного комитета по земельной реформе и земельным ресурсам *Николай Александрович Бухаров*.

Да, за фермерской формой ведения крестьянского хозяйства большое будущее. На сегодняшний день в нашем районе уже 34 фермерских хозяйства имеют в общей сложности 1800 гектаров сельхозугодий, из них бо-

лее 600 га пашни, 1,5 тысячи голов крупного рогатого скота, свыше 200 свиней и 10 тысяч голов птицы.

Конечно, это только начало большого, нужного и не совсем обычного предпринимательского дела. Тем не менее уже в 1991 году фермерами было сдано в заготконтролю райпо более 250 тонн свиного и говяжьего мяса и поставлено коллективам промышленных предприятий в основном путем бартерного обмена значительное количество молока и другой продукции.

Правда, сегодня зиминские фермеры еще слабы экономически, не говоря уже о слабой социальной и правовой защищенности. А ведь они в своем большинстве понимают толк и в полеводстве, и в животноводстве и полностью решимости производить как можно больше сельскохозяйственной продукции.

Неплохо фермеры обеспечены и техникой. В их распоряжении 11 колесных тракторов Т-25, 6 — марки Т-4 и многие виды почвообрабатывающих, посевных, уборочных машин и механизмов. Одновременно на основе программы фермерского движения ими освоено 5 миллионов рублей бюджетных ассигнований в основном на строительство и обустройство проселочных дорог, подъездных путей, электролиний, скважин и водокачек. В общем-то неплохо осваиваются фермерами и выданные им ссуды Зиминского агропромбанка. Не потому ли снова как бы ожили забытые богом и людьми такие заброшенные деревушки и хутора, как Лихачево, Костюшка, Яхонтовск, Бодорай, Чанский.

И все же трудностей у зиминских фермеров хоть отбавляй, но они верят в успех своего нелегкого предпринимательского дела, и в особенности его первые зачинатели В. А. Кузьмин, И. Т. Николаенко, В. М. Козлов, Н. И. Рассоха, М. Г. Юрченко.

Да, в нашем сельском хозяйстве нет ничего постоянного, утвердившегося. Как говорят, все течет, все изменяется и, к великому сожалению, далеко не всегда в лучшую сторону.

Однако мы не вправе ни сглаживать острые углы, ни приукрашивать, ни хаять все и вся безо всякого анализа и разбора. Ведь историю не переделаешь!

В полной мере это относится к следующей главе нашей книги — о сталинских репрессиях, от которых в тюрьмах, ссылках и лагерях погибли миллионы ни в чем не повинных людей.

«ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ...»

Помни, Родина, нас
Всех, кто погиб безвинно,
Будь милосердна и возврати
Нас из небытия...

(Надпись на надгробье одной из братских могил на мемориальном кладбище жертвам сталинских репрессий в районе деревни Пивоварихи в окрестностях Иркутска.)

В предисловии к произведению Александра Солженицына «Архипелаг Гулаг» писатель С. Залыгин пишет: «...Чем трагичнее, чем ужаснее было пережитое нами время, тем больше «друзей» было членом до земли, восхваляя великих вождей и отцов народов. Злодейство, кровь и ложь всегда сопровождаются одами, которые долго не смолкают даже после того, как ложь разоблачена, кровь оплакана и принесены уже громкие покаяния. Так, может быть, умные и честные оппоненты нужнее нашему обществу, чем дешево приобретенные и даже — искренние, но недалекие друзья? А если так, Александр Солженицын с его непоколебимым упорством нам нынче попросту необходим — мы должны знать его и слышать, а не знать и не слышать не имеем ни морального, ни умственного права». Кажется, что к кровавому и жестокому периоду культа личности Сталина после таких слов С. Залыгина больше и добавить нечего. Разве только то, что в начале ноября 1991 года был принят закон «О реабилитации жертв сталинских репрессий» и постановление Верховного Совета РСФСР о по-

рядке введения в действие этого важного документа.

В этой главе рассказы-воспоминания о трагической судьбе трех земских семей, имеющих, по существу, общее сходство и логическое завершение с одним лаконичным ответом на судьбу репрессированного — «реабилитирован за отсутствием состава преступления».

МИНЕЕВЫ

В своей книге «Таежные застрельщики» писатель-сибиряк Ф. А. Березовский довольно подробно описывает грозные события на станции Зима в 1905 году, роль в этом стачечного комитета и одного из его членов, учителя Порфирия Петровича Минеева, чья жизнь оборвалась в 1941 году в одном из концлагерей на Северном Урале.

Я хорошо был знаком с семьей Минеевых, которая в довоенные годы проживала по Четвертой улице в доме № 35.

Порфирий Петрович и его жена были учителями. Кстати, Евдокия Яковлевна Минеева в числе первых в нашем городе была награждена орденом Ленина.

Старший сын Минеевых Леонид погиб в годы Великой Отечественной войны. Младший же, Юрий, служил в военно-воздушных силах страны и в настоящее время проживает в Иркутске.

С ним-то и свела меня судьба вновь. И это через 45 долгих послевоенных лет!

Беседуя, мы то и дело возвращались к нашему далекому детству, вспоминали своих сверстников и товарищей. Когда же я попросил Юрия Порфириевича рассказать о судьбе отца, Юрий как-то сразу нахмурился, помолчал, потом вынул из письменного стола в темно-красном бархате семейный альбом и, подавая его, тихо проговорил:

— Мне очень тяжело обо всем вспоминать. А в альбоме, можно сказать, вся жизнь и трагедия наша.

Осторожно перелистываю страницы. И почти сразу обращаю внимание на пожелтевшие от времени метрики, в которых каллиграфическим почерком записано, что 29 октября 1878 года в семье кимильтейского крестьянина Петра Яковlevича Минеева и его супруги Екатерины Даниловны родился сын Порфирий. Крещен в Кимильтейской Николаевской церкви. И далее внизу: «На-

стоящая копия выдана учителю Перевозского императора Николая Первого училища Порфирию Петровичу Минееву на предмет поступления в Томский учительский институт. С подлинным верно, 8 июня 1903 года».

А вот документ из Центрального архива РСФСР за подписью заместителя заведующего центраархивом Максакова.

«Архивная справка. По материалам Архива революции проходит Минеев Порфирий Петрович, крестьянин Иркутской губ. Нижнеудинского уезда Кимильтейской волости. 13 августа 1904 года начальник Тулунского отделения жандармского полицейского Управления сибирской железной дороги сообщил начальнику Иркутского губернского жандармского управления, что учитель Минеев П. П., проживая в селе Кимильтей, вел близкое знакомство с местными поднадзорными. Кроме того, в августе 1903 года Минеев совместно с другими учителями и поднадзорными устраивал в здании Кимильтейского двухклассного училища собрания, на которых пелись песни антиправительственного содержания.

8 января 1906 года Минеев П. П. в числе других был арестован и заключен под стражу в Иркутскую тюрьму.

30 июня 1905 года судебный следователь Иркутского окружного суда препроводил в департамент полиции список лиц, скрывшихся и подлежащих розыску. В означенном списке значится Минеев П. П., крестьянин села Кимильтей, 27 лет, учитель школы ст. Зима.

24 марта 1909 года начальник Иркутского губернского жандармского управления сообщил в департамент полиции, что им привлечен к дознанию Минеев П. П. в качестве обвиняемого по делу застигнутой 29 августа 1908 года в лесу близ дачи «Звездочка» сходки членов местной социал-демократической организации. 14 ноября 1909 года Иркутский окружной суд признал Минеева, Лободина, Чернышева и других виновными по 1 части 121 ст. Уголовного уложения и приговорил подвергнуть каждого заключению в тюрьму на один год с зачетом предварительного заключения».

Здесь же, в альбоме, «Трудовой список», заменивший в то время трудовую книжку.

1897 год. Учитель Кимильтейского двухклассного училища.

1900 год. Учитель Перевозского приходского училища.

1903 год. Завед. Куйтунским 2-классным училищем.

Порфирий Петрович Минеев и Евдокия Яковлевна
с сыновьями Леонидом и Юрием. Фото 1926 г.

1904 год. Конторский служащий тяги на ст. Зима.

1905 год. Учитель Зиминской железнодорожной школы.

С 29 августа 1908-го по 8 апреля 1910 года сидел в Иркутской и Александровской тюрьмах по делу на даче «Звездочка» и за участие в мятежах на Сибирской железной дороге.

Находясь в заключении в Александровском централе, Минеев вел дневник, оригинал которого его сын Юрий Порфириевич лет десять тому назад переслал в Зиминский краеведческий музей. Познакомившись с ним, приходишь к выводу, как глубоко верил первый зиминский социал-демократ и революционер в правоту своего дела, посвятив свои лучшие годы борьбе с несправедливостью и царским самодержавием.

После установления советской власти Порфирий Петрович работает инструктором Иркутского уездного отдела народного образования, а затем учительствует в школах городов Слюдянки, Усолья-Сибирского и Зимы.

Увидев, что я спешно делаю записи в журналистский блокнот, Юрий Порфириевич решил продолжить нашу беседу. Начал он с того, что отец его был очень честным и порядочным человеком, главным жизненным принци-

пом его была правда, и потому в годы сталинских репрессий, он, конечно, не мог оставаться на свободе.

Арестовали его ночью 15 ноября 1937 года. Когда милиционеры выводили его на улицу, он успел сказать жене и сыновьям всего лишь несколько слов, что здесь, дескать, произошла какая-то досадная ошибка, и потому через день-другой он вернется. Отнюдь!

В подвальных застенках Иркутского НКВД три палаца четверо суток издевались над ним, жестоко избивали, вынуждая его таким образом подписать показания о том, что он-де занимался антисоветской деятельностью. Однако подследственный нашел в себе мужество и отказался подписывать. Несмотря на это, он был осужден на 10 лет концлагерей. Срок отбывал в системе Севураллага НКВД в лагере № 49 Сосьвенского района, на севере Свердловской области.

В 1938 году Юрий с матерью Евдокией Яковлевной ездили туда, и им удалось с большими трудностями встретиться с ним. «Здесь-то мы убедились, — говорит он, — что далеко не все работники лагеря были отпетыми негодяями. Встречались и вполне порядочные люди. Одним из них был начальник лагеря № 49, который разрешил нам свидание с отцом. И очень обидно, что его вскоре сняли с этой должности, а нас с матерью арестовали во время свидания и отправили этапом по тайге в село Гари к начальнику лагерей Багрецу. Мне тогда было 13 лет, но этого негодяя я запомнил навек. Он настаивал, чтобы и матери инкриминировать контрреволюцию и посадить ее в тюрьму там же, в Гарях. Но потом, поиздевавшись еще сутки, он все же отпустил нас на все четыре стороны. Тем не менее мы, сыновья, еще целый год жили под страхом, ожидая ареста матери.

В конце 1941 года от отца перестали приходить письма. Мать сделала запрос в лагерь. Однако примерно через месяц письмо вернулось, а на нем кто-то из лагерных палачей соизволил начертать красным карандашом страшное слово «убыл». Мы посчитали это за сообщение о смерти отца где-то в конце 1941 года. И я думаю, не ошиблись.

Не менее печальным был рассказ Юрия Минеева о судьбе иркутского инженера-строителя Константина Жилкина — самого близкого их родственника по матери. Он был репрессирован также в 1937 году. Это по его проекту в Иркутске построены здания Госбанка, гостиницы «Сибирь», средней школы № 15, Дома специа-

листов на улице Марата и ряд других. Его жена вскоре после ареста мужа умерла, а малолетних детей направили в один из домов для детей «врагов народа». Судьба же самого Константина Жилкина до сих пор неизвестна.

Перелистывая страницы, обращаю внимание на фотографии различной давности. Вот родители Порфирия Петровича, он сам в возрасте 25 лет, в 1903 году, групповые снимки членов Зиминского стачечного комитета и участников стачки в депо в 1905 году, фотография группы учителей — участников съезда работников просвещения Иркутского уезда и многие другие. Почти половину альбома занимают письма Порфирия Петровича Минеева из сталинских концлагерей. В большинстве на маклюсеньких клочках бумаги. Вот содержание одного из них.

«Здравствуйте, Дуня, Леня, Юра! Наконец-то получил вашу первую посылку, а потом письмо. То и другое было для меня большой радостью. Но за этими радостями пришла и беда: 1 июня нас, слабосильных, инвалидов и больных, перевели километров за шесть, на 49-й лагерный пункт, приспособляемый к санитарно-оздоровительной цели... Все еще не узнал, растет ли здесь чевремша, она быстро излечивает цингу, вообще я очень ослаб... Свидание иметь можно, только просьбу надо подавать прямо начальнику лагпункта, теперь это значит № 49. Убежден, что мои мытарства и мучения произошли по недоразумению, по пустым ошибкам и недоделкам. Это, конечно, злоупотребление властью (читай — органов НКВД. — А. Б.) необъективных, местных дельцов, что легко вскрыть, опираясь на подлинные документы и директивы Центра. Жаль только, что их нет у меня под рукой! Но, во всяком случае, троцкизма и вообще какого-либо идеологического уклона в вину мне не поставлено за полным отсутствием данных».

Уже по этим строчкам письма-исповеди можно судить, что первый зиминский социал-демократ и революционер Порфирий Петрович Минеев никогда не был «врагом народа», а угодил в сталинские концлагеря по навету и наговору своих недругов, одного из которых он очень резко критиковал за злоупотребление властью на одном из собраний в рабочем клубе станции Зима.

А вот строки из другого письма: «Очень жалею, что не сразу ответил вам, и вы, мои дорогие, еще долго будете томиться неизвестностью... Кажется, я попадаю в

категорию нетрудоспособных и инвалидов, а так хотелось бы почитать специальную педагогическую литературу и поделиться, что творится в нашем Союзе».

Или взять вот такое, датированное 22 апреля 1938 года: «...Шли, Дуня, скорее посылку и деньги. Хочу стать стахановцем лесозаготовок, но здоровье сильно сдает, и сердечные припадки... Продумав систему трудлагерей, как сознательный педагог, я понял ее «мудрое» решение. Собранные здесь люди поражают в массе своей разительной политической отсталостью и с нетронутой порой корой старого быта, грубого звериного эгоизма, плутоватые, могущие лишь мешать стройке нового уклада. Поэтому нужна глубоко продуманная, педагогически выдержанная система приобщения их к современности. Могу писать вам только два раза в месяц. От вас — неограниченно. Мой адрес: Свердловская область, Надеждинский район, ст. Сосьва, концлагерь политзаключенных. Кланяюсь, целую Порфирий Петрович Минеев».

Ниже сделана приписка, что вместе с ним в лагере отбывает ссылку бухгалтер тяги паровозного депо Зима Коваленко. Минеев просит своих родственников сообщить об этом его жене.

В другом письме тоже приписка, но уже иного содержания: «Пишите скорее хоть несколько строк. Как вспомню, какой уже вырос Юра, и мне сразу становится радостно».

Во многих письмах Порфирий сетует на скучность арестантского пайка, тяжелый ручной труд и отсутствие необходимой рабочей спецодежды.

«Последнее время работаю на земляной работе: на копке котлована. Ношу носилки с землей, облегчив их носку лямками... Всю хозяйственную мелочь и одежду у меня украли. Поэтому вышлите ватную тужурку, брюки, одеяло, носки, а также шлите снова бумагу, иголки, нитки и карандаши».

На одном из бумажных карманов альбома с надписью «Письма 1939 года» читаю сделанную Юрием Порфириевичем надпись:

«Преклоняюсь перед мужеством и самообладанием отца и его чувством юмора. Даже в суровых условиях сталинских концлагерей он еще занимался математическими вычислениями, мужественно переживал несправедливость лагерного начальства и старался оказывать помощь в беде окружающим».

И, конечно же, проявлял самую трогательную заботу о сыновьях — Леониде и Юрии.

«Простота и правдивость — родные сестры. Красота — третья их сестра. Это очень глубокие и меткие выражения. Мне хотелось бы воспитать эти черты в наших детях» — читаю на открытке, адресованной жене.

Однако почтовая открытка от 26 октября 1941 года с просьбой сообщить ему, выдержан ли экзамен старший сын Леонид, получил ли он диплом и служит ли в Красной Армии по своей специальности, оказалась последней.

С тех пор переписка с узником сталинских лагерей прервалась.

На протяжении многих лет Минеевы писали запросы в самые различные инстанции: «Прошу сообщить о з/к Минееве П. П., который находится в вверенном вам лагере. С октября от него нет писем. Возможно, он переведен в другой лагерь? Если можно, то сообщите, пожалуйста, по адресу: г. Зима, улица 4-я, дом № 35», — писала Евдокия Яковлевна в рабочий поселок Верхотурье Свердловской области.

И только в начале января 1956 года из Иркутского областного суда за подписью его председателя Баева в Зиму пришел такой ответ:

«На основании протеста Генерального прокурора СССР уголовное дело на Минеева Порфирия Петровича рассмотрено Президиумом Иркутского областного суда 7 октября 1955 года. Его постановлением уголовное дело тройки УНКВД по Иркутской области за отсутствием состава преступления прекращено».

И прав майор в отставке Юрий Порфирьевич Минеев, который в своей статье в «Восточно-Сибирской правде» от 29 июля 1988 года «Восстановить поименно!» не только гневно осуждает тоталитарный режим сталинщины, но и обращается ко всем сибирякам назвать всех репрессированных и невинно погибших в тюрьмах и концлагерях поименно и почтить их светлую память.

ЛЕОНТЬЕВЫ

Рассказывает бывшая учительница городской средней школы № 8 Мария Петровна Леонтьева.

Родилась и выросла я в бедной семье зиминского

железнодорожника Петра Михайловича Леонтьева. В ней было три дочери и трое сыновей. Чтобы как-то свести концы с концами и прокормиться, мать Дарья Алексеевна часто нанималась стирать белье, мыть полы и даже колоть дрова, в чем с годами ей стали помогать старшие дочери и сыновья. В общем, трудное, безрадостное детство и юность стали для меня памятью сердца на всю жизнь.

Но особенно запомнились страшные годы сталинских репрессий, когда жили в железнодорожном поселке. Так, в июле 1937 года были репрессированы, а затем расстреляны начальник 5-й дистанции службы пути Гундзелович, техник-строитель Валеев, путевой мастер Аксенов, кузнец Задруцкий. В этом же списке был самый дорогой для нашей семьи человек — отец. Эту страшную весть мы узнали из газеты «Восточно-Сибирская правда» за 31 июля 1937 года. И сразу же подумали: «за что?». Ведь отец был простой рабочий из бедной многодетной семьи, имел всего 2 класса образования. В возрасте 13 лет пошел работать учеником слесаря в Зиминское паровозное депо. Затем многие годы честно и добросовестно трудился в 5-й дистанции службы пути. Работал и в дождь, и в снег, и в сильный мороз. Его имя почти всегда можно было прочесть на Доске почета, а за рационализаторские предложения он часто поощрялся денежными премиями и получал благодарности.

Вначале мы жили в сырой, холодной избушке, к тому же очень тесной. Поэтому мы, дети, спали кто на русской печи, кто на полатях. В 1924 году отцу наконец-то дали благоустроенную квартиру в железнодорожном поселке. Вот радости-то было! Однако в 1934 году нашу большую семью без всяких на то оснований вышвырнули из нее. В ней поселился сотрудник линейного участка ГПУ Тимофеев. Мы же вынуждены были перебраться в старую избу на окраине железнодорожного поселка. Жалобы о самоуправстве местных органов НКВД оставались без ответа. И, конечно, не думали, что все это обернется для нашей семьи страшной бедой и страданиями.

...Ранним весенним утром 13 апреля 1937 года к нашей старой избе подкатил «черный ворон». Несколько милиционеров грубо подняли отца с постели и, подталкивая дулами пистолета, затолкали его в фургон. Он даже проститься ни с матерью, ни с детьми не успел.

Чья была следующая очередь — никто не знал. Но

каждый жил в большом страхе перед любым стуком в дверь. Зато знали, что «черный ворон» обычно подъезжал либо глубокой ночью, либо ранним утром, когда человек, еще будучи сонным, не мог понять, что за преступление он совершил и куда теперь его повезут. Такова была методика и приемы арестов ни в чем не повинных людей в те страшные годы.

В середине июля 1937 года мне, студентке рабфака Иркутского пединститута, довелось-таки добиться свидания с отцом. Идя по длинным мрачным коридорам тюрьмы, я вся тряслась от страха и волнения. А потом как-то неожиданно завели в одну из комнат, в которой находились мой отец и следователь Митин. Развалившись в кресле, холеный и самодовольный, он так и сверлил меня своими строгими глазами, отчего моя нервная дрожь еще больше усилилась и я сразу не смогла хоть что-то сказать отцу. Наголо остиженный, в черной сatinовой рубашке-косоворотке, он тоже сидел за следовательским столом. А глаза его были грустные-грустные, которые как бы говорили: «Я ни в чем не виновен. Ничуть не виновен!» Наконец отец прервал молчание и спросил, как там, в Зиме, живет мать с детворой и не бросила ли я учебу в пединституте. А еще отец попросил, чтобы я привезла ему к зиме шубу, на что следователь, внимательно следивший за нашей беседой, пробурчал: «Не надо ему шубу. Скоро отпустят». Ах, если бы действительно было так!

О жуткой трагедии, постигшей нашу семью в 1937 году, и о своей встрече с отцом в иркутской тюрьме я рассказала на многотысячном митинге иркутян при открытии мемориального кладбища жертв сталинских репрессий 11 ноября 1989 года.

Итак, снова возвращаюсь к памятному для меня воскресному солнечному дню 31 июля 1937 года. Проходя по улице Карла Маркса, я купила в киоске «Восточно-Сибирскую правду». На последней странице газеты мне бросилась в глаза «Хроника ТАСС». И далее следовало сообщение, что выездная коллегия Верховного суда гневно осудила и приговорила к расстрелу за антисоветскую деятельность врагов народа. Среди них был и мой отец Петр Михайлович Леонтьев. «Приговор приведен в исполнение», — говорилось в этом коротком газетном сообщении. От этих слов страшный испуг и мелкая дрожь как-то внезапно охватили все мое тело, а руки тряслись как в лихорадке. И не шла, а брела и от

горькой обиды слезно рыдала.

Через день, другой в Зиминском паровозном депо состоялся митинг по случаю расстрела «врагов народа». Многие его участники, не зная, конечно, сути дела, проголосовали за одобрение приговора. Мой дядя, младший брат отца, Леонтьев Семен Михайлович руки не поднял. А ранним утром следующего дня его арестовали.

Репрессии подвергся и мой старший брат Андрей Петрович Леонтьев. Большого туберкулезом 28-летнего парня арестовали 28 апреля 1937 года и вскоре увезли в Иркутскую тюрьму. Затем его перевезли в Читу, где и расстреляли 16 февраля 1938 года. А ведь в его семье было двое малолетних детей. Так их-то наказали за что!

Правда, другого моего брата Николая не арестовали, но уволили с работы и нигде в Зиме больше не принимали. Поэтому он был вынужден уехать в Иркутск.

Из письма, которое я позднее получила от него из города Энгельса на Волге, узнала, что когда он ехал на фронт, то при стоянке поезда на станции Зима он успел таки добежать до осиротевшего родительского дома и, стоя возле него, горько заплакал.

В июне 1942 года Николай Леонтьев был призван в Красную Армию. В последнем письме, полученном матерью с фронта в октябре 1943 года, он писал:

«Я пока жив и здоров. Но только нет гарантии на жизнь. О такой войне, какая идет сейчас, не знала еще история... Но если я погибну, то не первым и не последним. Поэтому оставаться живым — это большое счастье. А если же погибну, то за свою любимую Родину».

Погиб Николай в боях за освобождение Кривого Рога, где и похоронен на городском мемориальном кладбище.

В письме в Зиму его командир Я. Н. Ховосов позднее писал:

«Николай Петрович Леонтьев был здоровым и крепким солдатом. Он был в нашей артиллерийской батарее заряжающим. Зараз носил по два ящика снарядов на спине, копал саперной лопатой за двоих. Стрелял из орудия метко, без промаха. Однако в одном из боев от смертельной раны не стало нашего боевого товарища, которого мы похоронили со всеми почестями».

Но если мой брат Николай погиб в боях с ненавистным врагом, то старший брат Андрей и мой отец Петр Михайлович Леонтьев, а также дядя Семен Михайлович Леонтьев умерли насильственной смертью в сталинских

концентрационных лагерях. И только в 1958 году «за отсутствием состава преступления» были посмертно реабилитированы.

Говорят, что время лечит душевные раны. Нет, не всегда! Поверьте, мне и через 50—60 лет очень тяжело вспоминать прошлое. Горькая обида до сих пор словно червь точит мое изболевшее сердце за рано ушедших из жизни самых дорогих и близких для меня людей.

В то же время я преклоняю свою голову перед их мужеством и стойкостью в невероятно тяжелых условиях сталинских лагерей.

ПУШНИКОВЫ

Много раз встречался я с ветераном войны и труда Геннадием Афанасьевичем Пушниковым. Подолгу беседовал с ним о житье-бытье, о его прошлой работе электромехаником в Зиминской дистанции сигнализации и связи и об его участии в Великой Отечественной войне. Но вот его далекого прошлого, детских и юношеских лет в беседах как-то не касались.

Да, не всегда человек охотно ворошит прошлое, тем более, если в его душе живет большая боль от невосполнимой утраты, которая не притупилась с годами. Тем не менее в одной из недавних бесед что-то затронуло душу ветерана. Тогда-то и узнал я о трагедии его семьи.

Есть недалеко от Благовещенска село Кумары. Тамто в двадцатых годах жила семья амурского бакенщика Афанасия Федоровича Пушникова. Сам глава семьи, его жена Анна Андреевна и пятеро сыновей, старшим из которых был он, Геннадий. Не было для деревенского мальчугана более интересного занятия, чем помогать отцу в его повседневной работе — зажигать на Амуре-башню огни маяков. Но в 1927 году парнишка испытал свое первое большое горе — скоропостижно скончался его отец. Жалованье матери, работавшей прачкой на погранзаставе и техничкой на почте, едва-едва хватало на пропитание. В заботы о младших братьях, в уход за лошадью и коровой, которые были в хозяйстве, впрягся и Геннадий. Часто прямо из сельской школы поспешал он и на подворье к своему деду чистить стайку и коношню, косить сено, пилить дрова. Уж очень строгий и требовательный был его зажиточный дед. И хотя он

и ногда помогал осиротевшей семье, отрабатывать за эту помошь Геннадию приходилось дотемна, до изнеможения и боли в его мальчишеских руках.

В 1929 году в Кумарах создается колхоз «Новый путь». В числе первых поспешила вступить в него вдова амурского бакенщика Анна Андреевна Пушникова. Но не тут-то было, не приняли бедную семью в колхоз. И в основном по причине большого количества малолетних детей, которые еще не доросли до работоспособных колхозников. И только по ходатайству начальника погранзаставы Карпова, хорошо знавшего мать и отца, семью Пушниковых наконец-то приняли в колхоз. Вскоре Геннадия, как смышленого и любознательного паренька, направили на курсы телеграфистов в Благовещенск. Окончив их, он возвращается в родное село, но вскоре призываются в Красную Армию, а к концу своей службы участвует в боевых действиях с японцами в районе озера Хасан.

И снова его постигло большое горе. Из письма-весочки, полученной от тетки, проживающей в Зиме, получает известие, что его мать, а с ней еще несколько жителей села арестованы и приговорены каждый без суда и следствия к 10 годам тюремного заключения.

Ретивые и горячие головы из местного НКВД пришли к выводу, что дочь зажиточного крестьянина, каким был ее отец, просто обязана быть вредителем, врагом народа. Да еще где? Вблизи самой маньчжурской границы! И вот — 10 лет отсидки.

Далее зиминская тетка писала, что Геннадию незачем ехать теперь в родное село Кумары. Отца нет, мать — в концлагере. Самого младшего из его братьев Илью тетка забрала к себе, Георгий отправлен в детприемник аж в Одессу, а Федор и Михаил призваны в Красную Армию. Скажем больше, все пятеро братьев позднее участвовали в Великой Отечественной войне и храбро сражались с немецко-фашистскими захватчиками. Старший же из них Геннадий Пушников прошел свой боевой путь от старинного русского города Калуги до Прибалтики и Восточной Германии. Молодой в то время связист телефонно-кабельной связи тянул нередко провода с командного пункта батареи и полка почти до самых огневых позиций и укреплений врага. А это так важно было для правильного определения сил и намерений фашистов в разгар решающих боев и сражений — при освобождении городов Сухиничи, Каравчева, Брянска,

Великих Лук, Борисова, Орши и ряда других. Свой фронтовой путь связист Пушников завершил в городах Пиллау и Кенигсберг (ныне Балтийск и Калининград).

Не забывают бывшего солдата-фронтовика и по сей день его боевые товарищи-однополчане. Так, в 1984 году он встречался с ними в городе Борисове, а в 1985 году в Москве при открытии музея Боевой славы в средней школе № 644 Тушинского района столицы. А в середине апреля 1990 года выезжал на встречу с однополчанами в далекую Прибалтику. А вот какое письмо прислали ему в Зиму краеведы школы № 6 города Балтийска:

«Большое спасибо Вам, Геннадий Афанасьевич, за высланную фотографию и личные воспоминания о Вашем боевом пути и освобождении нашего славного города Балтийска от фашистов. Это — большой подарок для нашего школьного музея».

О судьбе же матери Геннадий многие годы вообще ничего не знал, хотя многократно писал запросы в самые различные инстанции. И только года два тому назад из города Благовещенска он получил такую справку: «На Ваш запрос сообщаем, что постановлением Президиума Амурского областного суда от 16 июня 1980 года приговор тройки НКВД от 15 октября 1938 года в отношении Пушниковой Анны Андреевны, уроженки и жительницы села Кумары, осужденной на 10 лет лишения свободы, отменен. Ее дело за отсутствием состава преступления прекращено».

Удалось Геннадию Афанасьевичу также узнать, что его мать скончалась в лагере политзаключенных весной 1940 года. Она так и не повидала после внезапного ареста своих сыновей, четверо из которых сложили головы в боях за Родину, за «великого и мудрого вождя, учителя и полководца» И. В. Сталина. Да и могли ли они знать, что именно по его вине произойдет такая страшная и жуткая трагедия в их семье.

Активный общественник и член правления городского общества инвалидов войны и труда Г. А. Пушников фронтовые воспоминания часто заканчивает своими стихами.

Вот одно из них.

Дом немецким снарядом разворочен, разбит,
А черемуха рядом невредимой стоит,
Чем-то милым и близким сердце тронуло вдруг.
И улыбки на лицах появились вокруг.
А от этого стало и легко, и тепло,

Словно ветром усталость с наших плеч унесло.
Рота снова на марше далеко за селом,
Вслед черемуха машет легким белым крылом.

Мы рассказали только о трех семьях зимицев, подвергшихся в годы сталинского тоталитарного режима расправам и репрессиям. Всего же в нашем городе необоснованным арестам, длительному тюремному заключению и ссылкам в лагеря и самые отдаленные места подверглось несколько тысяч человек. Среди них были и рабочие, и служащие лесозавода, сплавной конторы, хлебозавода, пункта «Заготзерно», химлесхоза, леспромхоза, Кимильтейской МТС, многие учителя, работники госучреждений и даже рядовые колхозники.

К сожалению, точных данных на этот счет выявить за давностью лет так и не удалось. Да и вряд ли велся такой, выражаясь казенным языком, статистический учет.

БОЛЬШИЕ ДЕЛА МАЛОЙ СТАНЦИИ

Под этим общим заголовком вы, дорогие читатели, узнаете о приходе в Зиму первого паровоза, о нашей станции и его старейшем предприятии, паровозном депо, о «красных эшелонах», когда зиминские паровозники первыми на востоке страны расшили «пробки» и смело повели тяжеловесные поезда, об электрификации железной дороги и сегодняшнем дне зиминских железнодорожников.

А наша станция Зима, по сравнению с другими, действительно многие годы была небольшой, но не зря говорят в народе — «мал золотник, да дорог».

Итак, все по порядку.

ПЕРВЫЙ ГУДОК

О том, что станция Зима находится на великой Транссибирской магистрали, знают многие. Однако о ее славной и интересной истории мало что знают даже зиминцы. Отчасти потому, что исторической и исследовательской литературы об этом, к сожалению, немного. Скажем больше, даже в солидной по объему и хорошо иллюстрированной книге «Восточно-Сибирская электрическая», посвященной 75-летию железной дороги в 1972 году, нашей станции отведено не более 20 страниц.

В одном из стихотворений поэта-земляка Евгения Евтушенко есть такие слова: «Пахла станция Зима молодком и кедрами...» Однако больше всего она «пахнет»

Водонапорная башня на станции Зима — памятник транспортной архитектуры конца XIX века.

замечательным героическим прошлым, о котором обязательно должно знать нынешнее поколение.

Идея прокладки железнодорожной магистрали через малозаселенную, почти неисследованную территорию, какой была Восточная Сибирь в конце XIX века, была исключительно смелая и дерзкая. Сооружение ее в до-

вольно короткий срок в суровых природных и климатических условиях явилось крупным успехом инженеров и проектировщиков, результатом напряженного труда рабочих-строителей.

Строительство Великого Сибирского пути началось в 1891 году одновременно с двух сторон — от Челябинска и Владивостока. В Красноярск первый поезд прибыл 6 декабря 1895 года. Это было величайшее событие в истории старинного сибирского города на Енисее.

«Еще задолго до прихода поезда стал собираться народ, и к трем часам дня едва ли не более половины всего населения города толпилось и двигалось в ожидании поезда. Поезд, состоящий из 20 вагонов, двигался медленно, так как шпалы были уложены насконо. Народ встретил его громогласным «Ура!». Поезд остановился ровно в три часа дня у самого вокзала, украшенного зеленью, надписями и флагами. При встрече играл военный оркестр...» — писала газета «Енисей» в декабре 1895 года.

А уж менее чем через три года, 16 августа 1898 года, в Иркутск прибыл первый поезд из Красноярска.

«...День прибытия поезда для иркутян превратился в настоящее торжество. По этому случаю в церквях служили молебны, звонили в колокола. На станции Иннокентьевская (ныне Иркутск-II) для начальства был устроен богатый обед.

С большой радостью иркутяне встречали прибывающий поезд. С раннего утра в Глазковское предместье, где находился вокзал, начал стекаться народ. Но на перрон публика допускалась лишь по специальным билетам, которые выдавались богатым и знатным гражданам города... Город по случаю торжества украсили флагами и гирляндами из цветов.

Около 12 часов 30 минут дня раздался паровозный гудок, и публика увидела украшенный зеленью, цветами и флагами поезд. По команде грянул военный оркестр. Народ встретил приближающийся поезд громкими криками и овациями. Против вокзала поезд остановился. Из него стали выходить инженеры-строители дороги. Городской голова встретил их хлебом и солью...» (В. Н. Панов, В. Г. Тюкавкин. Очерки по истории Иркутской области. Иркутск, 1970. С. 66).

К сожалению, тщетно было искать, кроме уже известных, каких-либо других фактов или сведений о прибытии первого поезда в Зиму. Тем не менее эти поиски

продолжались, и особенно усилились они в 1967 году, в связи с подготовкой к 70-летию Зиминского паровозного (ныне электровозного) депо. Так, с помощью старейших железнодорожников П. Ртищева, И. Костенко, Г. Перфильева и Ф. Сергеева удалось установить очень многое.

В ясный октябрьский день 6-го числа 1897 года у только что построенного здания станции Зима пронзительно прозвучал паровозный гудок, эхо которого прокатилось по всему пристанционному поселку.

Абсолютное большинство зиминцев и проживающих в Старой Зиме крестьян, ремесленников и служилых людей этот пронзительный звук услышали впервые в жизни, а потому были крайне изумлены и даже несколько напуганы.

Правда, многие из них слышали, что строится железная дорога, по которой побегут «железные кони», а некоторые даже видели своими глазами, как строители взят на лошадях и тачках землю, возводят насыпь и укладывают на земляное полотно шпалы. Однако не представляли, как по этой самой «железке» будутходить «железные кони».

Прибытие первого паровоза стало поистине величайшим событием не только для населения небольшого пристанционного поселка, но и окрестных сел и деревень.

...В окружении многолюдной толпы, покрытый блестящим черным лаком, стоящий на главном пути паровоз испускал из своей длинной трубы клубы дыма и тихо посапывал. Преодолев первоначальную робость, ликующая и восхищенная толпа плотным кольцом окружила «стального коня», стремясь подойти поближе.

Однако через некоторое время локомотив надлежало передвинуть на другое место. Дав пронзительный гудок, паровоз, грозно шипя паром и дымом, тронулся с места. Люди в испуге бросились в разные стороны и успокоились только тогда, когда он сделал тихий ход назад и снова остановился. Это был паровоз серии «ЧР», или как его называли первые машинисты, «Русак», построенный русским акционерным обществом в 1873 году на Невском заводе в Петербурге. Он имел мощность 300 лошадиных сил, мог вести состав весом 250 тонн и развивать скорость до 20 километров в час. Топливом для него служили самые обыкновенные дрова, а для освещения — керосиновые фонари.

Несмотря на небольшую в общем-то мощность, «Ру-

сак» мог заменить конный обоз в 500 подвод, что было в то далекое время большим достижением.

К сожалению, фамилию машиниста, приведшего в Зиму первый паровоз, так до сих пор установить не удалось. Нет на этот счет каких-либо сведений и в областном архиве.

Как говорили старые жители Зимы, по первоначальному проекту станция и депо должны были строиться в северо-западной стороне Зимы, где твердый грунт и более подходящий рельеф местности. Однако местные чиновники и правящая верхушка не захотели пускать в будущий город, как они выражались, «мастеровщину», в которой к тому же было немало разносчиков «крамолы», бунтарей и стачечников. С их стороны принимались все меры, вплоть до подкупа главного проектировщика земинского участка дороги. И добились своего.

Депо стало действовать с приходом в Зиму первого паровоза. Вначале был построен корпус № 1, название которого сохранилось до сих пор. Это прямоугольное депо подле самого железнодорожного полотна. Затем были сооружены второй корпус подъемочного ремонта и токарный цех, другие помещения и объекты.

В конце XIX века в Земинское депо поступили паровозы серии «ОД» с четырьмя спаренными осями. Они были несколько мощнее «Русаков» и водили поезда весом до 500 тонн. Дольше же всех в депо эксплуатировались паровозы серии «ОВ», «овечки», и серии «фита», скорость которых уже достигала 45 километров в час. Тем не менее, чтобы, скажем, добраться на пассажирском поезде из Зимы до Иннокентьевской, требовалось не менее 12 часов.

Вообще об истории Земинского депо весьма наглядно рассказывают многочисленные экспонаты, в том числе и старинные фотографии, документы созданного здесь более четверти века тому назад музея.

ЗЕМИНСКАЯ СТАЧКА

В 1902 году среди железнодорожников станции Зима зрело недовольство жестокой эксплуатацией труда и притеснениями со стороны администрации. Начались революционные брожения.

В 1903 году в депо образовался небольшой кружок

социал-демократов, руководителем которого стал машинист Синицкий.

Первоначально этот кружок занимался устранением разногласий между простыми рабочими депо и машинистами. Дело в том, что рабочие смотрели на машинистов, как на привилегированную касть. А машинисты, в свою очередь, с таких же позиций рассматривали начальников станций и их помощников. Ясно, что без устранения розни между этими группами невозможна была единая и успешная политическая борьба за экономические и политические права всех железнодорожников.

Вскоре в зиминскую железнодорожную школу прибыло несколько молодых учителей, и в их среде образовался второй социал-демократический кружок с уже более дальним прицелом.

Несколько позже, примерно в 1904 году, начальнику разъезда Шетик Ф. Березовскому было поручено вести агитационную работу среди железнодорожников на участке Тулун — Зима — Иркутск, разъясняя им политическое бесправие, жестокую эксплуатацию и произвол со стороны старших начальников. Толчком для усиления борьбы за свои права послужило выступление проездом через Зиму политического ссыльного, педагога-географа Героя Социалистического Труда Н. Н. Баранского. Известия о расстреле безоружных рабочих Петербурга 9 января 1905 года были не совсем ясны и понятны зиминским железнодорожникам. Только через два месяца, когда машинист Синицкий привез нелегально в депо очередную пачку листовок, эти события произвели на них потрясающее впечатление.

Уже к концу апреля социал-демократы Зимы стали оказывать на железнодорожных рабочих, крестьян близлежащих деревень, и в особенности села Кимильтай, большое влияние. А в день 1 мая 1905 года на берегу реки Оки состоялся митинг, на котором приехавший из Иркутска подпольщик социал-демократ призвал его участников к политической забастовке и вооруженной борьбе с царским самодержавием.

В этом же году кружок зиминских социал-демократов был переименован в Зиминскую группу РСДРП, в которую вскоре вошли машинисты Рыжков, Зайцев, Звinskiй, слесарь Краюшкин, столяр Якимов и табельщик Бормотов.

Летом 1905 года, когда положение железнодорожников оказалось очень тяжелым из-за дороговизны продуктов, низкой заработной платы, Зиминская группа РСДРП разработала текст требований к управлению железной дороги и послала в Томск своих представителей в качестве депутатов Синицкого, Керзика и Мирошниченко.

Всеобщую политическую стачку, охватившую Великий Сибирский путь от Челябинска до Владивостока, зиминцы поддержали в числе первых. Уже 17 октября 1905 года на станции началась забастовка железнодорожников. Местом сбора забастовщиков стал кузнецкий цех депо. Здесь вместо трибуны в центре здания поставили два жестяных кожуха от сухопарных колпаков паровоза. С них ораторы говорили о гнете самодержавия, о самоуправстве и издевательстве над рабочими высоких начальников и призывали к активной борьбе с самодержавием.

Ф. Березовский в книге «Таежные застрельщики» вспоминал:

«По заранее разработанному плану нами было предложено избрать сейчас ядро стачечного комитета из лиц, которых все знают и которым доверяют, затем сегодня же к вечеру собраться всем по службам и цехам и избрать в комитет по списку представителя от каждой службы и больших контор. И тут со всех сторон закричали:

- Минеева!
- Березовского!
- Синицкого!
- Потрясова!
- Краюшкина!
- Рыжкова!
- Қабанова!

Эти фамилии выкрикивались долго и настойчиво. Когда я предложил голосовать, поднялись почти все руки. В конце митинга мы предложили принять несколько постановлений...»

На этом же митинге председателем комитета был избран Березовский, заместителем — Шуландт, секретарем — Потрясов и казначеем — Минеев.

Покончив с организационным вопросом, комитет перешел к решению двух больших принципиальных вопросов:

1. О захвате власти.
2. О программе требований.

После долгих прений была принята резолюция, общий смысл которой сводился к постепенному захвату власти на станции Зима и в рабочем поселке, а также организации своей вооруженной дружины.

19 октября рано утром члены группы РСДРП вновь встретились на конспиративной квартире, еще раз обсудили принятые стачечным комитетом решения и окончательно договорились о дне проведения митинга. Однако стало известно, что накануне митинга ночью группа вооруженных офицеров ходила по квартирам станционных служащих, пытаясь выяснить и арестовать организаторов забастовки. Несмотря на это, митинг в кузнецном цехе депо был открыт. После нескольких зажигательных речей ораторов от имени Зиминской группы РСДРП было решено всем идти в железнодорожный поселок. И вдруг раздался провокационный гудок, призывающий мастеровых и рабочих приступить к работам. И тут же, почти сразу, был открыт огонь по митингующим. Среди раненых оказались рабочие Проминский, Муранов и другие — всего около десяти человек. Слесарь Воробьев и кондуктор Доценко вскоре скончались. О событиях тех грозных дней свидетельствует установленная в кузнецном цехе депо мемориальная доска: «Здесь во время забастовки 31 октября 1905 года были убиты слесарь Воробьев и кондуктор Доценко. Слава борцам революции 1905 года». По краям доски в ярко освещенной электричеством нише портрет Ф. А. Березовского и Л. И. Проминского, а в центре — групповая фотография членов стачечного комитета. Среди них П. П. Рыжков — революционный комендант станции Зима, А. Д. Синицкий — первый выборный начальник участка тяги, П. П. Минеев — казначей стачечного комитета, И. В. Березовская — член женской секции стачечного комитета и другие руководители Зиминской стачки 1905 года.

Расстрел митинга не охладил революционного духа зиминских железнодорожников. На всей линии железной дороги от Тулун до Половины развернулась агитационно-организаторская работа зиминской группы РСДРП, а на самой станции Зима стачечному комитету даже удалось разоружить полицию и установить свой революционный порядок. Прежде всего был установлен контроль за телеграфом и движением поездов. Все шифрованные телеграммы, поступающие на станцию, сразу же сжигались. Под контроль забастовщиков вскоре попал даже сам мировой судья, который обязан был в

двадцать четыре часа разобрать дела спекулянтов, шинкарей и грабителей и тут же направить их этапом в балаганскую тюрьму.

Однако власть стачечного комитета в Зиме продержалась недолго. С прибытием на станцию карательного отряда Меллер-Закомельского в депо и поселке были произведены повальные обыски и расправы. Не удалось избежать расправы и многим руководителям зиминской стачки.

«КРАСНЫЕ ЭШЕЛОНЫ»

Без преувеличения можно сказать, что зиминские железнодорожники внесли серьезный вклад в оздоровление и улучшение работы железнодорожного транспорта, и в особенности на рубеже 20-х—30-х годов, когда часто можно было услышать такие слова, как «пробка» и «узкое место».

О делах железнодорожников в те годы рассказала вышедшая в 1932 году небольшая книжица под названием «Станция Зима», уже давно ставшая библиографической редкостью. Ее единственный экземпляр хранится в музее Зиминского локомотивного депо.

Книжка эта была написана по предложению Профиздата коллективом ударников депо станции Зима Томской железной дороги. Цель ее — поделиться опытом борьбы за оздоровление железнодорожного транспорта, за быстрый пробег паровоза.

В ее составлении и написании участвовало около 200 человек. Большинство из них — непосредственные участники тех бурных и интересных событий. Наиболее активными в этом подлинно коллективном труде были Василенко отец и сын, Порсун, Боев, Соловьев, Олейников, Калинин, Ртищев, Карпов и начальник депо Мещерин.

«Осень 1928 года...

Безмятежно протекали дни в Зиминском депо. Ничто не тревожило ни администрацию, ни местком, ни партячейку. Депо располагало достаточным количеством паровозов, поезда приходили и уходили без задержки. Никто в депо не заботился о будущем.

Но вот солнную атмосферу несколько нарушило неожиданное распоряжение дирекции дороги: перевести депо из разряда основных в обратное.

Главную здравницу паровоза — цех подъемки — за-

крыли. Станки начали грузить в вагоны. Лучшие, квалифицированные рабочие покинули депо, перешли на другие станции, менее квалифицированные попросту увольнялись.

Ликвидаторские настроения заслонили собой, отвлекли внимание руководителей депо от надвигающегося затора. Движение росло. Паровозы пропускались мимо депо без ремонта.

Благодущие руководителей передалось и рабочим. Семейные вечера, пикники, рыбная ловля и охота оттеснили на задний план заботы о паровозном парке, о перевозках.

Никто не готовился к увеличению перевозок. Вскоре депо Зима, словно плотина, стало на пути потока грузов. Пятнадцать поездов с грузами для социалистических полей скопилось на путях станции Зима. Они не могли следовать дальше: не было паровозов. Пробка! — такими, казалось бы сухими, но очень правдивыми и до глубины души тревожными словами началась эта небольшая книжечка.

Действительно, из-за ослабления руководства со стороны «треугольника» (начальник депо, партком, местком) паровозный парк использовался из рук вон плохо. Многие паровозы не ремонтировались, стояли с полуразбитыми подшипниками, неисправными тормозами и были покрыты ржавчиной. Из-за нехватки паровозов машинисты работали за троих, за четверых, находясь в поездке по 50—60 часов.

Казалось бы, что и выход из такого трудного положения вряд ли можно было найти. Но он был найден! И не без помощи Зиминского райкома партии, сменившего почти все руководящее ядро депо. Укрепление партийной и профсоюзной организаций было с одобрением встречено передовыми машинистами, ремонтными бригадами и мастеровыми. Паровозное депо точно очнулось от длительной спячки и уже через год стало работать по-настоящему, а из оборотного оно вновь становится основным. А к осени 1930 года паровозный парк уже был готов принять увеличенные грузовые потоки. Однако в ночь на 28 октября разразившаяся дикая снежная пурга снова приостановила работу на станции, и только маеврушка, тихо посвистывая, едва продвигалась по снежным заносам, проталкивая одинокие вагоны к тупикам.

И вот в такой тяжелый момент при разбушевавшейся пурге зиминцы организуют ударный поезд № 751 имени

*Старейший машинист, водитель «Красных эшелонов»
Георгий Иванович Карпов с женой Надеждой Павловной.*

XIII годовщины Октября. А повели его на запад опытный машинист, награжденный впоследствии орденом Ленина, Василенко, машинист-наставник Губин и кондуктор Климович. В подготовке эшелона в путь активно помогали рабочие Зиминского лесозавода, погрузившие ударными темпами 17 вагонов леса для Кузнецкстоля, а колхозники организовали в его честь «Красные обзы» с хлебом имени ударного поезда № 751. Несмотря на поздний час, провожать его в дорогу на станцию пришло много народа.

Ровно в 22 часа 28 минут «Красный эшелон» под звуки духового оркестра тронулся в далекий и трудный путь. Свое обещание довезти груз в полной сохранности и в срок машинисты Василенко, Губин и кондуктор Климович сдержали с честью.

«Так первый ударный поезд своим примером помог ликвидировать пробку на станции Зима, так последняя стала передовой станцией. За этим поездом потянулась вереница ударных поездов. На деле стал осуществляться лозунг, брошенный зиминцами: «От ударных поездов — к сплошной ленте ударных эшелонов» — читаем в книге «Станция Зима».

А вскоре был сделан такой же буксир на Забайкальскую железную дорогу. Перед этим в рабочем клубе станции состоялось собрание ударников и лучших машинистов депо, на котором было принято решение про-

следовать по всей Забайкальской дороге и «окопрекинуть все заслоны на пути грузовых потоков». До двадцати паровозных бригад изъявили желание ехать с буксирным поездом № 754. И вновь его повел испытанный машинист Василенко и молодой помощник Остапенко, которые на паровозе «Фита» № 311 отправились из Зимы 18 ноября 1930 года. На вагонах поезда издали был виден лозунг-призыв:

Товарищи! Осенне-зимние перевозки только начались, а на Забайкальской дороге уже пробка. И у нас была пробка. Мы ее ликвидировали в три дня.

Мы вызываем вас последовать нашему примеру.

Отметим путь буксирного эшелона новыми ударными бригадами!

Конечно, не все хорошо и гладко шло у «Красного эшелона» в пути следования. Так, на станции Иннокентьевская надо было починить тягу поддувала. Руководство станции отказалось в помочь. «У нас нет лишних кузнецов» — был ответ. Тогда машинист Иван Василенко сам взялся за устранение повреждения. В течение 10 минут он отковал квадрат и исправил тягу поддувала. Но и после этого случая иннокентьевцы не сконфузились: «Скажи на милость, такое делишко, как Зима, взяло нас на буксир! Ишь, богатыри нашлись! На участке Иркутск — Слюдянка наверняка будете ехать с подвязанными фонарями». Однако в Слюдянку поезд прибыл даже на 3 часа раньше времени. И здесь же, на станции, на летучем митинге две тысячи слюдянцев приветствовали зиминцев. И в ответ на приход буксирного поезда № 754 вскоре сами организовали свой «Красный эшелон».

Зиминские железнодорожники неослабно следили за движением своего буксирного. В цехах депо, в рабочем клубе станции были вывешены карты его следования от Зимы до станции Сковородино. И с радостью вскоре узнали, что знаменитый Горхонский подъем он одолел с ходу, без толкача.

2 декабря в 10 часов утра буксирный поезд, но уже под номером 625, отправился обратно, а 12 декабря станция Зима устроила ему заслуженную встречу. Проделав путь в пять тысяч километров, он оставил за собой добрые следы своей работы. А вечером в клубе его водители во главе с Иваном Василенко щедро делились своими впечатлениями с железнодорожниками Зимы, сообщив, что забайкальцы, как и красноярцы, переняли

опыт зиминцев по вождению «Красных эшелонов» и тяжеловесных составов. Не потому ли именно в Зиме в январе 1930 года состоялся сибирский краевой слет лучших паровозных бригад от Томска до станции Сковородино Уссурийской железной дороги.

Выступил на этом слете и новый начальник зиминского депо Мещерин. Он, в частности, сказал, что нытики и разгильдяи встретили начинания зиминцев насмешками, но упрямые факты и дела водителей «Красных эшелонов» вскоре заставили их замолчать.

Дирекция Томской железной дороги премировала ударников-зиминцев десятью тысячами рублями и технической библиотекой на две тысячи рублей. 1 мая 1931 года депо Зима было награждено Красным знаменем Краевого комитета ВКП(б) Восточно-Сибирского края.

Последние строки книги «Станция Зима» посвящены начальнику депо Николаю Павловичу Мещерину.

«Паровозный лунатик» — эта кличка Мещерина была очень популярна среди зиминцев. Откуда она появилась?

С раннего утра до позднего вечера Мещерин находится в цехах. Его трудно найти в кабинете. Его следует искать в кузнечном, в подъемке, в малярном, на железнодорожных путях, около паровозов. Даже ночью не имеет он полного покоя... Его замечания — это не окрики сверху, это товарищеское указание и добрый, полезный совет. И потому каждый понимает, что замечания Мещерина вызваны желанием улучшить работу, указать ошибку и помочь ее исправить...»

На этом и следует, пожалуй, поставить точку, хотя в самой-то книжечке, весьма интересной по содержанию, всего 38 страниц. Но каких!

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

В 30-е—40-е годы велась довольно серьезная реконструкция железнодорожного транспорта страны, на стальных магистралях появились более мощные паровозы, с внушительной полезной площадью товарные и пассажирские вагоны, что потребовало в свою очередь коренной перестройки путевого хозяйства, и в особенности укладки рельсов повышенной прочности. Самостоятельной стала вагонная служба, а существовавший раньше в

Зиме вагоноремонтный пункт был преобразован в вагонное депо. В середине 30-х годов наконец-то был построен на четном пути железнодорожный мост через Оку, что в значительной мере ускорило продвижение всех видов поездов, а блок-пост Ока II, регулирующий многие годы однопутное движение на этом участке, был закрыт.

В числе первых на Восточно-Сибирской дороге включились зиминские железнодорожники в стахановское движение за вождение тяжеловесных поездов и быстрое продвижение народнохозяйственных грузов. А один из лучших машинистов депо Зима Яков Филиппович Яцук участвовал во Всесоюзном совещании передовиков железнодорожного транспорта в Кремле.

В труднейшие военные годы они делали практически все возможное и даже невозможное для ускорения победы, наращивали темпы перевозок, и в первую очередь воинских эшелонов, военной техники и боеприпасов. Ярким доказательством тому является телеграмма зам. начальника Зиминского паровозного депо Ревякина начальнику ВСЖД о патриотическом поступке машиниста Матвеева:

«Борясь за четкую работу паровозного парка в зимних условиях, героический поступок совершил машинист-инструктор депо Зима Н. Матвеев. Ночью 11 января 1943 года паровоз 2877 с составом груза для Красной Армии прибыл в Зиму с замороженным краном Эверластинга. Учитывая отсутствие паровозов, Матвеев без отцепки от поезда за 1 час 30 минут отремонтировал паровоз в горячем состоянии, рискуя получить ожоги. Поезд последовал дальше.

Еще более самоотверженный пример борьбы за ускоренное продвижение поездов показал в эту же ночь тов. Матвеев на паровозе 2276, следовавшем с пункта № 916 транспортом. У паровоза упал тендерный клапан инженера Патана. Поезд обречён на длительную стоянку. Товарищ Матвеев в 36-градусный мороз на станции Тыреть спустился в нижнем белье в тендер паровоза и ощупью, почти в ледяной воде, соединил тендерный клапан с вентилем». Так благодаря самоотверженному поступку зиминского машиниста Матвеева было обеспечено беспрепятственное продвижение поездов для Красной Армии. А таких героических поступков на Зиминском железнодорожном узле было не мало.

На состоявшемся 15 июля 1941 года митинге домохозяйки железнодорожного поселка станции заявили, что

они заменят мужчин, ушедших на фронт. И вскоре человек 8 женщин стали посещать курсы токарей, 4 — помощников паровозных машинистов, 10 — телеграфистов и телефонистов.

Призыв «Все для фронта, все для победы над врагом!» с высокой ответственностью выполнялся не только деповчанами, но и вагонниками, путейцами, связистами и всеми другими службами и трудовыми коллективами Зиминского железнодорожного узла.

Электрификация железной дороги заметно повысила темпы развития производительных сил Иркутской области, а также ускорила перевозку всех видов грузов и пассажиров и улучшила экологическую обстановку. Чего греха таить, паровозный дым, особенно в зимнюю пору, заволакивал зачастую не только станцию, железнодорожный поселок, но и городские кварталы. Домохозяйки не осмеливались даже сушить на дворе выстиранное белье, не говоря уже о более серьезных неприятностях, которые вполне обоснованно вызывали у зиминцев огорчение и раздражение.

Сейчас пассажиры электрических поездов даже и не задумываются, когда, кто и как устанавливал опоры и проводил подвеску проводов контактной сети, строил и монтировал тяговые подстанции, устанавливал автоблокировку и сигнализацию.

Да, теперь за давностью времени это стало уже историей, хотя прошло-то немногим более 30 лет. Но знать и помнить их надо!

Так, на электрификации участка Черемхово — Зима широко применялся разработанный строимастером Захаровым и инженером восстановительного поезда № 121 Бартеневым новый метод установки опор, предусматривающий специализацию и разделение труда. Это дало возможность повысить производительность подъемных кранов, сократить продолжительность «окон» и устанавливать за смену в три-четыре раза больше опор.

Монтажники электропоезда № 708, который около трех лет дислоцировался на станции Зима, в два раза сократили время монтажа контактной сети. Здесь отличились бригады Гаськова и Жирнова, каменщики Салимгареев и Милюте, электромонтер Тарасов, рабочие Баймук и Рубцова, столяр Константинов. Электрифицированный участок Черемхово — Зима в короткие сроки был сдан в эксплуатацию. Здесь было подвешено на консолях 254 километра несущего и 357 километров кон-

тактного проводов, установлено несколько тысяч железобетонных опор, смонтировано шесть тяговых подстанций — в Жаргоне, Забитуе, Головинской, Заларях, Делюре и Зиме. Тем не менее в ходе электрификации и даже после ее завершения на участках Зима — Иркутск и Зима — Нижнеудинск использовались самые мощные в стране тепловозы, а иногда и паровозы.

Первый электровоз пришел в Зиму из Иркутска днем 27 сентября 1959 года. А провел его из Иркутска до Зимы всего лишь за 3 часа 50 минут иркутский машинист, почетный железнодорожник Николай Иванович Пахунков со своими помощниками. Он-то и доложил на митинге по этому поводу начальнику ВСЖД Ермакову об успешном завершении первого пробного быстроходного рейса. И в эти же памятные минуты, уступая место электровозу, уходит на западную горловину станции работяга-паровоз. Он виновато оставляет за собой клубящийся пучок черного дыма, как бы говоря: «Сдаюсь! Ухожу без боя». И его безо всякого сожаления провожают тысячи людей, заполнивших «пограничную» Зиму. Да, именно пограничную, потому что от Зимы до Тулун и дальше на запад поезда еще водили паровозы.

И вот в первых числах ноября 1960 года работы по электрификации участка Зима — Тулун были полностью завершены. Станция Зима оказалась стыковой станцией, так как дальше на запад поезда повели электровозы переменного тока Н-60, изготовленные на Новочеркасском электростроительном заводе. А первый рейс до Тулуна повели уже зимицы — машинист А. П. Чистов, второй машинист Н. Г. Романенко и иркутянин старший машинист Р. Р. Мошеных. Легко срывается с места тяжеловесный состав и быстро набирает скорость. Вслед ему летят пожелания счастливого пути. Через 14 минут промелькнула станция Перевоз, а еще через 10 минут Кимильтей. У старшего машиниста Романа Мошеных наручные часы — подарок министра путей сообщения за успешное освоение самого первого электровоза Н8-001. А потому ему особенно дорог этот подарок. И, поглядывая на часы, говорит, как бы между прочим своим товарищам:

— Еще вчера машинист приходил домой из поездки весь в мазуте, и к этому за многие годы невольно привыкал.

— Да... А теперь, как предупредил Шептунов, «завтра в депо явиться в чистом», — в тон ему с улыбкой ответил Анатолий Чистов.

...Электровоз продолжает свой путь. Мелькают станции и полустанки, припорошенные снегом стога, поля и перелески.

— Впереди зеленый! — предупреждает Романенко.

— Вижу зеленый! — отвечает Мошеных.

Ровно в восемь ноль-ноль электровоз перешагнул границу станции Тулун. Раздались взрывы петард, заиграл оркестр. Поезд встал.

Митинг по случаю его прихода открыл заведующий промышленным отделом обкома партии П. Б. Кацуба. Он и поздравил строителей, монтажников и прибывших на привокзальную площадь тулунчан с такой большой победой.

Выступил на этом митинге и машинист-инструктор Зиминского локомотивного депо А. И. Жигалов.

— Мы, паровозники (от волнения он даже не заметил, что произнес не то слово), примем все меры к тому, чтобы успешно освоить и электровозы переменного тока. Будем водить поезда только по графику!...

После митинга электровоз Чистова, Романенко и Мошеных вышел на контрольную линию для возвращения в Зиму. И снова в кабине раздается привычное:

— Зеленый.

— Вижу зеленый...

Уже тридцать лет Зима является стыковой станцией постоянного и переменного тока. А потому здесь стопроцентная смена электровозов и их водителей, экипировка и тщательный технический осмотр всего поезда. Именно в Зиме находятся все службы и предприятия железнодорожного транспорта — локомотивное и вагонное депо, дистанция энергоснабжения, дистанция сигнализации и связи, дистанция службы пути, дистанция гражданских сооружений, главный материальный склад, служба водоснабжения, аварийно-восстановительный поезд. Поэтому на станции подолгу стоят поезда. Будь он товарный или пассажирский. Если в первые годы электрификации от Зимы до Иркутска товарные поезда водили электровозы постоянного тока ВЛ-8, а пассажирские — ВЛ-22, то в настоящее время ходят самые мощные электровозы — ВЛ-10.

На участке Зима — Нижнеудинск и далее на запад первое время ходили электровозы переменного тока ВЛ-60, а позднее на смену им пришли ВЛ-80 — более мощные и устойчивые, способные водить на больших скоростях все виды поездов.

Качественное и своевременное оформление документации при приемке и отправлении самых различных грузов обеспечивают работники товарной конторы станции Зима Валентина Антипова, Раиса Шусталь и Людмила Тепикина. Фото Э. Фоминых.

Специальность машиниста электровоза, как и его помощника, считается в Зиминском локомотивном депо самой престижной, высокооплачиваемой, но и самой ответственной. Как, впрочем, и машиниста тепловоза ТЭ-3, который здесь хозяйствовал в переходный период от паровой тяги на электрическую вплоть до начала 70-х годов. На маневровых же работах сейчас с успехом используется небольшой, миниатюрный тепловоз ТМ-1, управляемый, как говорят железнодорожники, в одно лицо, а потому требует от машиниста особой бдительности.

Как говорит начальник станции Зима Геннадий Васильевич Шашутин, наша станция — первого класса. Именно отсюда больше всего отправляется лесных грузов, а также строительных материалов, продукции лесохимии гидролизного и канифольно-экстракционного заводов и т. д. С возведением нового города Саянска вдвое, если не больше, увеличился и поток пассажиров, тогда как построенное 100 лет тому назад здание нынешнего вокзала рассчитано всего на 150 человек. А ведь на таких же станциях, как Тайшет, Нижнеудинск, Черемхово, Усолье-Сибирское, уже давно имеются новые прекрасные вокзалы. И вот только осенью 1991 года по соседст-

ву со старым зиминским вокзалом мостопоезд № 5 начал сооружение нового здания вокзала. Он будет двухэтажным, с расчетом ежесуточного обслуживания 500 и более пассажиров. И, конечно, с вместительными залом ожидания, комнатой матери и ребенка, билетными кассами, буфетом с кулинарным цехом и другими необходимыми службами и подсобными помещениями. К концу 1993 года он должен будет сдан в эксплуатацию. И очень было хотелось, чтобы так нужный зиминцам и саянцам строящийся вокзал не оброс «бородой» и не оказался долгостроем.

Однако наше повествование о почти вековой истории станции Зима, а впоследствии крупнейшего на Восточно-Сибирской магистрали железнодорожного узла будет не полным, если хотя бы вкратце не рассказать об уникальном в своем роде музее локомотивного депо, открытом на его территории в небольшом помещении в 1972 году. Поводом для его создания послужили многочисленные фотографии, статьи, рапорты, донесения, вырезки из газет и другие самые различные материалы, хранящиеся в кабинете депо, да к тому же безо всякой системы и должного порядка.

Вот тогда-то на совместном заседании парткома и профсоюзного комитета предприятия и было решено создать такой музей. Нашлось и подходящее помещение. Заведовать им на общественных началах согласился бывший железнодорожник, заведующий промышленным отделом газеты «Приокская правда» Дмитрий Афанасьевич Обухов. Это еще в его бытность музей стал пополняться экспонатами, в том числе и старинными фотографиями. Оформлены экспозиции о начале и ходе сооружения железной дороги от Красноярска до Иркутска на рубеже XIX и XX веков, о первых революционных событиях в депо и на станции Зима в 1905—1907 годах, о трудовых и героических подвигах деповчан в годы первых пятилеток и в Великой Отечественной войне.

Один из фотостендов музея посвящен ветеранам предприятия, а соседний с ним «В тылу, как на фронте» рассказывает о трудовых успехах, обязательствах и достижениях паровозных машинистов и ремонтных бригад в годы войны с фашистской Германией.

Есть в музее депо еще один большой стенд «Они сражались и погибли в боях за Родину». Среди его многочисленных экспонатов и документов тех лет есть письма фронтовиков своим семьям в Зиму, краткие сообще-

Главное в работе — безопасность движения. Валентина Александровна Каткова, Николай Евстафьевич Головатюк, Галина Михайлова Цветкова, Егор Афанасьевич Траньков и Владимир Антонович Аблец. Фото Г. Позднякова.

ния из газетных вырезок и даже несколько фотографий почти 50-летней давности. Здесь же, на самом видном месте в траурном обрамлении своего рода мемориальная доска с выгравированными на ней фамилиями и именами погибших. А их ни много ни мало — 90 человек!

Но особенно широко представлены в музее отделы «Электрификация Зиминского железнодорожного узла», «Трудовая преемственность поколений», так как локомотивное депо уже более полувека является базовым предприятием расположенного по соседству СПТУ-6 (бывшая железнодорожная школа ФЗО, а затем ЖУ), где готовят в основном помощников машинистов тепловозов и электровозов. До начала поступления в училище ребята обязательно должны побывать на экскурсии в этом музее, которые проводит уже без малого 20 лет его заведующий, ветеран железнодорожного транспорта Федор Михайлович Сергеев.

С интересом рассматривают также посетители музея фотоснимки земляных работ, укладки шпал и рельс на зиминском участке пути в конце 90-х годов прошлого столетия, первые деповские ремонтные сооружения и

первые паровозы, и первые ремонтные бригады, и, конечно же, фотографии первых паровозных машинистов, которые запечатлены безвестным фотографом в 1913 году.

Есть здесь еще один уникальный фотоснимок — кузнечный цех депо, где в октябре 1905 года во время митинга были смертельно ранены слесарь Воробьев и кондуктор Доценко, имена которых, к сожалению, так до сих пор и не установлены.

Вот такую замечательную историю имеет станция Зима и ее депо.

Не обошла их стороной, как и сам город, и гражданская война, о чем пойдет речь в следующей главе.

ГОДЫ ОГНЕВЫЕ

В этой небольшой главе представлены всего лишь отдельные события, имевшие место на земле Зиминской в годы гражданской войны, основанные на воспоминаниях и встречах с ее участниками.

В феврале 1917 года на смену свергнутому царскому самодержавию к власти пришло Временное правительство. А через три дня в Зиме были получены самые достоверные сообщения о совершившемся в северной столице России военном перевороте. У зиминцев такое событие вызвало всеобщий политический подъем, который проявился прежде всего в бурных собраниях и многолюдных митингах.

Во второй половине июня здесь по инициативе большевиков Рубановича, Терехова, Смирнова был образован объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов. Первым его актом было разоружение местной полиции и передача всей полноты власти Совету.

Однако установление советской власти в Восточной Сибири во многом зависело от положения дел в Иркутске, где контрреволюция, поддерживаемая чиновниками, офицерами и юнкерами, решила дать бой. Участник защиты Белого дома Степан Афанасьевич Антипов рассказывал, что только на стороне сражавшихся за советскую власть погибло более 200 человек. Еще больше было ранено.

После победы над силами контрреволюции со всей остротой встал задача закрепить достигнутую в боях победу и готовиться к новым схваткам и сражениям. С этой целью в Зиму прибыл один из участников подав-

Кровавые следы колчаковщины.

Кровавые следы колчаковщины в Зиме. 1920-е гг.
Из фондов Зиминского историко-краеведческого музея.

ления юнкерского мятежа в Иркутске К. Н. Гершевич, избранный вскоре на заседании Зиминского Совета рабочих и солдатских депутатов его председателем. При активной помощи Совета был успешно подавлен белый мятеж на Троицком винокуренном заводе, а затем на заимке Волково, где погиб зиминский красногвардец Павел Нестеренко. Похороны его состоялись в Зиме. Все участники подавления этого мятежа в составе 50 человек сфотографировались у гроба своего боевого товарища в шинелях, военных папахах и морских бушлатах.

Здесь же самые активные участники революционного движения в нашем городе Мирон Подауров, Иван Зиннатулин, Алексей Чижиков, Иван Василенко, Степан Коновалов, молодые рабочие лесозавода и станции Зима.

25 мая 1918 года произошло контрреволюционное выступление белочехов на всем протяжении железной дороги от Волги до Владивостока. В Иркутской губернии образовался Нижнеудинский фронт, а потому станция Зима принял характер военного лагеря и общежития паровозных и кондукторских бригад стали заполняться рабочими-красногвардейцами, которых тут же учили обращению с оружием, требованиям военной дисциплины.

Зиминские красногвардейцы во главе с К. Н. Гершевичем направились на Нижнеудинский фронт. Однако, не выдержав напора белых, красногвардейские час-

ти стали отходить к Тулуну, 2 июля 1918 года они остали Зиму, а 11 июля Иркутск и отошли к Байкалу. В одном из боев у станции Посольская погиб зиминец, помощник паровозного машиниста Василий Сидельников, чье имя носит теперь одна из улиц нашего города.

Среди немногих оставшихся в живых зиминцах был Гавриил Игнатьевич Сковырко, прошедший все круги плена и белогвардейских лагерей. В период белого террора по приказу начальника Томской железной дороги Кругликова на станции Зима и в депо было уволено 58 человек «за участие в революционной работе».

Председатель же Зиминского совдепо К. Н. Гершевич попытался под видом кочегара выехать на паровозе из Зимы, однако на станции Тулун был опознан, задержан и выдан белочехам. По воспоминаниям очевидцев, конвой привел на веревке связанного К. Н. Гершевича в район старого кладбища, где стояли кудрявые берескы. Его умное интеллигентное лицо с высоким лбом, серыми, чуть на выкате глазами и небольшими усиками выражало спокойствие. После зачтения приговора Военно-полевого суда палачи стали торопливо привязывать к сухому суку старой березы конец петли. Но Климентий Наумович оттолкнул их и сам надел петлю на шею. Но тут сук обломился и среди толпы раздались возгласы: «Он должен жить. Второй раз не вешают!» Однако злобленные палачи быстро завершили свое грязное дело, в его рот набили тряпки, а в нос и уши воткнули горящие папиросы и в течение нескольких дней не разрешали его хоронить.

Через два дня состоялась очередная казнь слесаря паровозного депо, члена Зиминского Совета красногвардейца М. П. Подаюрова. В красногвардейской Зиминской роте он был заведующим хозяйственной частью. Отступая из Зимы, он заехал на Больше-Березовский участок попрощаться со своей семьей. Но местный кулак признал его и донес белочехам. Мирона Подаюрова арестовали ночью и связанного привезли в Зиму. Здесь его держали в будке с известью, пытали, а затем за городом на болотистом месте расстреляли. Труп его бросили в яму с водой и забросали землей.

После установления советской власти в Зиме К. Н. Гершевич и М. П. Подаюров были перезахоронены в братской могиле на месте нынешнего парка Победы, что на улице Садовой.

Особым усердием в то тяжелое для зиминцев время

отличались три белогвардейских офицера, поступившие на службу в созданную белыми милицию, — С. Берданосов, В. Шишлянников и В. Чернышев. Они выехали в Филипповск, чтобы арестовать активного борца за власть Советов красногвардейца Зиминской роты Семена Щербацкого, проживавшего на Второй улице в Зиме вместе с матерью. Работая на лесозаводе, он занимался подпольной работой и нередко приезжал в Филипповск к своим родственникам. В тот трагический для него день он был в поле, где и застали его трое конных милиционеров-однокашников по зиминской гимназии. Они жестоко избили парня, привязали его к хвосту лошади и на рысях погнали в Зиму. По дороге свернули в Голуметскую падь и в упор застрелили его.

Его сестра Анна Гавриловна Комарова при встрече со мной рассказала, что лёжал он на месте расправы в бушлате гимназиста, обутый в желтые военные ботинки, а на груди кровоточила рана. Хоронили его в лунную светлую ночь 22 июля 1918 года.

В 1957 году на месте гибели Семена Гавриловича Щербацкого был установлен памятник-обелиск. А было ему тогда всего 22 года!

После падения советской власти в Сибири в октябре 1918 года в поезде английского генерала Нокса в Омск прибыл адмирал Колчак, который вскоре объявил себя Верховным правителем Российского государства. И началась насильственная мобилизация в колчаковскую армию.

В ноябре 1918 года в Зиме была повторно создана партийная ячейка, в нее вошли Уразметов, Кириллов, Коновалов, Нестеренко, Соколов, Крошкин и Иван Костенко, крестьянин из села Услон. Свою деятельность они начали со сбора средств политзаключенным и оружия для партизанского отряда, а также на подготовку вооруженного восстания среди чехословацких солдат, расквартированных на станции Зима.

Формирование партизанского отряда началось в конце 1919 года на Филипповском участке. Командиром отряда стал приехавший из Иркутска бывший политзаключенный «за причастность к большевизму» И. М. Новокшонов. (Из личного дела И. М. Новокшонова за № 109, ф. 117 архива Иркутской губернской тюрьмы).

Вначале в его отряд вошли скрывающиеся от мобилизации в армию Колчака Александр Уланов, Иван Юрлов, Андрей Бобрик, Егор Юрлов и Матвей Калинченко.

Именно здесь, в Филипповске, И. М. Новокшонов встретился с активным участником борьбы за власть Советов на Дону и бывшим военнопленным, приговоренным к расстрелу, но чудом избежавшим его Тимофеем Угроватым. Затем в отряд вступили парни из Большерастягаевского участка Василий Карбуков, Дмитрий Ульянченко, Платон Гришуров, Афанасий Поляков и братья Иван и Иосиф Самусенко.

Вскоре отряд И. М. Новокшонова установил связь с Зиминской подпольной ячейкой большевиков, которая начала печатать листовки и распространять их среди жителей Зимы и белочехов, которые чувствовали себя на станции полными хозяевами.

Одновременно шло формирование второго партизанского отряда в основном из рабочих лесозавода и железной дороги. Именно зиминские партизаны сделали смелую попытку захватить следуемый на Восток поезд Колчака. Это произошло 12 января 1920 года, когда штабу 5-го Зиминского кавалерийского имени Гершевича партизанского отряда стало известно от чеха коммуниста Веселкова, что на станцию Зима прибыл его поезд. Командир отряда И. М. Новокшонов и с ним еще пять партизан потребовали от начальника чешского гарнизона и коменданта станции полковника Вани выдачи им Колчака. Однако полковник Вания под благовидным предлогом, ссылаясь на «распоряжение высшего союзного командования», отказался выполнить требование партизан. Тем не менее под угрозой наступления отряда Новокшонова на линию железной дороги был вынужден согласиться на сопровождение поезда партизаном Соседко и на отправление в сторону Иркутска телеграммы. 13 января 1920 года она была послана со следующим текстом:

«Всем, всем, всем начальникам партизанских отрядов и рабочих дружин по линии Зима — Иркутск. 13 января в Зиму с поездом 58-бис, в чешском офицерском вагоне прибыл Колчак. На мое требование о выдаче мне Колчака комендант станции Зима чешский полковник Вания отказался его выдать. В случае прорыва Колчака через Зиму примите меры его задержанию Иркутске.

Командующий Зиминским фронтом красных войск
Новокшонов».

О том, как развивались затем здесь события, видно из рапорта помощника командующего Восточно-Сибир-

Участники гражданской войны у братской могилы красных партизан в г. Зиме. Фото 1957 г.

ской советской армией А. Г. Нестерова иркутскому ревкому от 19 февраля 1920 года, хранящегося в Иркутском областном архиве (ГАИО, ф. 42, оп. 1, ед. хр. 437, л. 2—6).

«В Иркутске сформирована Западная группа в составе первого иркутского батальона (бывший отряд особого назначения) — 300 штыков и взвод всадников в 30 сабель. Третий батальон 10-го советского полка (бывший 53-й полк) при двух трехдюймовых орудиях, часть 12-го советского полка (бывшие егеря). Сопровождали меня два бывших офицера — Вершинин и Варгин.

26 января 1920 года в 12 часов дня первый эшелон был отправлен на Запад. В ночь на 28 января на разъезде Делюр чехи категорически отказались пропустить далее этот эшелон, мотивируя этот отказ загруженностью путей.

После долгих и безуспешных переговоров я приказал эшелонам продвигаться на разъезд Ока-II, где и была произведена высадка.

29 января прибыл третий эшелон на разъезд Ока-II (2-й батальон 10-го советского полка — 160 штыков). Вооружение — английские винтовки без достаточного запаса патронов и пулеметная команда — два пулемета «Колт», два пулемета «Люис». С этим эшелоном прибыли 50 оренбургских казаков — элемент ненадежный

как в политическом, так и в боевом отношении. В ходе боя они перешли на сторону капрелевцев и ушли вместе с ними.

К вечеру 29 января были сосредоточены следующие силы: 1-й иркутский отдельный батальон — 300 штыков и конный взвод в 30 сабель, два пулемета, один «Максим» и два «Кольта». Людской состав очень хороший. Рота 12-го советского полка (егеря). Командир Крохалев (120 штыков при двух пулеметах), второй батальон 10-го советского полка (командир Молжарин) — 160 штыков, 3 «Кольта» и 3 «Люиса». Третий батальон 10-го советского полка — 300 штыков (командир Тополов). 17-й охранный железнодорожный батальон (черемховский) — 286 бойцов. Командир Кузнецова. 2-я легкая батарея иркутского советского артиллерийского дивизиона — 2 трехдюймовых орудия — командир Романов. Снарядов достаточно...

Всего 1294 бойца.

Два самолета (один неисправен). Партизаны: 1-й ангарский советский полк Игнатова — 480 человек, 3-й илимский советский полк — 300 человек, 5-й зиминский кавалерийский полк — Новокшонов, около 200 человек, конных не более 100, остальные — пехота. Патронов не более 60 штук на винтовку. Обмундирование плохое. Организованы с отличным руководителем в лице тов. Новокшонова. Итого: партизан — пехота 1100, конных 100. Конные части оказались лучшие партизанские — отношу это к личным заслугам тов. Новокшонова... Разведку только они вели удовлетворительно.

28-го воздушная разведка установила движение противника по Московскому тракту, в районе села Куйтун (70 верст от Зимы и 15 км от дер. Листвянки) — незначительные конные части и обозы — 500—600 подвод. Обозы были обстреляны с аэроплана. Южнее же ж.-д. магистрали присутствие противника не обнаружено.

Разведка 29 января установила — занята деревня Старый Перевоз — 20 верст от Зимы, до трехсот конницы и обоз. Занята деревня Батама и замечены (капрелевцы — А. Б.) в районе Батамы и Малого Кошелака.

В ночь на 30 января политический комиссар группы Клингоф, ведавший сношениями с чехами, был у начальника чехословацкого гарнизона Зимы. Были разрешены некоторые недоразумения. Тон переговоров был якобы доброжелательным. Отношение вполне корректное и уверяли в дружелюбном нейтралитете.

30-го — бой. В 10 утра с севера от магистрали (имеется в виду Московский тракт — А. Б.) у деревни Мордино начался бой. До 12 часов наезды конницы отбивались.. К 14 противник был отброшен. Захвачен один пулемет, а наш правый фланг перешел в наступление. Для развития успеха я двинул на правый фланг черемховский батальон.

Около 15 часов прервалась телефонная связь и посыльные сообщили, что 2-й батальон разоружен чехами — открыли огонь, убито несколько человек. 3-й батальон вызвали из Старой Зимы на подводах, окружили и разоружили. Захвачены батарея и штаб окружен чешскими гусарами. Казаки при штабе сразу сдались. Новокшонов, своевременно предупрежденный о захвате штаба, отошел к северу на Тангуты. На левом фланге чехи захватили 4-ю роту черемховцев. Почти всех там же на месте они выдали каппелевцам, которые учинили здесь же раздевание, порки, а ночью, после допросов всех перекололи и перерубили...»

Вот такая страшная трагедия разыгралась в последние январские дни 1920 года на земле Зиминской, в том числе и в самом городе, где, по словам случайно оказавшегося здесь жителя села Ново-Никольска Е. Н. Миинеева, только у Голонтуйского моста было расстреляно 118 человек.

4 февраля 1920 года войска Восточно-Сибирской армии соединились в Зиме с регулярными частями Красной Армии, продолжавшей преследовать каппелевцев. А в воскресенье, 15 февраля, здесь состоялись последние похороны зверски замученных и расстрелянных товарищ.

После окончания гражданской войны будущий писатель И. М. Новокшонов написал несколько очерков и рассказов о борьбе сибирских партизан, о гражданской войне.

Интересен такой исторический факт. Доцент Иркутского пединститута П. М. Моролов разыскал в областном архиве интереснейший документ. Оказывается, по просьбам зиминцев Президиум Зиминского райисполкома своим решением от 29 июля 1929 года избрал партизанского командира и писателя Почетным членом Зиминского райисполкома.

ПАМЯТЬ О НИХ ВЕЧНА

Зиминцы свято чтут память погибших в борьбе с колчаковцами и белогвардейцами в годы гражданской войны. Так, в парке Победы, создан мемориальный комплекс, где в День Победы зажигается «Вечный огонь». Центральную часть комплекса венчает восьмиметровая фигура женщины-Матери, олицетворяющей Родину, скорбящую о безвинно погибших ее сыновьях. Слева от нее бронзовая фигура раненного прямо в сердце комиссара полка, который, увлекая своих бойцов личным примером, первым бросился на врага. Это им, героям гражданской войны, устами смертельно раненного комиссара говорят светящиеся позолотой слова:

Мы были, мы пали.
Мы будем сердцами
В веках гореть.
Мы пламенем собственных судеб
В знамена расплвили смерть!

Здесь же, на невысокой бетонной площадке, примыкающей к темно-красного цвета невысокой стене, на мраморно-гранитных тумбах надгробий крупными буквами выгравированы фамилии погибших:

Григорьев М. Н., комиссар Зиминской красногвардейской роты.

Трифонов Н. М., член Зиминского ревкома.

Подяюров М. П., командир отряда красногвардейцев.

Гершевич К. Н., первый председатель Зиминского совдепа.

А чуть поодаль, ближе к улице Садовой, еще два надгробия с надписями на мраморных плитах. На первом — «Павшим в боях с врагами революции в 1918—20 годах» и «Здесь захоронены 314 партизан и красногвардейцев» — на втором надгробии, на котором, как и на всех других, всегда много живых цветов.

Мемориальный комплекс на площади Победы в Зимине является наиболее удачным не только по композиции, но и по архитектурному исполнению, чего не скажешь, о памятнике-обелиске, установленном на некогда проходившем Московском тракте возле старой Зимы, хотя в далеком прошлом здесь была только братская могила повешенных и расстрелянных колчаковцами партизан и красногвардейцев.

Еще один памятник-обелиск стоит на небольшой по

Монумент «Матери-Родины» на мемориальном комплексе павших героев гражданской войны на площади Победы в Зиме.

Ветераны гражданской войны — гости редакции газеты «Приокская правда». В первом ряду третий слева прославленный командир Балаганской партизанской дивизии Николай Васильевич Дворянов. Фото 1970 г.

размерам площади в центре Кимильтея. На нем крупными буквами выбиты фамилии погибших.

Старейший житель этого села И. Добржинский четверть века тому назад рассказывал о связанным с этим памятником событием.

«В Кимильтей по борьбе с бандитизмом был направлен специальный отряд особого назначения, входивший ранее в Петроградский полк специального назначения. Весной 1921 года отряду под командованием Журавлева было поручено ликвидировать банду кулака Сенотрусова. И вот когда дела в красногвардейском отряде стали развертываться успешно, произошло неожиданное. В село Баргадай под покровом ночи как снег на голову ворвались белобандиты, учинившие зверскую расправу над красногвардейцами. В числе их жертв оказался не только сам командир Журавлев, но и его боевые товарищи — Томских, Терехов, Прокопьев. Осенью того же года их останки были перенесены и захоронены на центральной площади Кимильтея». По установившейся издавна традиции, здесь проводятся митинги, шествия и демонстрации.

ЗИМИНСКОЕ «СОЗВЕЗДИЕ»

Прошло почти полвека со дня победы советского народа над фашистской Германией. Свой посильный вклад в эту победу внесли и зимицы. Женщины, старики и подростки работали не покладая рук на предприятиях и железной дороге, в сельском хозяйстве. В армию же было призвано Зиминским райвоенкоматом 8870 человек, из них 3730 солдат и офицеров погибло в боях и сражениях с коварным и сильным врагом, домой же вернулось немногим более пяти тысяч.

С годами участников Отечественной войны становятся все меньше и меньше. И это естественно. Однако память о них, и прежде всего о наших земляках — Героях Советского Союза, внесших особенно большую лепту в эту победу, зимицы должны сохранить навечно.

О них рассказывает в своей книге «Золотые звезды иркутян» доктор исторических наук И. И. Кузнецов.

Клименко Сергей Васильевич

Сергей Васильевич родился в 1925 году в деревне Зозов Винницкой области в семье крестьянина. В 1935 году семья переехала на ст. Зима. С. В. Клименко окончил пять классов Зиминской школы. В ноябре 1942 года был призван в армию. До февраля 1944 года служил в Забайкалье в пулеметном батальоне. Воевал комсомолец С. В. Клименко на 2-м Белорусском фронте, проявил мужество в августовских боях 1944 года по освобождению Польши. В ноябре 1944 года вступил в члены КПСС. Погиб в начале 1945 года.

18—19 августа 1944 года у польских деревень Груздь и Ситки подразделение офицера Щеглакова быстрым и решительным ударом выбило фашистов из крупного населенного пункта. Закрепившись на высоте, гвардейцы приготовились к отражению атак врага. Пулеметный расчет Клименко занял удобную позицию. Фашисты не заставили себя ждать, более трехсот солдат и офицеров при поддержке двадцати танков двинулись на высоту. Гитлеровцы шли во весь рост, что-то орали пьяными голосами. Когда они были уже в ста метрах от наших позиций, последовала команда «огонь». Пулеметчик дал длинную прицельную очередь, огнем с фланга отсекая пехоту от танков. Один за другим падали фашисты. Кли-

менко дважды пропускал танки мимо себя, но пехота ни разу не прошла. Когда один из «тигров», тяжело громыхая, прополз у окопа пулеметчиков, Клименко схватил противотанковую гранату и бросил ее в гусеницу, «тигр» завертелся на месте и сразу же был подожжен снарядом нашей артиллерии.

Передвигая пулемет вдоль линии обороны, ведя меткий огонь на уничтожение, расчет Клименко нанес большие потери врагу. Отражая четвертую атаку, гвардеец был ранен, но не ушел с поля боя, а продолжал посыпать по врагу смертельные очереди.

Из строя вышел тяжелораненый напарник Орлов. Ослаб от потери крови и Клименко. Однако он продолжал драться и отбил еще три атаки. Но вот второе ранение. Оно лишило последних сил земляка. Спасибо артиллеристам. Они выручили — положили на свою самоходную пушку и увезли в тыл. Восемь часов дрались без передышки. Отбили семь контратак, разбили танк и истребили сто тридцать фашистов.

В одном из боев в феврале 1945 года молодой воин, которому не исполнилось и двадцати лет, погиб на польской земле.

24 марта 1945 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Перов Дмитрий Михайлович

Дмитрий Михайлович родился в 1915 году на ст. Оловянная Читинской области. Окончил семилетку, а затем школу ФЗУ на станции Хилок. С 1932 года Д. М. Перов работал шофером в г. Иркутске. В 1936 году был призван в армию. Участвовал в боях на Халхин-Голе водителем бензозаправочной машины 234-го артиллерийского полка. Демобилизовавшись, с 1940 года работал шофером и заведующим гаражом в Старо-Зиминской МТС Иркутской области. В январе 1942 года вновь был призван в армию. На фронте в марте 1943 года вступил в ряды Коммунистической партии. Воевал в должности водителя «катюши» на Центральном, 1-м и 2-м Прибалтийском и Ленинградском фронтах.

...Было это в феврале 1944 года у села Ужлятино-Горбачи на 1-м Прибалтийском фронте. Боевые машины 99-го гвардейского полка стояли на огневой позиции.

Гитлеровцы усиливали артиллерийский огонь, разры-

вы снарядов приближались все ближе и ближе. Вдруг совсем рядом разорвался снаряд. Взрывом с боевой установки сорвало и сбросило на землю несколько мин. Ракетные части двух мин были повреждены, воспламенилось топливо. Одна из мин, извергая с шумом пламя, устремилась к нише, где находились запасные ракетные снаряды, другая двигалась в сторону стоявших рядом боевых машин. Перов, находившийся рядом в открытом ровике, первым почувствовал серьезную опасность.

Он выскочил из ровика, быстро подбежал к первой мине и навалился на нее телом. В лицо пахнуло гарью и теплом. Закрывая одной рукой глаза от искр, другой он с необыкновенной быстротой вывернул взрыватель.

Покончив с первой миною, водитель бросился к другой, неуклонно приближающейся к реактивной установке. Снова своим телом замедлил он движение опасного снаряда, снова быстро заработала рука. Взрыватель извлечены. Оттолкнув мину в сторону, Перов изменил направление ее движения. Теперь-то мина уже не опасна.

Тяжело встав, вытер он рукавом пот с лица, облегченно вздохнул. А к нему уже бежали боевые друзья. Все произошло так быстро, что ни один из них не успел помочь водителю.

— По машинам! — раздался строгий голос командира, а вскоре знакомая команда «залп». Спасенные Перовым четыре боевые установки и четыре орудийных залпа мин массированным налетом истребили сотни фашистов и подавили их огневые точки.

22 июня 1944 года Д. М. Перову было присвоено звание Героя Советского Союза. Но боевой путь сибиряка продолжался.

Герой Советского Союза гвардии сержант Д. М. Перов в числе других отличившихся воинов участвовал в историческом параде Победы в Москве на Красной площади.

Романец Степан Васильевич

Степан Васильевич родился в 1914 году в с. Сотники Зиминского района в семье лесника. После окончания Масляногорской неполной средней школы в 1929 году он стал лесорубом Бахваловского лесоучастка. Затем, окончив курсы трактористов, работал на тракторе в Тальцинском леспромхозе. С октября 1936 года в рядах Советской Армии. Служил в ЗабВО, окончил школу младших командиров и Томское артиллерийское учили-

ще. В июне 1941 года в должности командира артвзвода выехал на фронт. Сражался под Ельней, под Москвой, на Западном, 1-м и 2-м Белорусском фронтах. Командир артиллерийского дивизиона Степан Васильевич Романец проявил командирский талант и храбрость при форсировании Одера.

21 апреля 1945 года дивизион капитана Романца первым в полосе наступления 175-й дивизии открыл огонь по Берлину.

Ведя огонь прямой наводкой, капитан Романец обеспечил бойцам 278-го полка 175-й дивизии форсирование канала Гогенцоллерн и разгром последнего заслона противника перед городами Фалькенхаген и Потсдам. Когда 278-й полк, овладевший городом Лагер-Даберитц и деревней Дольгов, стремительно двинулся на юг, фашисты нанесли фланговый удар, перерезали шоссе и вновь заняли Дольгов. С пехотинцами оказался в окружении и командир дивизиона. Не раздумывая, он вызвал огонь пушек на себя. В течение двух часов фашисты тщетно пытались сломить сопротивление полка. За это время подошли части дивизии и разгромили фашистов.

26 апреля прямой наводкой орудия дивизиона отбили три яростные контратаки фашистов из города Фальгельштадта. Была ликвидирована попытка врага прорваться на запад, при этом уничтожено до ста солдат и офицеров и более двухсот взято в плен.

Немало опасностей пришлось пережить в эти дни капитану, но выручал накопленный опыт боев. В один из последних дней войны в деревню Тремонн ворвалась группа немецких танков и бронетранспортеров с десантом. Капитан Романец быстро развернул дивизион и, сочтая прямую наводку артиллерии с огнем из стрелкового оружия, в течение полутора часов вел ожесточенный бой, переходящий в рукопашные схватки. В самый напряженный момент боя, когда вражеским автоматчикам из-за домов удалось подойти к батареям, офицер поднял своих людей в атаку и отбил нападение. В результате группировка фашистов была полностью разгромлена, при этом артиллеристы сожгли танк и уничтожили до восьмидесяти гитлеровцев.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года за мужество и отвагу, проявленные в Великой Отечественной войне, С. В. Романцу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Алексеев Владимир Николаевич

Владимир Николаевич родился в 1912 году в семье врача, профессионального революционера в с. Кимильтей Зиминского района. Член КПСС с июня 1941 года. В 1929 году окончил Ленинградское мореходное училище. Был помощником капитана парохода Балтийского торгового пароходства. С октября 1933 года служил штурманом подлодки Балтийского флота, флагманским штурманом бригады торпедных катеров Тихоокеанского флота. В 1942—1943 годах учился в Военно-морской академии. После окончания академии командовал дивизионом торпедных катеров Северного флота. После войны он на ответственной штабной работе. С января 1951 года — контр-адмирал, а с 1962 года — вице-адмирал. В настоящее время адмирал флота в отставке.

О командирском умении В. Н. Алексеева, его мужестве говорят красноречиво документы военных лет. Вот один из них — представление капитана 2-го ранга В. Н. Алексеева к высшей степени отличия — званию Героя Советского Союза (октябрь 1944 года): «Капитан 2-го ранга Алексеев, инициативный, смелый и тактически грамотный офицер. Успех дивизиона — потопление семнадцати кораблей противника за исключительно короткий промежуток времени — есть результат повседневной работы Алексеева, результат его осмысленного упрямства в поисках, в бою и при преследовании противника. Каждая операция, проводимая Алексеевым, ценна не только в факте количественного потопления кораблей противника, она ценна и со стороны офицерской зрелости командиров в бою, которую привил и воспитал в них командир дивизиона.

За руководство операциями, в результате которых потоплено семнадцать кораблей противника, из них два миноносца, за разумные действия и грамотность в дневных атаках по конвоям противника, за отвагу и личный героизм, проявленные в боях с немецкими захватчиками, капитан 2-го ранга Алексеев достоин высокой правительственный награды — звания Героя Советского Союза.

Его ратные дела были высоко оценены советским народом. Адмирал Алексеев награжден девятью советскими и иностранными орденами и пятью медалями, в том числе медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

Барков Михаил Иванович

Михаил Иванович родился в 1916 году в деревне Репьево Новосибирской области в семье крестьянина. В Репьево окончил семь классов. В 1934 году вступил в сельхозартель «Краснофлотец». С 1936 года работал в Зиминском химлесхозе вздымщиком. После окончания в 1938 году курсов мастеров в городе Щелково Московской области был мастером подсочки. В апреле 1943 года призван в ряды Советской Армии. Воевал на Калининском, 1-м Прибалтийском фронтах наводчиком орудия. Войну окончил в Курляндии младшим сержантом. Демобилизовавшись в 1945 году, работал в Зиме, Улан-Удэ, Иркутске, на строительстве Братской ГЭС.

25 июня 1944 года его часть начала форсирование Западной Двины у села Узречье. Накануне артиллеристы трудились весь день. Из бревен и досок соорудили прочный плотик для своего 76-миллиметрового орудия.

По сигналу форсировать реку расчет Баркова с помощью подбежавших пехотинцев мгновенно погрузил орудие на подготовленный плот. Но когда расчет достиг середины реки, враг открыл ураганный огонь из всех видов оружия. Тех, кто был на плоту, окатило прохладной двинской водой от разрывов снарядов. Артиллеристы налегли на весла.

...Вот и берег. Выкатив пушку на землю, расчет занял свои места. Барков применил весь свой опыт. Стрелять пришлось прямой наводкой с высокой скоростью.

Действия артиллеристов были настолько ошеломляющими, а огонь их орудия настолько метким, что гитлеровцы в панике бежали. Оборона врага была здесь деморализована, пехотные подразделения успешно форсировали Западную Двину.

За самоотверженность и отвагу наводчику М. И. Баркову 22 июля 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Беломестных Владимир Корнилович

Владимир Корнилович родился в 1913 году в деревне Баргадай Зиминского района в семье крестьянина. Член КПСС с 1940 года. Окончил Ново-Удинскую семилетнюю школу, затем учился в Иркутском и Нерчинском горных техникумах. По окончании работал началь-

ником штольни рудника им. Кирова в Амурской области. С 1936 года — служба в армии, после чего вернулся на тот же рудник. В июне 1941 года вновь призван в армию. Служил на дальневосточной границе, а с февраля 1943 года — на фронте командиром отделения саперов в 106-й стрелковой дивизии. Ныне на пенсии.

В октябре 1943 года 106-я Забайкальская дивизия вышла к Днепру южнее города Лоев. Вечером 14 октября саперному отделению В. К. Беломестных была поставлена задача обеспечить переправу через реку стрелковых частей.

На протяжении двадцати часов под неослабевающим огнем фашистов совершал он рейсы через Днепр, перевозя стрелков и боеприпасы. Приходилось трижды менять лодки, разбитые снарядами и минами. Из трех помощников сапера два погибли, но задача была выполнена.

За десять рейсов герой-сапер перенес сто восемьдесят пять воинов вместе с их оружием и боеприпасами. Десант с ходу бросился на немецкие траншеи. Короткий бой — и плацдарм захвачен. В руки советских бойцов попали две пушки и пулемет, установленные на западном берегу. Над фашистскими траншеями заалел заранее припасенный командиром саперов флаг с надписью: «Днепр наш». А когда Беломестных, весь мокрый, без сапог и пилотки, явился к командиру саперного батальона с докладом, тот удивленно уставился на него: «Мне же сообщили, что ты погиб!» — «Да нет, я жив», — улыбаясь, ответил сапер. Оказалось, что майор Панин послал к Беломестных трех связных, но ни один из них не вернулся обратно. — «Ну хорошо, сначала приведи себя в порядок, а потом все подробно доложи».

За геройские действия Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 года старшине В. К. Беломестных присвоено звание Героя Советского Союза.

Валентеев Степан Елисеевич

Степан Елисеевич родился в 1911 году. До войны работал сплавщиком в Зиминской сплавной конторе. В Красную Армию призван в августе 1941 года, в боях участвовал с октября стрелком 363-го стрелкового полка 114-й стрелковой дивизии, с февраля 1944 года сражается на Карельском фронте, здесь и вступает в Коммунистическую партию.

В последние годы Степан Елисеевич Валентеев проживал на Сахалине в городе Холмске, находился на заслуженном отдыхе. Умер 1 мая 1978 года.

21 июня 1944 года советские войска начали форсирование реки Свирь. Степан Елисеевич находился в составе эшелона боевого обеспечения. Пулеметный огонь противника скосил всех бойцов и командиров, находящихся в лодке. Оставшийся один в живых ефрейтор Валентеев доставил лодку к берегу и присоединился к соседнему отделению сержанта Скрипцова. Вместе с этим отделением блокировал дзот противника со станковым пулеметом и 37-миллиметровой пушкой. Он подобрался к дзоту и забросал его гранатами, чем обеспечил успех переправы своей роты.

Преследуя отходящего противника, С. Е. Валентеев преодолел минное поле и проволочное четырехрядное заграждение, ворвался во вторую линию траншей белофиннов. Увлекая за собой товарищем, ефрейтор бросился на врага. Пятеро вражеских солдат погибли в этой схватке от рук Валентеева. А он первым вышел на тракт и обеспечил выполнение боевой задачи, поставленной перед ротой.

За героизм и отвагу С. Е. Валентееву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Соколов Михаил Васильевич

Михаил Васильевич — уроженец Костромской области. Родился он в 1912 году. Войну встретил в Зиме, и 7 июля 1941 года был призван Зиминским райвоенкоматом. Сражался в составе 363-го стрелкового полка 70-й Армии, командовал отделением. В 1942 году получил тяжелое ранение в плечо, после лечения вернулся на фронт. С февраля 1944 года участвовал в боях с белофиннами. В 1943 году принят в ряды Коммунистической партии.

После окончания войны длительное время проживал в Москве, тяжело болел. Умер в 1968 году.

Как и С. Е. Валентеев, Михаил Васильевич Соколов в составе 363-го стрелкового полка одним из первых форсировал реку Свирь 21 июня 1944 года. Под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника он со своим отделением доплыл до противоположного берега, высадился, проделал проход в проволочном загражде-

ний и ворвался в окопы противника. Завязалась рукопашная схватка. Пример героизма и ловкости своим бойцам показывал сержант Соколов: он лично уничтожил четырех вражеских солдат, захватил станковый пулемет и три автомата. По траншее достиг тракта, где уничтожил еще двух белофиннов и одного взял в плен. Боевая задача, поставленная перед отделением, была выполнена успешно. За мужество и геройство, проявленные в бою при форсировании реки, Соколову присвоено звание Героя Советского Союза.

Колодяжный Петр Семенович

Петр Семенович родился в 1921 году в деревне Верх-Зима Зиминского района. В двадцать один год попал на фронт из Томска. В звании старший сержант командовал отделением саперов 104-го инженерно-саперного батальона 5-й инженерно-саперной бригады. Дважды был ранен, награжден медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды. На фронте П. С. Колодяжный стал коммунистом.

В настоящее время П. С. Колодяжный проживает в подмосковном городе Красногорске, заведует аспирантурой в академии коммунального хозяйства.

На рассвете 26 сентября 1943 года на Днепр опустился густой туман. Под его прикрытием части Советской Армии начали переправу на правый берег. Противник встретил их ураганным огнем из всех видов оружия. В небе беспрерывно висели немецкие самолеты, они засыпали наших бойцов бомбами, поливали из пулеметов. В числе первых с отделением саперов на двух лодках П. С. Колодяжный устремился к вражескому берегу. Осколки снарядов пробили лодки, началась сильная течь. С большим трудом, пробоины были ликвидированы. Добравшись до берега, саперы огнем из винтовок и автоматов прикрыли высадку десанта. Только за один час Колодяжный сделал семь рейсов через реку и переправил более сотни красноармейцев, причем ему удалось совершенно избежать потерь.

Затем, заняв соседний остров, П. С. Колодяжный и еще четверо бойцов вызвали на себя огонь артиллерии, минометов и авиации. Внимание фашистов было отвлечено от переправы.

Герой Советского Союза П. С. Колодяжный

За проявленный в этом бою героизм Петр Семенович Колодяжный был удостоен звания Героя Советского Союза.

Курзенков Александр Георгиевич

Чуть-чуть улыбаясь, с фотографий смотрит на нас молодой парень в наброшенной на плечи летной кожанке. На левой стороне груди — золотая звезда Героя Советского Союза. Только таким знают земляки уроженца своего города, летчика, который еще при жизни был окружен легендарной славой, — Александра Георгиевича Курзенкова. Своим — по месту рождения — считают его земляки, своим — жители Лиепаи, где его именем названо профессионально-техническое училище. Своим считают его в коллективе завода им. Лихачева, где он работал токарем, в Наро-Фоминске, где жил и учился.

С 1939 года его судьба связана с Советской Армией.

Ейское военно-морское авиационное училище он закончил накануне войны. А затем — боевые вылеты, воздушные сражения на Черноморском флоте, в небе Балтики. Погиб Александр Курзенков.. восьмого мая 1945 года в районе Лиепаи. А звание Героя ему было присвоено 22 января 1944 года.

В одном из первых боев бомбардировщик, который вел Курзенков, был подбит. С большим трудом летчик дотянул свою машину до нашей территории, совершил вынужденную посадку, но сам с ожогами попал в госпиталь. В январе 1942 года он стал пилотом 73-го бомбардировочного полка на Балтике. Затем — пилот-разведчик, командир авиаэскадрильи. На его счету двести пятьдесят боевых вылетов. За свои ратные подвиги Александр Георгиевич был удостоен четырех боевых орденов, многих медалей. Летал Курзенков на многих типах боевых машин — Пе-2, ЯК-9 и других. Он тридцать раз встречался в воздухе с противником, тринацать раз непосредственно принимал бой, десятки раз вылетал на разведку за линию фронта, на аэрофотосъемку.

Вот лишь несколько боевых эпизодов. 9 июля 1942 года экипаж Курзенкова принял участие в бомбоударе по кораблям противника в районе острова Соммерс. Им был поврежден сторожевой корабль. Через два дня в этом же районе ударом с пикирования самолет Курзенкова вывел из строя канонерскую лодку. 20 июля его бомбы точно легли в расположение вражеской артиллерийской батареи. Назавтра таким же образом была ликвидирована минометная батарея.

Летчик Курзенков погиб, когда фашистская Германия уже капитулировала. И о последних минутах и часах его жизни мы так никогда и не узнаем — Герой не вернулся с очередного боевого задания.

Лященко Николай Григорьевич

Об этом Герое — нашем земляке зиминцы узнали совсем недавно, а точнее, только в октябре 1990 года, когда в газете «Красная звезда» был опубликован Указ президента СССР М. С. Горбачева о присвоении генералу армии Лященко Николаю Григорьевичу высокого звания Героя Советского Союза.

Н. Г. Лященко родился в 1910 году в г. Зиме. Детство его прошло в Киргизии. С 1927 года — в Советской

Армии. В 1937—1938 годах воевал в Испании.

В мае 1941 года закончил академию им. Фрунзе. На фронте с июля 1941 года. Войну закончил в звании генерал-майора. Командовал 90-й дивизией 2-й ударной Армии. Был дважды представлен к званию Героя Советского Союза. Оба представления не были реализованы.

После войны окончил Академию Генерального штаба. В 1968 году получил звание генерала армии.

Из наградного листа: «Под командованием генерал-майора Лященко Н. Г. дивизия с ожесточенными боями прошла от стен Ленинграда до Берлина. Личный состав дивизии отличился в боях за город Ориенбаум, Выборг, на территории Польши и Восточной Пруссии.

Лященко Н. Г. в ходе боев проявил мужество, геройство, умело руководил дивизией».

В настоящее время Н. Г. Лященко на пенсии. Проживает в Москве.

В память воинов-земляков, погибших в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, во многих селах и деревнях района воздвигнуты памятники-обелиски. В числе первых они были установлены в Батаме, Ухтуе, Баргаде и Ново-Летниках.

В связи с подготовкой к пятидесятилетию Победы заметно оживили свою работу Зиминский городской и районный Советы ветеранов войны и труда, которые возглавляют Владимир Петрович Комаров и Николай Сергеевич Сергеев. Они постоянно оказывают ветеранам войны и труда материальную и социальную помощь, решают вопросы улучшения жилищно-бытовых условий и приобщения их к посильному общественно полезному труду. Ветераны же не теряют связи с молодежью, часто встречаются со школьниками, выступают в трудовых коллективах с воспоминаниями о прошедшей войне. А как важен их жизненный опыт в воспитании детей, подростков, в разрешении семейных конфликтов, в особенностях молодых семей!

Много дел и забот также у председателя общества инвалидов войны и труда, бывшего фронтовика Ивана Марковича Васько и его членов правления.

В издании книги «Память», в которую занесены сотни погибших воинов-зиминцев, активно участвовали члены поисковой группы Гавриил Михайлович Шипицын, Михаил Михайлович Дворянский, Анна Тимофеевна Де-

Председатель правления городского общества инвалидов войны и труда Иван Маркович Васько.

нисова, Адия Ивановна Василенко, Дмитрий Илларионович Бездумный, Валентина Филипповна Кофун, Иван Герасимович Гришин и Екатерина Викентьевна Розова.

В июне 1992 года правление Советского фонда Мира наградило Зиминский городской Совет ветеранов войны и труда Почетной грамотой «За активное участие в деятельности фонда и большой вклад в укрепление мира и интернациональной солидарности».

«ЗИМА — КАК МОСКВА, НО ЧУТЬ ПОМЕНЬШЕ...»

Наш земляк, летчик-испытатель первых реактивных самолетов Алексей Гринчик искренне любил свой город и очень гордился им.

— Ты кто по национальности? — спросили как-то его в своем кругу товарищи.

— Сибиряк, — ответил он. И далее сказал, что родом он из сибирского города Зимы.

— Но ведь о таком городе мы даже не слышали, — возразили они ему.

— Зимы не знаете? — удивленно ответил он, грозно сдвинув при этом свои красивые брови. — Зима — это как Москва, но чуть поменьше. И на карте она есть...

Но тут один из бывалых летчиков возразил:

— Несколько домиков у железной дороги да пристанционная водокачка. Вот и вся твоя Зима. Пролетали. Видели.

— Зато водокачка-то какая. Высоченная! Что твой дворец, — весело ответил, не давая в обиду своей родной город, Алексей Гринчик.

Действительно, внушительными по тем временам каменными зданиями и сооружениями, кроме водонапорной башни, только были госбанк, паровозное депо, железнодорожный клуб (ныне Дом культуры им. Гринчика) да разрушенная в 30-х годах почти наполовину Старозиминская Троице-Иннокентьевская церковь.

Хотя многие десятилетия Зима оставалась полностью деревянной, многие ее улицы выглядели довольно чистыми и опрятными. И в особенности с приходом к ру-

В швейном цехе Зиминской швейной фабрики. На переднем плане лучшая швея Галина Редькина. Фото Г. Позднякова.

ководству городским Советом бывшего директора хлебозавода Виталия Николаевича Порцига, по инициативе которого по улицам были проложены деревянные тротуары и началось массовое озеленение. Предпочтение отдавалось серебристому тополю, дикой яблоне и акации. Снабжал зиминцев саженцами заложенный на северо-западной окраине города плодово-ягодный питомник, директором которого был Семен Иванович Аникин. Это по его инициативе перед весенними лесопосадками стали проводиться месячные курсы-занятия с садоводами-любителями и домовладельцами.

И в довоенные, и в первые послевоенные годы население города оставалось практически на одном уровне — в пределах 30—35 тысяч жителей. Да и были они в основном коренными зиминцами, абсолютное большинство которых знали друг друга в лицо. А потому даже о небольшом преступлении вскоре узнавали все горожане. Не потому ли, скажем, в городе был только один судья, один прокурор без всяких помощников и всего человек тридцать милиционеров. Так, в 40-е годы в рабочем городке лесозавода и поселке Братская Протока со своими обязанностями успешно справлялись один участковый милиционер Рекунов и его помощник Бойцов, проживавший на Братской Протоке.

Из промышленных предприятий наиболее крупными были лесозавод, сплавная контора, паровозное депо, ва-

гоноремонтный пункт, райпищекомбинат, пункт «Заготзерно», хлебозавод, а также паровая и водяная мельницы, расположенные у пересечения речки Ухтуйки Московским трактом. От этих мельниц сегодня не осталось даже следа. Сам же Ухтуйский пруд многие десятилетия, как, впрочем, и живописнейшая Березовая роща, расположенная на месте нынешнего парка Победы, были любимыми местами отдыха горожан. В Ухтуйском пруду водилось несметное множество гольянов и карасей, которых рыбаки-любители в дни икромета ловили в прибрежных камышах... руками.

Строительство каменных зданий, промышленных объектов началось с 50-х годов, когда в конце 1949 года в Зиме получил прописку прорабский участок Тулунского СМУ треста «Гидролизпромстрой», преобразованный через год в зиминское СМУ. Его первым начальником был Федор Тимофеевич Горин, которого вскоре сменил более опытный в строительном деле руководитель Александр Анатольевич Симоненко.

Первые годы становления строительно-монтажного управления были особенно трудными. Не хватало квалифицированных кадров строителей, землеройной и сваебойной техники. Тем не менее через три года в конце улицы Садовой вырос довольно благоустроенный жилой поселок «Строитель I», центр которого в 1953 году украсила типовая средняя школа № 5. Здесь же потом один за другим появляются баня, детсад-ясли, магазин и другие учреждения и социально-бытовые объекты.

Одновременно ускоренными темпами ведется сооружение гидролизного завода, Иркутской ТЭЦ-3, увеличиваются мощности ремонтно-механических мастерских.

В феврале 1964 года на базе Зиминского СМУ создается трест «Зимацелинстрой», в который вошли завод ЖБИ, СМУ-4 и Черемховское СМУ треста «Черемховошахтострой», Балаганское СМУ, автоколонна № 2 Тулунской автобазы № 5, две автобазы треста «Иркутскцелинстрой» и Зиминское СМУ. Управляющим трестом вскоре был назначен опытный инженер-строитель Павел Иванович Филиппенко. Однако дольше других в городе возглавляли коллектив зиминских строителей Петр Степанович Пинайкин, Дмитрий Иванович Нелень и самый молодой из руководителей Александр Васильевич Попынов. Сейчас он руководит сельским строительным комбинатом, созданным несколько лет тому назад на базе существовавшего в Зиме треста «Иркутсксельстрой».

Как видим, немалый объем строительно-монтажных работ выполнялся и на селе.

А 1961 год стал для зиминцев, и в особенности для строителей, поистине историческим. Так, 1 января районная газета «Знамя труда» под крупным заголовком на первой странице «Зиминский спирт есть!» сообщала своим читателям: «Вчера, в конце рабочего дня была получена первая партия технического спирта!

— Пуск гидролизного завода, — сказал на состоявшемся по этому случаю митинге начальник СМУ А. А. Симоненко, — это победа всех наших строителей и монтажников стройки. За время ее сооружения ими было уложено 28 миллионов штук кирпича, свыше 10 миллионов железобетонных изделий и конструкций и очень много других строительных материалов!

В сентябре этого же года введена была в эксплуатацию первая очередь Иркутской ТЭЦ-3.

Разумеется, пуск в постоянную эксплуатацию таких крупных и весьма сложных в техническом отношении промышленных предприятий не обошелся без помощи опытных и ведущих специалистов из Иркутска, других городов страны. Так, на гидролизном заводе в первой варке для получения полу продукта — спирта-гидролизата — самое активное участие принимал лучший варщик Бирюсинского гидролизного завода И. И. Вержинскас.

Все зиминцы знают, что основным сырьем для него служат отходы лесопиления и лесозаготовок, а также древесные опилки и техническая щепа. Если учесть, что из одной тонны зерна вырабатывается в среднем 260—270 литров гидролизного спирта, из тонны картофеля — 100—117, а из одной тонны абсолютно сухой древесины — 170—200 литров, то становится ясно, что использование древесных отходов для получения технического спирта, кормовых дрожжей и фурфурола является выгодным во всех отношениях. В 1961 году началось также сооружение на северной окраине города завода железобетонных изделий. Возглавил его строительство молодой инженер Зиминского СМУ Иван Антуфеев. В начале 70-х годов для облегчения железобетонных конструкций в качестве заполнителя стал применяться керамзитовый гравий, сырьем для которого служила пластическая глина из Услонского карьера. Керамзитобетонные конструкции не только значительно легче обычных по весу, но и отличаются лучшей теплоизоляцией, что особенно важно в наших суровых сибирских условиях.

Цех керамзитового гравия вскоре стал одним из ведущих, а его товарная продукция стала пользоваться большим спросом у строителей.

К сожалению, создание в Зиме довольно мощной базы стройиндустрии почти не ускорило сдачу промышленных предприятий и различных объектов в строй действующих. Именно в таком «долгострое» оказалась и Зиминская птицефабрика, которая была сдана в эксплуатацию, и то с крупными недоделками, лишь в мае 1965 года. Ее молодому коллективу на первых порах пришлось преодолевать немало трудностей, работая при постоянной реконструкции производственных цехов и других важных объектов, включая перевод промышленного стада птицы с напольного на клеточное содержание.

В том, что в наше трудное и непростое для выживания время на прилавках зиминских магазинов всегда имеется в свободной продаже яйцо и куриное мясо, — большая заслуга первых производителей этих продуктов, обеспечивших устойчивую и ритмичную работу птицефабрики. И прежде всего главного зоотехника В. Е. Тетерина, инженера по оборудованию Б. И. Тупицына, главного ветврача Г. С. Франтенко, зоотехника Тамары Минич, птичниц маточного цеха Валентины Редько, Александры Глухих, Ольги Шашутиной, птичниц промышленного стада Полины Тюниной и Анны Галактионовой, работников кормоцеха Лидии Неводничевой, Евфросинии Сорошиной и Альбины Грязновой. Кстати, некоторые из них и по сей день успешно трудятся на этом передовом в городе предприятии.

Комплексная переработка древесины с максимальным использованием ее отходов десятилетиями находилась в Зиминском районе в самом зачаточном состоянии. Не был решен этот вопрос и с пуском в эксплуатацию крупнейшего в нашей области гидролизного завода. Вот почему с весны 1963 года на левом берегу Оки по соседству с Иркутской ТЭЦ-3 началось строительство еще одного предприятия лесохимии — Зиминского канифольно-экстракционного завода.

К великому сожалению, строители Зиминского СМУ горячо взялись, да быстро остывли. И даже по истечении пяти лет о каком-либо пуске завода в эксплуатацию не могло быть и речи. Основной причиной плохого освоения как капитальных вложений, так и выполнения плана строительно-монтажных работ было то, что СМУ распылило свои силы по многочисленным объектам, а

возведение канифольно-экстракционного завода считало второстепенным делом. К тому же, из-за плохого качества сборного железобетона, изготовленного заводом ЖБИ, возникла необходимость дополнительно усиливать стыки колонн первого и второго ярусов главного корпуса.

Да, Зиминский канифольно-экстракционный завод строился почти 11 лет. И только в середине декабря 1974 года была получена его первая товарная продукция. В «Приокской правде» за 19 декабря ее многочисленные читатели прочли репортаж Виктора Галичина под броским заголовком «Пошла канифоль!».

«Да, наконец-то канифоль пошла. Ее пытаются, даже горячую, пощупать, набрать в пробирки, бутылочки, баночки — на память. На добрую память о самом молодом промышленном предприятии города.

В цехе, где получена первая канифоль, многолюдно... Все радостно возбуждены, на лицах сияют улыбки. Люди оживленно переговариваются друг с другом, но самый счастливый, наверно, наладчик Александр Желтовский, открывший краник и пустивший первую продукцию.

Идет канифоль. К установке ее разлива подъезжает электрокар с барабаном емкостью в 100 литров, в который зальется промышленная продукция, и первые килограммы отправятся на склад. Честь подогнать первый электрокар предоставлена механику транспортного цеха А. М. Бовкуну.

Несколько минутами раньше мы прошли по цехам вместе с главным технологом канифольно-экстракционного цеха Валентиной Егоровной Алешечкиной и начальником ОТК завода Галиной Ивановной Клейн. Они подробно рассказали обо всем технологическом процессе получения канифоли из пневмического осмоля.

...Галина Ивановна показывает образцы канифоли, полученной в Братске. Темные, неосвещенные. В Зиме же будут получать освещенную, которая по своим качествам будет превосходить другие виды канифоли, получаемые уже действующими заводами. Зиминская канифоль найдет более широкое применение в народном хозяйстве.

— Какова мощность завода?

— Наш завод, — говорит главный инженер С. М. Клейн, — будет производить, согласно проекту, 7300 тонн канифоли в год.

...Новое, блестящее краской оборудование. В цехах

Игровая площадка детсада-яслей № 67 «Родничок» в поселке железнодорожников по улице Лазо.

чистота, порядок, уют. На рабочих местах трудятся люди, умело и четко выполняя свои обязанности».

Пошла канифоль — ценнейшая продукция для многих отраслей народного хозяйства. Она найдет применение в бумажной, электротехнической и радиотехнической, лакокрасочной и мыловаренной промышленности. Пошла канифоль, и это была сегодня для землянцев новость номер один.

Сооружение и пуск крупных промышленных предприятий, а также дальнейшее развитие железнодорожного узла подтолкнуло к скорейшему строительству в городе не только жилья, но и школ, детских садов-яслей, магазинов, объектов культурно-бытового и медицинского обслуживания населения.

К сожалению, по непонятным для землянцев причинам, новое строительство велось в основном на окраине. Таким образом, возникали новые микрорайоны, что не соответствовало генеральному плану застройки и дальнейшего развития Зимы. Даже на главной улице имени Ленина за последние 20 лет было возведено только два пятиэтажных жилых дома и несколько административных зданий, в том числе объединения «Зиминсклес», бывшего горкома партии, горрайисполкомов да магазина «Комфорт» с конторой Зимторга на его втором этаже. А почему бы, скажем, не застраивать ее крупнопанельными или многоквартирными кирпичными домами, как

это было сделано в Нижнеудинске, Тулуне, да и в других городах нашей области. Вообще вся центральная часть города с ее ветхим жилым фондом и деревянными строениями почти столетней давности представляет на сегодняшний день унылую и невзрачную картину.

Значительно лучше на этом фоне выглядит поселок железнодорожников, где центральная улица Лазо уже который год застраивается Мостопоездом № 5 только пятиэтажными домами. А в 1991 году почти напротив Дома культуры железнодорожников им. Гринчика было воздвигнуто, пожалуй, самое красивое по архитектуре общежитие СПТУ-6.

Здесь же, на улице Кирова и привокзальной площади, на месте старых деревянных построек конца XIX века высится здания дистанции сигнализации и связи, дистанции службы пути, гражданских сооружений, конторы станции Зима и учебный корпус профтехучилища № 6. Домами повышенной этажности застраиваются также улицы Садовая, 1-я Трактовая, Ангарская, Луговая.

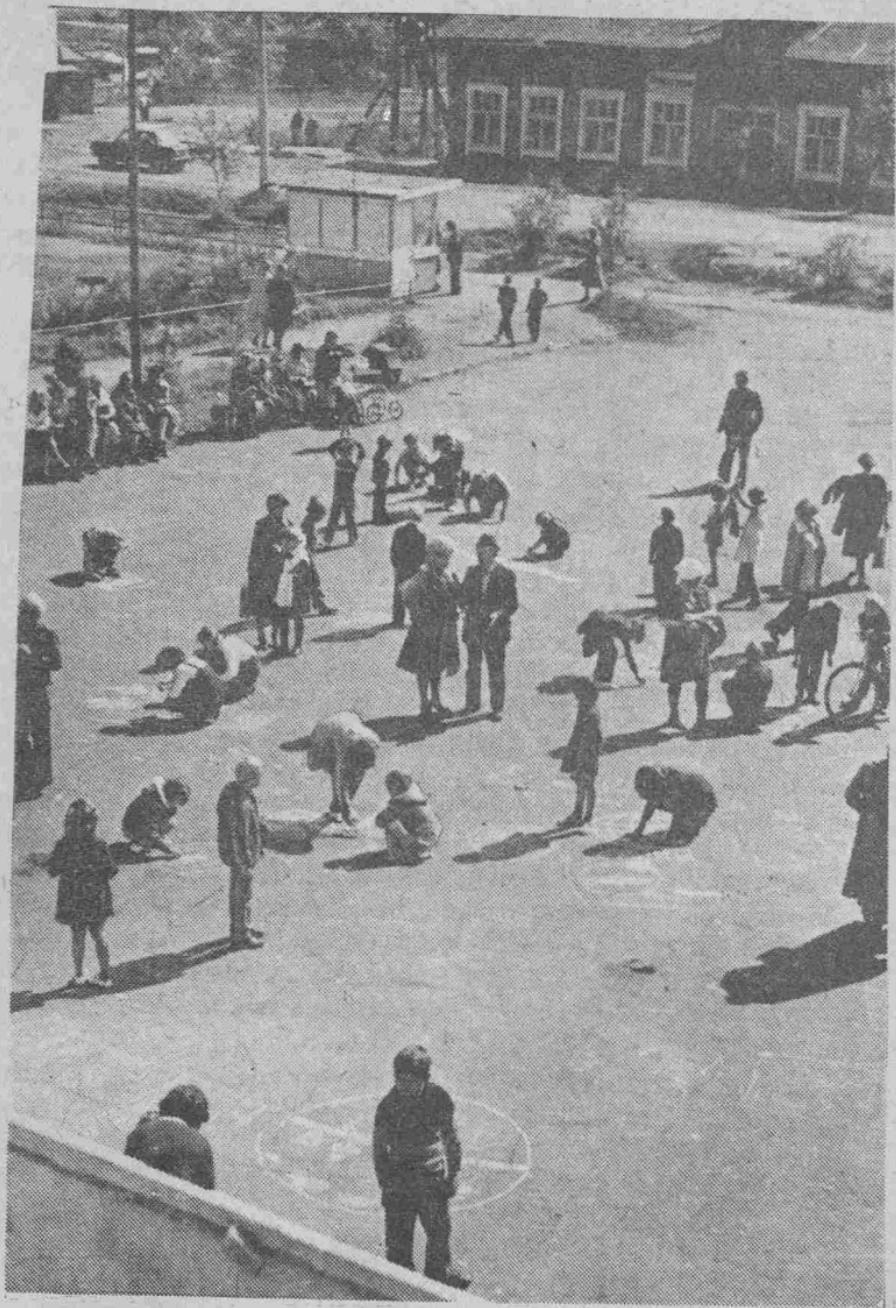
Еще раньше этим же Мостопоездом № 5 в городе были построены здания редакции и типографии газеты «Приокская правда», специализированные магазины «Маяк», «Уют», «Детский мир», а в поселке «Строитель I» — больничный комплекс с поликлиникой и ряд других важных объектов.

Надо сказать, что добрую память о себе остались строители СМП-175, которые в ноябре 1963 года сдали в эксплуатацию широкозеркальный кинотеатр «Россия» на 500 мест. А примерно через год на улице Октябрьской вступают в строй новые корпуса Зиминской швейной фабрики и комбината бытового обслуживания, средние школы № 6, 7, 8, 10 и школа-интернат № 22 на улице Березовского.

С каждым годом растет и благоустраивается поселок Строитель II, что расположен в районе Ухтуйского пруда. В нем есть теперь начальная школа, детсад «Орленок», несколько магазинов, филиал городской поликлиники, библиотека, аптека, столовая и другие необходимые для населения этого микрорайона учреждения и объекты.

Зима — город в общем-то небольшой. Поэтому все изъяны и бракодельство в строительстве всегда видны даже невооруженным глазом.

Старожилы Зимы хорошо помнят, как в начале 60-х годов напротив кинотеатра «Россия» в довольно корот-

Конкурс юных художников «Рисунки на асфальте» на одной из площадей города. Фото Г. Позднякова.

кий срок было возведено красивое двухэтажное здание городской гостиницы на 50 с лишним номеров. Помнят и торжественную церемонию с разрезанием алой ленты у парадного подъезда. Однако гостиница так и не приняла на временное проживание ни единого человека: вскоре после такого большого торжества на здании одна за другой стали образовываться большие трещины. Вывод и заключение были однозначными: некачественная закладка строителями ленточного фундамента, угодившего к тому же на жидкий грунт — плавун. Надо было что-то предпринимать для усиления его прочности, а значит, и для сохранения самого здания. Стали опоясывать его по всему периметру металлическими хомутами и другими приспособлениями. Чтобы предотвратить дальнейшее разрушение самого фундамента, кто-то предложил залить под него в расплавленном виде... жидкое стекло. Однако от такого дорогостоящего метода сразу же пришлось отказаться:

И все-таки выход был найден, хотя и через пару лет. Чтобы новая гостиница не мозолила зиминцам глаза, ее было решено окончательно доразрушить с помощью бульдозеров и другой мощной техники. А потому к осени 1965 года на ее месте оказалась огромнейшая куча искореженной арматуры, труб, батарей да битого кирпича.

И что удивительно, за такое вопиющее безобразие и нанесенный государству огромнейший ущерб руководители Зиминского СМУ отделались лишь легким испугом. Не больше.

А вот совсем свежий пример бракодельства в капитальном строительстве, и тоже в основном при закладке фундамента четырехэтажного жилого дома на углу улиц Октябрьской и Тургенева, что в самом центре города. Не прошло и двух десятков лет после пуска его в эксплуатацию, как жильцы с тревогой стали замечать, что сей дом на глазах стал давать трещины, а года два тому назад на его третьем этаже обвалился балкон, и только чудом вышедшие на него подышать свежим воздухом хозяева и гости оказались поверх обломков, а потому отделались лишь травмами да ушибами. Но люди из-за отсутствия жилья продолжали в нем жить. И только совсем недавно, когда дом окончательно начало корежить, словно под толчками сильнейшего землетрясения, жильцы вынуждены были эвакуироваться кто куда.

Но если «красовавшуюся» многие годы на улице Ленина горкомхозовскую гостиницу доразрушали мощнейшими бульдозерами и скреперами, то для разборки полуразрушенного жилого дома этой техники будет явно недостаточно. Значит, для этого вновь потребуются немалые средства, которых бы наверняка хватило для возведения еще одного жилого дома.

Прямых же виновников такого головотяпства, приведшего к исключению из жилищного фонда города сразу пятидесяти квартир, искать, теперь, конечно, бесполезно.

Конечно, ломать — не строить. Однако это бывает не всегда так. К примеру, построенную почти 100 лет тому назад железнодорожную баню, которую зиминская дистанция гражданских сооружений наотрез отказалась ремонтировать якобы из-за изношности оборудования, уже который год не могут окончательно доразрушить. Настолько прочны сложенные из камня и кирпича ее монолитные стены. Не помогают здесь и бульдозеры.

— А почему бы, как было обещано раньше, эту баню не отремонтировать? — справедливо возмущаются зиминцы, которым теперь приходится мотаться в разные концы города, чтобы только помыться.

По-разному складываются у людей понятия о своей родине. Но почти у каждого из нас родина начинается с дома, в котором родился, затем с улицы, на которую впервые тебя вынесла мать, с села, поселка, города, в котором ты почувствовал себя гражданином общества. Не потому ли у многих, многих тысяч зиминцев родина начинается с Зимы.

Да, я действительно приехал
Опять набраться сил в Зиму.
Нет, не найду я края лучше,
Пока живу на свете я.
Ее земля, вода и люди —
Моя душа и плоть моя...

Так отзывался о своем городе наш земляк поэт Евгений Александрович Евтушенко.

О своей далекой молодости, связанной с Зимой, почти через полвека вспоминает бывший комсомольский работник двадцатых годов Михаил Моценок.

В первом номере альманаха «Ангара» за 1969 год он делится своими воспоминаниями об организации уездной комсомольской ячейки в Зиме в статье «В буче кипучей», которая начинается со слов:

Настоятель Свято-Никольской церкви города отец Николай на одном из занятий в школе.

«Зима! Станция, депо, заводской участок, лесозавод на Оке и маленький одноэтажный городишко, где самое высокое сооружение — пожарная каланча... Собственно, Зиминская организация и представляется ячейкой РКСМ при пожарной части. Других предприятий нет. Комсомольцы депо и станции подчиняются непосредственно Укому... Уезд большой, трудный...»

А сколько таких добрых воспоминаний о своем родном городе поступает в редакцию «Приокской правды» — не счесть! Вот письмо Лидии Серенко:

«Я — зиминка. Однако волею судьбы оказалась в городе Куйбышеве. Часто вспоминаю родной город Зиму. И так захотелось в минуты грусти и воспоминаний написать о нем свое первое, идущее от чистого сердца стихотворение.

Вдали от родной Зимы

Где-то заснеженный город стоит,
Сердце о нем все грустит да грустит,
Тысячи верст в тот город пути,
Хочется мне в тот город войти.

Слышится мне голос пурги,
Дали исчезли, не видно ни зги.
Чудится мне: за снежной стеной

Рядом — мой город, мой город родной.

Море безбрежное хвойных лесов.
Может быть, грезы, а может быть, сон:
Вышла из леса сказка сама,
Сказочным кажется город Зима.

Город стоит у замерзшей Оки,
Ярко повсюду горят огоньки,
Белые шали надели дома,
Ждет меня в гости родная Зима!

Да, наш город в общем-то небольшой. За два с половиной века он так и не достиг даже 50-тысячного населения. Однако в нем есть все, как и в любом городе: предприятия пищевой и легкой промышленности, из которых горпищекомбинат и швейная фабрика областного значения, учреждения социального обеспечения и здравоохранения, торговли и общественного питания, охраны природы и бытового обслуживания, коммунальная и санитарно-эпидемиологическая службы, пожарная часть, типография газеты «Приокская правда».

Семь маршрутов пассажирского автобусного сообщения связывают райцентр со всеми крупными и средними сельскими населенными пунктами. С Саянском же два автобусных маршрута: от городской автостанции и от железнодорожного вокзала. Пассажирские автобусы Саянского АТП ходят настолько строго по расписанию, что по ним можно сверять даже часы.

Из учебных заведений имеется 11 школ, 2 профессионально-технических училища, из которых Зиминское СПТУ-6 (железнодорожное) одно из старейших в области, детские музыкальная и художественная школы.

Из культурно-просветительных учреждений следует прежде всего отметить Дом культуры железнодорожников им. Гринчика, городской ДК «Горизонт». Их музыкально-духовые оркестры, хоровые капеллы и танцевальные группы хорошо знают зиминцы. Широкоэкранный кинотеатр «Россия», кинотеатр «Ока» (в Зиме II) не бывают пустыми.

Есть у нас городская и детская библиотеки и три их филиала в наиболее отдаленных микрорайонах города. Заведующие городским и районными отделами культуры Софья Харькина и Валентина Макарова много внимания уделяют развитию культуры в районе, возрождению и сохранению лучших национальных традиций и народных обрядов.

В районе стало доброй традицией проводить празд-

Идет репетиция участников ансамбля «Емра» в сельском доме культуры в Ново-Летниках. Фото Г. Позднякова.

ники и «Дни малого села» под названием «У родного порога», которые уже прошли в Подгорной, Норах, Перевозе, а в конце 1992 года состоялись в Услоне, Хазане, Сологубово и Верх-Зиме. Работа по возрождению народных ремесел и прикладного искусства далекой старины, включая вышивание, вязание ковров, половиков и выполнение простейших ткацких работ на домашнем станке — кроснах, наиболее успешно проводится в Центральном Хазане и Батаме. Здесь же много лет выступает на клубных сценах района украинский народный ансамбль «Колына», имеющий в своем репертуаре немало обрядовых, русских народных и украинских песен. В сентябре 1991 года этому ансамблю было присвоено звание народного. Его первыми организаторами были Мария Федоровна Камурина, Нина Антоновна Тимакина, Галина Кирилловна Дронова и уже ушедшая из жизни Анна Павловна Мельничук.

«Емра» — чувашский народный ансамбль — хорошо известен не только в Ново-Летниках, где он возник, но и во многих селах Зиминского района. В 1991 году на прошедшем фестивале культуры «Чувашская жемчужина» в Чебоксарах он представлял Иркутскую область и стал лауреатом фестиваля.

Сейчас в ансамбле «Емра» 16 человек, среди них учитель физкультуры здешней школы Михаил Алексеевич Никитин, пенсионерка Лидия Андреевна Дельцова и 68-летняя Любовь Андреевна Иванова.

Уже тридцать лет существует этот коллектив. И очень отрадно, что быстро подрастает у чувашской «Емры»

Руководитель чuvашского хорового ансамбля «Емра» Антонина Николаевна Журавлева.

молодая поросль. Недавно бессменный ее руководитель Антонина Николаевна Журавлева, приехавшая в Ново-Летники из Чебоксар в начале 50-х годов, после окон-

чания педучилища, организовала детскую группу ансамбля, и 11—12-летние ребятишки уже знают немало русских и чувашских песен.

Очень правильно рассуждает директор сельского клуба из Ново-Летников В. Семян: — Ухватившись за дредво «Емры», можно вытянуть из бездны забвения и багатейший чувашский эпос, известный своими родниками духовной культуры.

Ведь все большое, как известно, начинается с малого. Взять хотя бы сценические наряды женского состава ансамбля. У некоторых его участниц старинная одежда, украшения переходят из поколения в поколения. Так, серебряное монисто А. Н. Журавлевой досталось ей по

Вадим Николаевич Миргородский, бывший директор Зиминского хлебоприемного предприятия — неоднократный участник выставок самодеятельного искусства. Фото А. Бухарова.

наследству от прабабушки. Составляющие ожерелье сребряные монеты — чеканки XIX—начала XX в. Значит, живы еще народная память и традиции предков, коль берегут и лелеют их в старинных сундуках!

Возрождается и уже дает о себе знать «Хор русской песни» в старинном Кимильтее, руководимый Раисой Крюковой, фольклорный женский ансамбль «Родничок» в Филипповске и такой же ансамбль «Черемушка» в пригородном селе Самара.

Нет, не перевелись еще в Зиминском районе талантливые исполнители, почитатели глубокой старины, любители самодеятельного искусства и народного творчества!

МОЯ РОДИНА САМАЯ, САМАЯ...

Многим старожилам Зимы хорошо известно имя Юрия Викторовича Маякова. Опытный журналист, он долгое время возглавлял редакционный коллектив зиминской районной газеты «Приокская правда». Позже работал в Иркутске — в кино, на телевидении, в газетах. Его перу принадлежат несколько книг, из них наиболее известная читателям-сибирякам «На Восточных рубежах». Книга эта о воинах-забайкальцах, несших суровую службу в условиях военного времени, когда постоянно висела угроза вторжения союзницы фашистской Германии — Японии. Служивший в те годы офицером-артиллеристом, Ю. В. Маяков участвовал в разгроме квантунской армии и свои личные впечатления, переживания он изложил в этой, уже давно исчезнувшей с прилавков магазинов книге.

Сейчас Юрий Викторович член пресс-центра областного Совета ветеранов войны, труда и вооруженных сил и активный внештатный корреспондент «Восточно-Сибирской правды», «Народной газеты».

Самую тесную связь поддерживает он и с «Приокской правдой», печатая в ней свои воспоминания о встречах с знатными земляками и выдающимися личностями своего времени, рассказывая об истории своего родного города. Они несомненно представляют интерес и для читателей данной книги. Вот их краткое изложение.

У каждого из нас, живущих на земле, есть своя малая родина: деревня, поселок, город. И каждому, безусловно, кажется, что именно она и есть самая, самая...

Моя родина — станция Зима. И хотя за свою историю она была и селом, и городом, но в дни моего детства официально именовалась: «Станция Зима». Мне особенно и доказывать-то не надо, что моя родина «самая, самая», потому что ее биографии могут позавидовать и более солидные города и веси. Достаточно назвать несколько имен из далекого прошлого Зимы, чтимых и поныне. Достаточно назвать и тех, кто в разные времена прославил свою родину далеко за пределами Сибири.

Теперь из архивных документов мы знаем, что в годы первой русской революции станция Зима в жандармских донесениях фигурировала наряду с такими революционными центрами Сибири, как Томск, Красноярск, Иркутск, Чита. Надо ли этому удивляться, если зиминских железнодорожников сплачивал член стачечного комитета Л. И. Проминский — воспитанник В. И. Ленина во время его трехлетней Шущенской ссылки, а с окрестными крестьянами работал сельский врач Н. А. Алексеев — соратник Владимира Ильича по лондонской эмиграции!

В Зиме начали свой революционный и боевой путь писатели Ф. А. Березовский и И. М. Новокшонов. Первый был председателем стачечного комитета на станции Зима в 1905 году, второй — возглавлял партизанское движение в 1920-м.

В 1932 году в Москве вышла книга «Станция Зима», которую написали 200 ударников зиминского депо о том, как они, несмотря на разруху, организовали возжение ударных поездов. После опубликования этот опыт был подхвачен и рекомендован всем дорогам Советского Союза. А спустя 25 лет, опять же в Москве, вышла поэма «Станция Зима» известного теперь всей стране зиминца Е. Евтушенко.

В годы Отечественной войны тысячи зиминцев защищали Родину, 11 из них присвоено звание Героя Советского Союза. Мы гордимся своим земляком А. Н. Гринчиком — талантливым инженером-конструктором, летчиком-испытателем первых реактивных самолетов. Это был своего рода космонавт 40-х годов. О нем написаны книги, созданы фильмы.

В 60-х годах мирное небо нашей Родины было нарушено американским летчиком шпионом Пауэрсом. Именно зиминец, бывший помощник машиниста депо, сержант-ракетчик В. Федоров сбил на 20-километровой вы-

соте материого шпиона. Да мало ли можно назвать имен и событий, которые никогда не иссякнут из памяти моих земляков!

Все мы в неоплатном долгу перед своей малой родиной. Словно птицы из гнезда, разлетаемся, оперившись, по белу свету. И редко возвращаемся в родные края, а то и не возвращаемся вовсе.

Жизнь есть жизнь: многое в ней планируешь, да не все сбывается, а память о родных краях остается на всю жизнь. И на склоне лет все больше и настойчивее преследует мысль: что ты сделал для своего села, поселка, города, что передал другим о его свершениях и заботах? Чтобы быть истинными патриотами родного края, ныне живущие должны знать: как было до них, что из прошлого достойно восхищения и подражания, а что заслуживает осуждения.

За свою жизнь мне дважды доводилось возвращаться в Зиму и подолгу трудиться в качестве журналиста и партийного работника, ну и, конечно, общественника. Вместе с земляками что-то успел сделать для благополучия родного города, что-то сумел рассказать о его знаменитых и не совсем знаменитых людях. Но в большей степени и не успел, и не сумел....

Все, о чем хочу сейчас рассказать, основано на личных впечатлениях о событиях минувших, участником и очевидцем которых был сам, на рассказах бывалых людей, которых знал близко, на документальных источниках и архивных документах различных лет. Многое из рассказанного известно моим землякам, кое-что узнают впервые.

В былые времена бояре, позднее — дворяне почитали далеких предков, ревниво следили за основанием и развитием своего рода, необычайно им гордились и даже кичились. Простой люд тоже сохранял семейные предания, но письменно, в силу своей неграмотности, закрепить не мог, и потому передавались они устно от поколения к поколению, претерпевая изменения, а то и утрачивая вовсе их первозданность. К сожалению, и сегодня наши познания семейных преданий и традиций простираются не далее бабушек и дедушек, да и то... Мы вспоминаем рассказы бабушек, когда уже сами становимся дедушками. И как много от этого теряем...

Мои деды и прадеды — коренные сибиряки и зиминцы. Но они так и не получили в те далекие годы точного ответа: почему же их родину нарекли Зимой? При-

чем на этот счет существует несколько легенд, преданий и вообще объяснений. Я же со своей стороны считаю, что название «Зима» — чисто русского происхождения, тем более, что в окружении нашего города, за исключением небольшой деревушки Норы, нет больше бурятских поселений. Но оно находится неподалеку от реки Оки, а не Зимы, и возникло значительно позднее.

Поскольку первые поселенцы, видимо, не были служилыми, «казенными» людьми, а вольными казаками, то и основали они не острог, а зимовье, что по толковому словарю русского языка, означает «место, помещение, где зимуют люди».

Известно, что Московский тракт, соединивший Екатеринбург с Иркутском, прошел через Зиму в 1772 году. В 1790 году А. Н. Радищев уже называет Зиму деревней, причем, расположенной за Окой, а селение-то (ныне Зима-II) возникло на реке Зиме. Стало быть, разница в десяток километров — вот как разрослось зимовье! Значит, возникло оно задолго до строительства Великого тракта, проложенного от Москвы вначале до Иркутска, позднее — до Якутска. Как и все тракты, он был «однопуткой», но движение на нем совершилось двустороннее: из Сибири — пушнина и драгоценные металлы, в Сибирь — каторжники и ссыльные.

Так далекие предки зимицев стали участниками и очевидцами двух величайших событий в истории феодальной России: освоения Восточной Сибири и строительства небывалого по протяженности Московского тракта. Богатейший природный край на целых полтора столетия превратился в край каторги и ссылки. Кого только не повидала Зима! Через нее прошли А. Н. Радищев и Н. Г. Чернышевский, декабристы и петрашевцы, польские повстанцы и народники, социал-демократы и большевики-ленинцы. Многие из них бежали из царских застенков, да не все прошли через Зиму обратно.

Царизм дал этим людям клички «государственный преступник» и «бродяга», а народ слагал о них песни, которые и по сей день с любовью распевают в Сибири. История не сохранила имен зимицев той поры, боровшихся с царизмом. Но одно несомненно — они были на стороне борцов.

Еще в детстве я видел в Старой Зиме срубленные «в крест» и «в лапу» деревенские избы, а в бревенчатых сенях непременно маленько оконце. Зачем оно? И света вроде пропускает немного, в стужу через него про-

никает холод. Старики пояснили: на ночь хозяйки выставляли в них топленое или мороженое молоко, кисет с табаком, кусок дичи или краюху хлеба для беглых каторжан и ссыльных. Беглецы это знали, иначе бы им не сдюжить. Теперь понятнее слова одной из популярных песен: «Шел я и в ночь, и средь белого дня, близ городов, озираясь зорко. Хлебом кормили крестьянки меня, парни снабжали махоркой».

Бесследно ушли, канули в Лету большие и малые дела наших земляков в эпоху трудной и по-своему романтичной истории феодальной России. На пороге стоял новый век зарождающегося капитализма. Началось строительство Транссибирской железнодорожной магистрали— Великого Сибирского пути. В его сооружении жители Зимы принимали непосредственное участие. Появился рабочий класс, а вместе с ним — революционное движение. Вот когда проявился в полную меру свободолюбивый характер зиминцев, унаследованный ими от далеких предков, сохраненный и преумноженный.

Об этом времени мы знаем гораздо больше, потому что оно на памяти наших дедов и отцов, подтверждено документально. Среди участников событий тех лет есть имена людей, которыми вправе гордиться не только Зима, но и Сибирь и в целом Россия.

В 1898 году пришел в Иркутск первый поезд. К этому времени село Зима сдвинулось к западу на целых пять километров. И строения ее стали иными. Вместо деревенских изб строятся многоквартирные дома городского типа и впервые появились два двухэтажных. Так возникла станция Зима. Но еще много-много лет существовал огромный пустырь, отделяющий станцию от села, которое стали звать Старой Зимой. И лишь в конце пятидесятых годов он был застроен, все строения затем слились в единый город, и село стало пригородом, Зимой второй.

Однажды мой старый учитель, проработавший всю жизнь в железнодорожной школе, Владимир Андреевич Кроль показал мне несколько любительских фотографий строительства Великого Сибирского пути. Оборванные, исхудавшие люди с кирками, лопатами, оглоблями-рычагами, тачками создавали великолепное сооружение, называемое железной дорогой. Здесь же сооружались блокпосты (будущие разъезды и станции), водонапорные башни с четырехгранными кирзовыми трубами, мосты с ажурными фермами.

Снимки принадлежали его соседу, инженеру-путейцу, внезапно исчезнувшему из Зимы. Почему? Владимир Андреевич тогда не знал, а лишь догадывался. Видимо, надо было исчезнуть из поля зрения царской охранки. Он пользовался уважением рабочих. Об этом говорит такой факт. У инженера была маленькая дочка Аня, она ходила с отцом на строительство и укладку путей. Рабочие к ней привязались и звали на сибирский манер — Нюрой. Вскоре девочка простудилась и умерла. В память о ней рабочие назвали сооруженный блок-пост Нюрой. Затем здесь вырос разъезд, позднее и станция.

По сей день существует станция Нюра, а следом за ней станция по имени Шуба. Когда поезд движется с запада на восток, бывалые пассажиры шутят: «Нюра, надевай Шубу — скоро будет Зима». На обратном пути объявляют: «Зима прошла. Шубу снимай, Нюра». Это еще раз как бы подтверждает мысль: морозы в этих краях лютые, потому и названия соответствующие — Шуба, Зима. Значит, наименование «Зима» — все-таки чисто русское.

Как это часто бывает, вчерашние строители стали эксплуатационниками. На станции появились свои мастеровые в депо, паровозники, кондукторы, стрелочники, сцепщики вагонов. Через десять лет здесь уже работала группа РСДРП, имеющая влияние и на окрестные села.

В кузнечном цехе Зиминского депо висит мемориальная доска с именами слесаря Воробьева и кондуктора Доценко, убитых жандармами при разгоне митинга 31 октября 1905 года. Это было началом забастовки железнодорожников, которую возглавил член зиминской организации РСДРП Ф. А. Березовский, работавший начальником разъезда, Шетик (в двенадцати километрах от станции, неподалеку от села Чиркино). Сейчас этого разъезда нет, так как железнодорожное полотно позднее сместились южнее.

Феоктист Алексеевич в Зиме отбывал ссылку за крамольное сочинение, разоблачающее высшее железнодорожное начальство. Впоследствии он стал крупным советским писателем, но зиминский период, по утверждению исследователей его творчества, был одним из важнейших. Об этом периоде он написал книгу очерков «Таежные застрельщики». По оценке сибирских историков, очерки достоверно описывают события тех лет на станции Зима (В. И. Дулов, Ф. А. Кудрявцев. Револю-

ционное движение в Восточной Сибири в 1905—1907 гг. Иркутск, 1955).

А события развертывались динамично и организованно. Вот что доносил начальник Тулунского жандармского управления о забастовке на станции Зима: «Собравшаяся в пятьсот человек толпа, предводительствуемая агитаторами, заявила, что все забастовали и работать не будут. На этой сходке руководителем был сам Березовский, говоривший перед толпой о необходимости замены образа правления государством. Мотивировал свою мысль тем, что высшие чиновники во главе с государем-императором безгранично расточают народные капиталы и, обирая налогами народ, тем сосут его соки, при этом обзывал государя императора «тираном» (ГАИО, фонд жандармского управления, оп. 1, д. 1146, л. 41—42).

В ноябре 1905 года Березовский был избран делегатом от Зиминской организации РСДРП и выехал в Томск на общесибирский съезд железнодорожников. Пока он отсутствовал, его уволили. Тогда рабочие станции Зима 12 ноября провели митинг, послали начальнику дороги телеграмму протеста и распространяли гектографированную резолюцию митинга в виде листовки «Довольно обещаний!» Березовский в своих очерках не пишет об этом, поэтому текст листовки стал известен недавно (д. 1144).

Все-таки Березовского тогда заключили в Александровский централ, затем выслали в Усть-Уду. (Под впечатлением пережитого он создал лирический этюд «Под звон кандалный».) Затем его ссылали в Томск, Омск. И здесь вышел из-под его пера знаменитый рассказ «Стрелочник Гранкин» (Первый литературный сборник «Сибирия». Томск, 1906). Кроме того, им написаны книги «Бабы тропы», «Мать», воспоминания «Ленин на трибунах» (личные впечатления о заседании ВЦИК 29 апреля 1918 года и VIII съезда Советов) и другие.

Много можно рассказывать о Феоктисте Алексеевиче — замечательном человеке, пламенном революционере, крупном писателе, немало поработавшем вместе с М. Горьким по созданию Союза писателей СССР. Об этом вспоминала его дочь Зинаида Феоктистовна, посетившая Зиму в апреле 1969 года и подарившая землякам сборник произведений отца.

Спустя три года по делам журналистским оказался я в Омске и решил побывать в доме-музее писателя. Остановил трех таксистов, и ни один из них не знал ад-

реса. Четвертый, узнав о ком идет речь, предложил проехать на автостанцию к диспетчеру.

— Не беспокойтесь, денег за проезд не возьму. Это надо же — знать такого человека! — сокрушился шофер, сравнительно недавно приехавший в Омск.

Но и диспетчер не знал адреса. Тогда мы сами принялись разыскивать. Был дождь, дороги раскисли. Наконец нам указали небольшую улицу, всю в глубоких колдобинах. И вот показался высокий дом, как говорила Зинаида Феоктистовна, с «нахлобученной крышей, похожей на гриб». На заборе небрежно написанная табличка: «Дом-музей Ф. А. Березовского». По неизвестным причинам он оказался закрытым. Я подумал, что таксист клянет меня за такой утомительный маршрут. Но он тоже вышел из машины и смущенно сказал: «Кто же не знает в Омске, памятных мест, связанных с именем Карбышева и Панфилова, а вот Березовского...» Взять с меня деньги он категорически отказался.

Мне подумалось: рядовые жители города сокрушаются по поводу забвения имен прославленных земляков, а что же городские власти?.. И тут же вспомнил о городских властях Зимы, которые в прошлом оказались глухими к просьбам и пожеланиям своих горожан о присвоении новому городу имени «Зима».

Второй колоритной личностью тех лет был Леонид (Леопольд) Проминский — член стачечного комитета станции Зима. Чтобы понять, что сформировало идеиную убежденность и революционную стойкость этого человека, следует вернуться на несколько лет назад.

Его отец Ян (русские звали его Иван Лукич) был членом комитета РСДРП польского города Лодзь. Выданный провокатором, он был осужден и вместе с семьей в 1897 году сослан в сибирское село Шушенское. Здесь семейство радушно встретил единственный ссыльный — В. И. Ульянов. За два месяца пребывания в Шушенском Владимир Ильич освоился, завоевал авторитет среди сельчан и потому сумел сделать все возможное, чтобы облегчить тяжелую участь сосланного семейства. Потом прибыла сюда Надежда Константиновна, обе семьи за три года пребывания сдружились и активно вели пропагандистскую работу со ссыльными и сибиряками окрестных деревень.

Леопольду тогда было пятнадцать лет. Надо ли говорить, кто был его духовным наставником, ученику которого он следовал потом всю жизнь! Через три года пути их ра-

зошлись. Семья Проминских была сослана вначале в Минусинск, затем на станцию Тайга, а Леопольд устроился на работу помощником слесаря в красноярские железнодорожные мастерские.

1905 год. Леонид Иванович приезжает в Зиму и работает слесарем в депо. Оператор он был неважный, но в личных беседах умел донести до рабочих правду о царизме и убедить их в необходимости подняться на борьбу за свои права. Вполне понятно, что при создании стачечного комитета Проминский был избран его членом.

Вскоре Леонид Иванович, как и другие члены стачечного комитета, был арестован. Товарищи помогли бежать, и он продолжал революционную борьбу... 1911 год. Вновь схвачен царской охранкой, приговорен к смертной казни, потом она заменена ссылкой в Александровский централ.

Товарищи сообщили родителям, и те поспешили быть поближе к сыну — переехали в Иннокентьевское, чтобы как-то облегчить его участь. Здесь отец много лет работал смазчиком вагонов, продолжая вести подпольную работу. Лишь в 1920 году впервые узнал, что В. И. Ленин и есть тот Ульянов, что отбывал с ним ссылку в Шушенском. Еще не веря в такое совпадение, написал в Москву письмо.

И вот в июне 1920 года на Иркутский телеграф пришла депеша из Москвы: «Прошу оказать всяческую помощь моему товарищу по ссылке в Сибирь Ивану Лукичу Проминскому, смазчику вагонов при Иннокентьевском депо. Он уже стар. Телеграфируйте, что сделали. Ленин». По приезде в Москву чета Проминских пошла на квартиру Владимира Ильича, где вместе с Надеждой Константиновной он радостно их встретил. В 1923 году представилась возможность выехать на родину, но по дороге И. Л. Проминский заболел тифом и умер.

Между тем Леонид, освобожденный из Александровского централа, уехал на Дальний Восток добывать отступающих белогвардейцев. Там был схвачен интервенциями, которые решили его повесить. Перед казнью вызвали офицера для опознания, но тот сочувствовал красным, в «преступнике» большевика Проминского «не опознал». Тогда вместо казни его приговорили к 12 годам каторги — ишь как долго собирались прожить оккупанты на советской земле! Но скоро им пришел конец. А

Леонид Иванович остался там работать сначала начальником станции, потом — отделения дороги.

Шел 1932 год. Проминского направляют в Ленинградскую транспортную академию, по окончании которой он работает в управлении дороги. 1941 год. Война. Леонид Иванович принимает активное участие в эвакуации ленинградских предприятий на восток, но сам выехать отказался. Начались блокада, голод, болезнь. Весной 1942 года Леонид Иванович умер. Жена раздобыла лист фанеры, на нем протащила тело по истерзанным улицам Ленинграда к Волкову кладбищу. Так ушел из жизни член РКП(б) с 1905 года Л. И. Проминский, революционный путь которого начался на станции Зима.

Именно отсюда вскоре революционные волнения перекинулись и на окрестные села, особенно Кимильтей. Здесь были массовые выступления крестьян, которые получали и читали запрещенную политическую литературу. Эта борьба, особенно в 1911—1917 годах, приобрела организованные формы. И не случайно. В село Кимильтей приехал врач Н. А. Алексеев, соратник В. И. Ленина по лондонской эмиграции.

В. И. Ленин так писал об Алексееве: «Я знаю его с 1902 года, с Лондона, где вместе работали в «Искре». Очень образованный марксист, большевик и замечательно добросовестный к исполнению своего дела товарищ». Николай Александрович приехал в Лондон в 1900 году, бежав из царской ссылки. В 1902 году встречал здесь Владимира Ильича вместе с Надеждой Константиновной и на первых порах был их «толмачом», пока они полностью не освоили английский язык. Участвовал вместе с Лениным в подготовке и проведении второго и третьего съездов партии.

По возвращении в Россию он заканчивает медицинское образование и с дипломом врача едет в Сибирь. В 1912 году в селе Кимильтей у Александровых рождается сын Владимир, ныне адмирал, Герой Советского Союза.

Интересная деталь. Когда в 1911 году член Зиминского стачечного комитета Л. И. Проминский был вновь арестован царской охранкой, при обыске в его квартире нашли большевистские прокламации и листовки. Спустя много лет, в 1957 году, в Кимильтее при ремонте детского дома были обнаружены такие же листовки и прокламации той поры. Известно, что Проминский имел поручение держать связь с селами. И как знать, может,

два соратника Ленина, один — по шушенской ссылке, другой — по эмиграции, встречались на Зиминской земле! И надо ли удивляться, что революционная борьба носила здесь организованный характер, если во главе ее стояли такие люди.

Впоследствии Н. А. Алексеев по указанию В. И. Ленина был отозван в Москву, работал в Коминтерне, аппарате ЦК ВКП(б). Будучи на пенсии, в конце 1960-х годов вел большую литературную и общественную работу. У меня хранится книга «Сдаваться не намерены», подаренная ее автором В. Н. Полонским, — документальная повесть о Н. А. Алексееве, в ней описывается жизненный и революционный путь нашего замечательного земляка.

Наступали грозные события Октябрьской революции, шла ожесточенная борьба за власть Советов. Участники первой русской революции, зиминские железнодорожники, совместно с крестьянской беднотой внесли весомый вклад в эти величайшие события, выдвинули из своей среды вожаков, известных далеко за пределами Сибири.

Для укрепления рядов зиминских большевиков из Иркутска были направлены Я. Боград, А. Рубанович, в октябре 1917 года приехал К. Н. Гершевич. Работа ожила, 2 декабря была провозглашена советская власть, создан Совет рабочих и солдатских депутатов, который возглавил К. Н. Гершевич.

Советы работали до весны 1918 года, пока не поднялся мятеж чехословацкого корпуса. В марте 1918 года из рабочих дружин паровозного депо и лесозавода, отрядов местных крестьян была сформирована 5-я отдельная Зиминская рота. Ее красным комиссаром был назначен Гершевич. Немало славных дел на счету зиминских красногвардейцев. Но силы были неравны. В июле 1918 года советская власть в Восточной Сибири пала.

Под городом Тулуном, выданный предателем, был схвачен комиссар Гершевич и повешен в Зиме. В первом номере «Известий отряда чехословацких войск» было написано: «Умер он мужественно, не было ни просьб о пощаде, ни предсмертных томлений». Бражская газета, конечно, не могла рассказать, каким издевательствам и пыткам был подвергнут красный комиссар. Но были очевидцы, которые не только передали подробности вернувшимся партизанам, но и рассказали об увиден-

ном своим детям и внукам. Среди очевидцев была моя бабушка Митродора Яковлевна Рогова.

Вот как она примерно рассказала мне о трагической гибели Гершевича.

«Утром поднял нас шум, бежали люди по Московскому тракту в направлении от Старой Зимы. Вышли и мы из дома с Ганей (дочкой) и Зойкой (внучкой). Думаем, опять поймали кого из партизан, не дай бог, если Саню (ее зять Александр Гурьевич Ледовских — партизан, коммунист, позднее начальник Зиминского депо. — Ю. М.). Навстречу идет толпа, и ничего понять невозможно: кто плачет, а кто скакет от радости. Посреде истерзанный человек со связанными руками и петлей на шее. А на груди доска, грамотные люди прочитали — «Иуда», стало быть, предатель, а может, еврей...

Многие узнали его и ахнули: комиссар Гершевич! Рядом с ним шагает человек и нет-нет да плюнет ему в глаза. А тот ему едва слышно говорит: «Что ты, Ивановский, плюешь в меня... Я ведь не Христос-спаситель, чудес вам не обещал...»

— Так это же машинист Ивановский, — прошептала Ганя. — Откуда только он в Зиме объявился? Может, подосланный провокатор! Вот ему бы и подвесить табличку — «Иуда»...

На нее стали оглядываться, и я потащила всех домой... Теперь-то улица, которой вели Гершевича, и носит его имя...

— Ну а дальше-то, бабушка, что было?..

— Так ведь что... Ганьку-то разве можно было удержать дома! Пойдем, говорит, с женщинами в рощу, обратимся к чешским солдатам, чтоб не вешали человека. Ведь люди же они, есть и у них отцы, братья... И умчались. А мне-то что делать? Зойке не боле восьми годков, отец ее неизвестно где в лесах скитаются, может, уж и голову сложил. Втора-то дочь Дуся (моя мать. — Ю. М.) в совдепии секретарем-машинисткой работала и теперь прячется по соседям.

Поручила я Зойку соседке да в рощу — кабы греха не было. Подбежала к опушке и ахнула. Под березой стоит на табуретке с петлей на шее этот самый Гершевич. Вид совсем измученный. Медленно так обвел взглядом толпу, словно попрощался, и вдруг уронил голову на плечо, ноги подогнулись... Бросились к нему стражники-то, а он — мертвый. Ахнули бабы в толпе, заплачали:

«Не успели, изверги, — сам умер... Не вынес мучений...» Тут стражники засуетились, вновь натянули петлю, толкают в нос и в губы зажженные папиросы... Потом вышибли из-под ног табурет, а тело даже и не дернулось..

Тут прискакал офицер Шишлянников — были такие братья-кулачье. Говорят, будто один из них где-то в красных ходит, ну и этот-то, зверюга, выхватил наган и давай прямо с лошади палить в повешенного. Да уж поздно изголяться над мертвым-то...»

Вот, оказывается, о чем не было написано во вражеской газете. Позднее мне об этом рассказала и тетя Гаяя, и В. М. Подаюров.

В детстве все ребята из нашего железнодорожного поселка знали «березу Гершевича». Она была на опушке березовой рощи гораздо выше других берез, но сильно наклонена к земле, потому, видимо, каратели избрали ее орудием казни. В десятке метров от нее позднее был воздвигнут обелиск между двумя громадными братскими могилами, в каждой из которых захоронено более сотни партизан. Помню, в тридцатые годы во время первомайских демонстраций после митинга на площади (сейчас здесь стоит кинотеатр «Россия») все шли к братским могилам. В двадцатые годы здесь не раз выступал коммунист А. Г. Ледовских.

Обелиск стоит по сей день, правда, холмы братских могил заметно осели, а береза исчезла вовсе. Мне кажется, и сегодня неплохо бы пионерам посадить на этом месте березу. Старожилы Зимы могут указать точное место. Пусть она всегда будет памятником для всех зиминцев, погибших в гражданской войне.

Не менее жестоко был казнен и другой красный командир зиминских партизан — Мирон Подаюров, имя которого носит одна из улиц города. Я хорошо знал это семейство, так как в 30-е годы его сын Василий стал мужем моей двоюродной сестры З. А. Ладовских (той самой Зойки, которую упоминала бабушка).

Партизаны поручили кондуктору Подаюрову доставать оружие и обеспечивать им отряд, что он успешно и делал. Даже после того, как отряд был разбит, Подаюров сумел припрятать большую партию оружия для грядущих боев. Занятый этой работой, он был высажен местным кулаком на Больше-Березовском участке и выдан белочехам. Понятно, как важно было белогвардейцам узнать, где хранится оружие. Ведь это означало па-

рализовать действия партизан. Два дня Подаюрова пытали, а потом решили расстрелять. Но как!

18 июля 1918 года на виду у жителей Зимы его, связанныго, провели по улице (сейчас эта улица Подаюрова) в степь. И чтобы все-таки добиться признания, против обреченного построили все его семейство: жену, четырех детей, пятого, Владимира, жена держала на руках. Еще раз спросили про оружие, Мирон отрицательно покачал головой. Грязнул залп... На глазах детей упал окровавленный отец. Без чувств грязнула на землю мать. И тут же раздался пронзительный детский крик:

— Гады!.. Гады!.. Я отомщу за отца!.. — это в истерике бился, кричал двенадцатилетний сын Василий.

Его за руку поднял с земли белогвардец и бросил к трупу отца, приговаривая:

— Туда же этого паршивца... Таким вырастет и он...

Но чешский офицер махнул перчаткой и милостиво изрек:

— Мы с детьми не воюем... Сами с голоду сдохнут...

Он, этот офицер, оказался бы прав, не вернись назад советская власть. Как смогла бы безграмотная женщина, презираемая зажиточными хозяйствами, найти себе работу и прокормить пятерых детей? Я помню ее. Когда-то она была высокая, с красивыми, густыми черными волосами. Но в 30-е годы выглядела уже старухой: седая, сутулая, словно согнутая под невидимой тяжестью. Но самое главное — поражали глаза, вернее, их выражение: она почти не переставая моргала, словно щурялась от яркого света. Соседки говорили (Подаюровы жили в маленьком побеленном снаружи домике в самом начале первой улицы — ныне Клименко), что так и есть: она была ослеплена залпом огня, ударившим по мужу. Этот нервный тик остался на всю жизнь: она постоянно моргала, но никогда не плакала — не было слез.

Дети пошли по стопам отца-железнодорожника: Николай стал работать помощником машиниста, позднее — Леонид, Владимир слесарем, а Василий был одним из первых комсомольцев Зимы, позднее возглавлял комсомольскую ячейку паровозного депо. Но он не забывал своей клятвы — отомстить врагам за отца.

Смотрю хранящиеся в семейном альбоме фотографии Васи и Зои (З. А. Ледовских-Подаюровой) и вижу стройного, перетянутого двойной портупеей командира с тремя «губками», а позднее «шпалой» в петлицах.

В засушливый 1933 год в Сибирь хлынул поток го-

лодающих беженцев из Поволжья. Поезда были переполнены. Вперемежку с изможденными волжанами ехали мешочники, спекулянты. Однажды с ребятами мы прибежали на перрон к приходу «максимки» — так звали пригородный поезд. И вдруг среди толпы я увидел в грязной, рваной одежде Васю Подаюрова. Удивленный, бросился было к нему с возгласом, но он прикрылся пустой плетеной корзинкой, угрожающе нахмурился и поднес палец к губам...

Уже позднее, когда я стал постарше, Вася рассказал:

— Думаешь, я забыл, кто казнил отца и Гершевича, расстреливал и мучил партизан!... Чехи-то уехали на родину, а их прихвостни остались да разбежались как крысы. Им трудно меня узнать — вырос. Зато я их хорошо запомнил, ни под какой личиной не скроются. Знаешь, сколько разыскивал их по Сибири и Забайкалью! Жалко, не разрешили лично расстрелять...

Тогда мне стала понятна присказка: «Он только сверху красный, а внутри — белый». Перекрасились враги. Кто притих, а кто и вредил, как мог. Вот Василий Миронович Подаюров их и разыскивал. В Отечественную войну он воевал на Ленинградском фронте, был награжден многими орденами. Его жена (моя сестра) военврач Зоя Александровна погибла при эвакуации раненых из под Москвы в декабре 1941 года. Тело привезли в Красноярск и похоронили вместе с отцом А. Г. Ледовских — персональным пенсионером союзного значения.

Тяжелыми для зиминцев были 20-е и 30-е годы. Однако самой высокой похвалы заслуживают железнодорожники, которые в невероятно трудных условиях обеспечивали бесперебойную перевозку народнохозяйственных грузов и пассажиров.

Станция Зима, ставшая уже городом, шагала в едином строю со всем народом. На смену ударному пришло стахановское движение, охватившее всю страну.

С деповским гудком поднимались зиминцы на работу и выполняли ее радостно, с большим трудовым подъемом, а то и ставили рекорды. Деповской гудок! Сколько с ним у зиминцев связано!.. В каком бы качестве он перед ними не являлся, но в будни, радости и горе был всегда их организатором и вдохновителем.

Впервые деповский гудок, подобно набатному колоколу, призвал зиминцев в 1905 году к всеобщей забастовке. А спустя несколько дней, его радостно-торжественный гул оповестил о первой в истории Зимы демон-

страции трудового люда. С тех пор вошло в традицию собираться на демонстрации по зову гудка.

Бывало, нередко, уподобляясь вою сирены, он был всеобщую тревогу. В трескучие морозы или осеннюю хлябь, в любое время дня и ночи вдруг раздавался протяжный гудок и три коротких. Все знали — случилось на зиминском участке дороги крушение. Это означало: кто свободен от работы, независимо от принадлежности к железнодорожному транспорту, должен спешить в депо. Здесь срочно формировался восстановительный поезд. На платформы грузились ломы, шпалы, рельсы, в вагон садились деповчане и путейцы, врачи и сандружинницы и просто здоровые, сильные люди. Через несколько минут восстановительный вслед за дрезиной мчался к месту аварии.

Бывало, что раздавался длинный и два коротких гудка, было ясно — случился большой пожар. С малым пожаромправлялась пожарная команда. Но силенки ее в те годы были невелики: три-четыре пары лошадей, столько же бочек с водой, несколько метров «пожарного рукава» да «качалка». При большом пожаре стар и мал хватали лопаты, багры, ведра и устремлялись на помощь, памятуя, что все живем в деревянном поселке, под деревянной крышей, беда — общая.

В спокойные мирные будни горожане также не могли обойтись без деповского гудка. Он заменял им и часы, и радио, и барометр, и многое другое. В 7 утра слышался один протяжный гудок — пора вставать. В 7-30 два коротких — поспешай! В 7-45 три коротких — тут уже не успел обуться, одеться, напиться чаю, все равно — беги, иначе опоздаешь. Правда, особой кары за опоздания не предусматривалось, потому что их просто не было. Ну а сам-то опоздавший? Весь день переживал.

В обед снова звучал гудок. И был он нужен не только тем, кто брал с собой еду, или тем, кто ходил на обед домой, но и их семьям. Иная хозяйка, заслышав гудок, опрометью бросалась от соседки, причитая на ходу: «Ох, кума, совсем ты меня заговорила! Мужик-то придет, а я...» Бежали домой и дети: кому во вторую смену в школу, кому помочь матери наколоть дров, принести воды, покормить скотину и птицу. Наконец вся Зима, как единая семья, садилась за стол и вкушала, что бог послал.

А в конце рабочего дня в последний раз раздавался гудок и умолкал потом на всю ночь, если не случится

ничего непредвиденного. Иногда в зимние утра, после подъема на работу, вдруг слышался длинный гудок. Можно было, не выходя из дома, знать, что на улице мороз выше сорока градусов: ребятам в школу неходить, а взрослым одеваться потеплее.

Зиминцы сжились с деповским гудком, как с живым существом, и по его звучанию без труда улавливали и радость, и тревогу, и скорбь. Нередко под его стоны и всхлипывания паровозных сирен они провожали в последний путь своих знатных, заслуженных земляков. Иногда гроб с телом покойного товарищи выносили из дома на головах. Иногда несли его до самого кладбища на стволах винтовок и ружей... А Зима гудками прощалась со своими знаменитыми сыновьями. Бывали случаи, когда пассажиры поездов Москва — Владивосток удивлялись: почему гудит вся станция? Получив разъяснения, — снимали шапки...

После Отечественной войны гудок с депо сняли. Но отдельные традиции еще сохранились. В 1964 году мы хоронили Ивана Федоровича Василенко. И когда процессия проходила мимо депо, вдруг взревели сирены тепловозов и электровозов, стоявших в это время на путях. А в 1980 году хоронили известного всей Зиме бессменного начальника автобазы Андрея Ивановича Дубинина (кстати говоря, всю жизнь носившего железнодорожную фуражку в память о работе в депо). Тогда я жил в Иркутске, но о похоронах А. И. Дубинина мне рассказал его племянник Евгений Евтушенко:

— Казалось, гудело все, что может гудеть. Включили автомобильные клаксоны не только шоферы автобазы, но и всех автомашин, проходивших по Московскому тракту на запад и восток. Потрясающий салют!..

Да, я горжусь своими земляками, их трудовым и военными подвигами.

О войне зиминцы узнали поздно. В полуденный час 22 июня вдруг ударили набат деповской гудок. Монтеры узла связи стали спешно в людских местах устанавливать на столбах колокола-громкоговорители, потому что «тарелок» — репродукторов — в домах жителей было не так уж много. Вокруг громкоговорителя стали собираться толпы людей. По радио несколько раз передавали выступление В. М. Молотова, а в промежутках гремели военные марши, выступали известные всей стране люди, в их числе чапаевская «Анка-пулеметчица». Постепенно толпы стали словно размываться и, несмотря на

воскресный день, образовали длинную шумную очередь у здания райвоенкомата...

Моложе восемнадцати лет в армию не призывали. Но многие из нас, недоучившись и не достигнув восемнадцати, через несколько месяцев добровольцами ушли в Красную Армию, а наши школы превратились в военные госпитали. Как уже говорилось выше, тысячи зиминцев сражались на всех фронтах Отечественной войны. Одиннадцать Героев Советского Союза!

Преемственность поколений сказалась и в трудовых делах. Словно перекинулась цепочка от первых ударных маршрутов начала 30-х годов к ударной колонне паровозов имени Государственного Комитета Обороны — в 40-е годы. Как и десять лет назад, ее возглавил машинист-орденоносец И. Ф. Василенко. Нередко подвиг железнодорожника в глубоком тылу равнялся подвигу солдата на фронте.

Трудно перечислить всех достойных людей Зимы 40-х годов. И все же об одном из них хочется сказать особо. Это Алексей Николаевич Гринчик, известный в стране мужественный летчик-испытатель, храбро сражавшийся на фронтах Отечественной войны.

Я хорошо знал Леню (так мы его звали), когда он был еще пареньком, я — мальчиком. Для 20-х и 30-х годов было характерно, что на каждой улице ребячий компании формировались по возрастным группам. У каждой группы были свои интересы, но старшие непременно шефствовали над младшими. В конце 2-й улицы (ныне Коммунистическая) росла большая ватага ребят разных возрастов. Старшими из них были: братья Садовы, Маяковы (мои двоюродные братья), Л. Гринчик, П. Маринов (его звали Панкой) и другие. Поскольку мой отец сам вырос в доме на этой улице, то часто отводил нас туда с братишкой. И пока родители были на работе, мы находились под присмотром двоюродных братьев.

Они, как и все сверстники, носили воду из колодцев и поливали огород, возили на тележках хворост, но самым любимым делом было пасти гусей, они были чуть не в каждом доме. Пасли их неподалеку от Ухтуйской мельницы (сегодня и мельницы нет, и Ухтуйка пересохла). То-то было раздолье! Гоняй весь день мяч, купайся, загорай. Может, потому мне и запомнился Леня, что он резко контрастировал с Павлом Мериновым. Павел был огненно-рыжий, с голосом, как иерихонская труба, с грубоватыми манерами. Леня — смуглый, с короткой при-

ческой вьющихся волос, и отличался деликатным обращением с окружающими. Павел, например, мог нашего брата — «мелюзгу», швырнуть в речку и в ответ на вопли «тону-у!» спокойно изречь: «Эка невидалъ! Ну и тони, раз толку нет!». Леня обычно бросался в воду, брал малыша под мышки и учил, как держаться на воде.

Много лет спустя при упоминании подобных случаев Павел Прохорович громко хохотал и говорил: «Это я учил вас мужеству». Он сам был мужественным человеком, имел много боевых наград, в конце войны состоял адъютантом при командующем армии. После войны был завотделом пропаганды, секретарем Зиминского ГК КПСС, зам. председателя горсовета, всегда оставаясь любимцем зиминцев.

А Леня шел к своей цели с мальчишеской настырностью — хотел строить самолеты и летать на них. Он добился и того и другого. В 1936 году А. Гринчик окончил авиационный институт, в многотиражке которого «Пропеллер» ему были посвящены строки:

«Отлично защитил проект рекордного скоростного самолета. Был премирован на конкурсе проекторов легкого авиадвигателя». В марте 1937 года Комиссариат обороны промышленности направляет его инженером-конструктором на один из военных заводов, выдав такую аттестацию: «Аспирант МАИ, работает над диссертацией, представляет большую ценность как летчик-инженер. Пилотирует все основные типы самолетов».

К этому времени он уже был летчиком-испытателем первого класса и очень гордился тем, что он в стране седьмым, после Чкалова, удостоился этого звания. И еще гордился своей малой родиной. В книге «Открытые глаза» А. Аграновский об этом пишет: «Ты кто по национальности? — спрашивали его, и Гринчик отвечал: «Сибиряк я. Родился на станции Зима... Зимы не знаете?! Это как Москва... Ну чуть поменьше...»

Когда в первые дни Отечественной войны ему отка-
зали в отправке на фронт, Алексей возмущенно восклик-
нул: «Ведь Гринчик не только конструктор, он ведь в
конце-концов — испытатель боевых машин! Где же ему
быть, как не на фронте!» Он добился своего! Как воевал?
Один из воздушных боев описал 18 октября 1963
года в «Комсомольской правде» его друг, известный лет-
чик-испытатель Марк Галлай. Не вдаваясь в подробно-
сти, следует сказать: за войну А. Гринчик совершил до
сотни боевых вылетов, лично сбил шесть вражеских ма-

шин, был ранен, награжден двумя орденами Ленина, двумя — Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа».

В 1945 году для боевых друзей окончилась война, а для Алексея Гринчика началась напряженная работа по совершенствованию и испытанию необычных самолетов, зарождающейся реактивной авиации. Достаточно сказать, что сегодня ни один из летчиков-космонавтов, командиров космических кораблей не поднимается в космос, прежде чем «не оседляет» реактивный самолет. А тогда, в 1946 году... Тот же Марк Галлай писал о своем друге: «...Таков был летчик-испытатель А. Н. Гринчик, впоследствии первым поднявший в воздух самолет МИГ-9, с которого началась эра отечественного реактивного самолетостроения». Вот почему иногда о Гринчике говорят, что он был своего рода космонавтом 40-х годов.

Алексей Гринчик испытал этот МИГ-9 и дал ему квалифицированную характеристику, принимая активное участие в его усовершенствовании. Но 11 июля 1946 года из очередного испытательного полета он не вернулся на землю... За испытание МИГа-9-го Гринчик был награжден орденом Ленина (посмертно). Многое еще мог сделать А. Н. Гринчик, ведь ему было только 34 года. Но и то, что успел сделать, достойно восхищения и преклонения перед его памятью. Об этом сказано было в некрологе, подписанном всеми выдающимися авиационными деятелями страны. «Имя Алексея Николаевича широко известно в наших авиационных кругах как имя высококвалифицированного специалиста. А. Н. Гринчик по праву был одним из передовых людей, которым гордилась наша авиация».

Спустя двадцать лет в Зиму приехали сестры героя — Вера и Надежда Гринчик. Мы рассматривали привезенные ими фотографии 20—30-х годов, вспоминая наших общих знакомых. Потом все вместе пошли на 2-ю улицу, где когда-то шумела веселая ватага ребят. Невольно вспомнили тех, «кого уж нет, а те далече...» Сестры рассказали, каким был Леня в пору своей знаменитости. Оказывается, оставался таким же общительным и внимательным, по-мальчишески настырным. Помогал как мог матери и сестрам. Сестры оставили несколько фотографий довоенной поры, просили, чтобы зиминцы не забывали своего земляка.

Сейчас Зиминский Дом культуры железнодорожников носит имя А. Н. Гринчика. Это имя также присвоено од-

Евгений Евтушенко. Зима. 1992 г. Фото В. Дрягина.

ной из улиц Зимы. Прав был старый профессор Журавчиков, когда о своем питомце сказал: «Такие люди, как Гринчик, не умирают».

В конце пятидесятых годов Зима вновь обратила на себя внимание широкой общественности. В 1956 году в журнале «Октябрь» была опубликована поэма Е. Евтушенко «Станция Зима». Вышедшая в свет вскоре после XX съезда партии, остро поставившая злободневные

вопросы современности, она вызвала бурю откликов в прессе, в большинстве своем отрицательных. Поэт тогда писал:

Я не хочу оправдывать бессилье,
Я тех людей не стану извинять,
Кто вешнее прозрение России
На мелочь сплетен хочет разменять.

Справедливые слова! Но поэма на первых порах не понравилась и землякам. Земляки недоумевали: зачем поэту, справедливо и смело вскрывавшему «болевые точки» того времени, потребовалось называть подлинные имена и указывать точный адрес? Ведь поэма — не статья и не документальный очерк. Ее публично обсуждали и даже отправили «сердитое» письмо Ф. Панферову — редактору журнала «Октябрь», чтобы автор объяснился с земляками. Евгений Александрович объяснился, прислав в редакцию земинской газеты письмо. Потом не раз объяснялся, отчитываясь о своем творчестве, приезжая в родные края.

С Евгением Евтушенко мы земляки, оба родом со станции Зима. Однако разность в возрасте (девять лет), длительные отлучки из родных мест не дали нам возможность раньше узнать друг друга. Познакомились мы в августе 1963 года у его дяди Андрея Ивановича Дубинина — моего давнего приятеля. Знакомство произошло на кухне. Евгений сидел в цветастой рубашке-«распашонке», беспрерывно и смаочно курил. Был он необычайно худой, желтый, с пронзительными светло-голубыми глазами. В разговоре о том, о сем невольно коснулись поэмы «Станция Зима», в обсуждении которой я в свое время принимал активное участие.

— Вы намерены переездить ее?

— Да.

— В той же редакции?

— Безусловно. Поймите же, — раздраженно, даже с яростью воскликнул Евтушенко, — стихи-то рождались в муках, и теперь живут! Скажите, разве можно новорожденного ребенка переделать?!

Он в те дни вообще был какой-то взвинченный. По этому поводу Андрей Иванович ворчливо заметил:

— Поддали опять тебе в Москве-то, дак сразу вспомнил дядьку и станцию Зиму. А то дак и строчки не напишешь...

На следующий день в Доме железнодорожников перед молодежью Евгений говорил:

— Меня вот дядя Андрей упрекнул, дескать, поддали вам, молодым поэтам, в Москве. Ну и поддали, и правильно сделали. Некоторые из нас действительно подзнались. Но какой радостный вой поднялся за рубежом: «В России неразрешимая проблема отцов и детей... Молодые поэты брошены за решетку...» Какая гнусная и грязная клевета! Перед самым отъездом видел я и Вознесенского, и Ахмадулину, и Окуджаву. Все они полны сил и творческой энергии. У нас не может быть проблемы «отцов и детей». Мы были, есть и будем верными и достойными последователями своих дедов и отцов.

Потом он много читал стихов, а публика просила еще и еще...

В последние годы Евтушенко приезжал в Зиму чаще и писал о ней больше — в стихах и прозе. Не раз с большой любовью рассказывал о своем строгом дяде Андрее, воплотившем в себе черты истинного сибиряка. А мы, журналисты, в своей «районке» чаще писали о своем земляке.

В декабре 1966 года Евтушенко более месяца находился в Америке, выступив за это время более чем перед 20-тысячной аудиторией. Об этом мало говорилось в нашей прессе. Поэтому, купив в станционном киоске «Союзпечать» номер газеты «Уоркер» — орган компартии США, — мы с помощью своих активистов, учителей английского языка, сделали перевод и отрывки поместили в своей газете. Вот что писал корреспондент «Уоркера» Майк Давидов:

«Около двух часов более 3500 человек слушали русского поэта. Чтением своих стихов, которые Евтушенко, за исключением одного, говорил по памяти, он продемонстрировал, какой возбуждающей силой может быть поэзия. Умение Евтушенко заставить звенеть и петь каждое слово напоминает нам нашего Эдгара По... Основной темой всех высказываний его речи был призыв к объективной оценке американского и советского народа...»

Было задано много вопросов о творческой свободе писателя в Советском Союзе. Он высмеял мнение, что Косыгин и Брежnev прочитывают все книги, чтобы определить их годность для печати. «Им просто некогда было бы работать — так много книг выходит в стране».

В своих публичных выступлениях, литературных произведениях, фотографиях Евгений Александрович всегда

с нежностью отзывался о Зиме, охотно встречался с земляками. В 1980 году по моему сценарию заканчивались съемки документального фильма «Поэт со станции Зима». Не хватало «живого» участия Евтушенко. Как раз он подъехал в Иркутск для работы над своим фильмом «Детский сад». И, несмотря на обычную занятость, согласился не только принять участие в съемках, но и прокомментировать весь фильм. Теперь на родине поэта земляки хранят и книги Евтушенко, и фильмы его и о нем, потому что он наш, сибирской породы....

И вот совсем недавно, а точнее, в середине июля 1992 года Евгений Евтушенко снова в Зиме. На этот раз его приезд совпал с шестидесятилетием поэта. Вот как описывает встречу с земляками журналист Виталий Комин.

В своей «Преждевременной автобиографии», напечатанной тридцать лет назад во французском «Экспрессе» и вызвавшей тогда же немалый политический ажиотаж (кстати, недавно эта статья впервые напечатана на русском языке в известной «Неделе»), Евгений Евтушенко отмечал: «Автобиография поэта — его стихи».

Действительно, поэтические сборники нашего земляка дают полную картину взросления человека «сибирской породы». Его детство пришлось на трудные годы войны, когда фронт и тыл были едины в своем стремлении победить. И хотя русоволосый Женя тогда лишь мечтал уехать в теплушке на фронт, его детская память сохранила многие детали заснеженной, «проштопоренной» дымом станции Зима:

Вагоны вижу,
что на фронт
шли черные от гари,
солдат,
что в майках на перрон
напиться выбегали,
тех женщин,
что месили грязь
в очередях предлинных
и, бабьей слабости стыдясь,
украдкой шли на рынок,
где перед гомоном людским,
у старого точила,
морская свинка судьбы им
в пакетиках тащила.

Однако самому поэту судьбу предсказала не морская

свинка, а много позже слепец на ташкентском базаре, который по линиям рук определил, что самое лучшее в его жизни связано с родными местами, куда он будет возвращаться.

И он возвращается в Зиму, чтобы «набраться новых замыслов и сил, опять земли коснувшись, по которой когда-то босиком еще пылил».

В Зиме, в доме дяди Андрея Ивановича Дубинина, по ул. Карла Маркса, 21, поэт написал многие главы своих сибирских поэм, стихи и песни.

Каждый раз, возвращаясь в дом своего детства, он поворачивает в калитке все то же железное кольцо, хотя уже и не с мальчишеской улыбкой, взирается на все те же ворота, где спасался когда-то от бабушкиного наказания...

В последний свой приезд в Зиму в июле 1992 года поэт снова встретился с земляками-читателями в городской библиотеке.

— Только в одной литературной энциклопедии правильно назван год моего рождения — 1932, 18 июля, остальные справочники делают меня на год моложе. Действительно, когда я возвращался после эвакуации в Москву, в 1944 году, мне убавили в документах один год, так что год 1993-й для меня будет документально юбилейный.

Евгений Евтушенко во время этой встречи был увенчан лентой «Почетного гражданина Зимы», ему вручен Диплом и сделано приглашение прибыть на 250-летие Зимы летом 1993 года.

Поэт «отдарил» Зиминской библиотеке, почетным читателем которой избран несколько лет назад, коллекционные издания сборников своих стихов, рассказал собравшимся, как хорошо было ему встретить 60-летие в тайге, в верховьях Оки, на Сараме, с друзьями и товарищами.

— Я к вам всегда приезжаю только с хорошими людьми, — заметил поэт, улыбаясь.

В том, что это действительно так, убедиться легко. В разные годы в доме Дубининах вместе с поэтом бывали путешественники и писатели Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд, американские литераторы Нина Буис и Альберт Тодд, известные журналисты Л. Шинкарев, А. Меркулов, Э. Брюханенко, поэт А. Межиров, художник О. Целков, литературоведы В. Артемов, А. Мальгин, датские и финские тележурналисты. А в юбилейные дни

Е. А. Евтушенко в кругу своих земляков на встрече в Зиминской городской библиотеке. 19 июля 1992 г. Фото В. Дрягина.

рядом с поэтом были жена Мария Владимировна, сын Саша, напомнивший старожилам Зимы, что таким же юным в годы войны был Женя, эвакуированный из Москвы в Зиму. Светлана Харрис, русская американка, впервые приехавшая из Нью-Йорка в Сибирь.

После встречи в библиотеке юбиляр пригласил земляков в зиминское кафе «Пельмени». Когда ужин заканчивался, кто-то из присутствующих, кажется, это были хозяйки недавно приватизированного кафе, пожаловались, что сюда пока ходят немногие посетители. И тогда неожиданно для всех юбиляр попросил у женщин губную помаду. Со свойственным ему юмором, самоиронией, поэт написал на стене:

Я был Евгений Евтушенко,
А стал Пельмений Пельмешенко

Теперь редко кто уходит из кафе, не отведав пельменей и не прочитав этой шутливой рекламы.

Надо заметить, что зиминцы были первыми зрителями фильма Евгения Евтушенко «Детский сад», ибо сами принимали участие в массовках, кстати, отказываясь от положенных денег, экономя их для «Мосфильма». А когда понадобились для съемок предметы ушедшего быта (мраморные слоники, коврики ручной работы

ты, старинные сибирские самовары, а также чернильницы-«непроливашки») — все это земляки по просьбе режиссера разыскали и принесли на съемочную площадку. Они же подкармливали всю экспедицию «Мосфильма». Растроганный Евтушенко не знал, как отблагодарить зиминцев за такое радушное гостеприимство и внимание, обещал им первым показать фильм — и сдержал свое слово: «мокрую» ленту «Детского сада» показывали в Зиме бесплатно, сеанс за сеансом, как настоящий народный фильм. Еще бы! Впервые на улицах Зимы был снят художественный фильм, где многие смогли увидеть себя.

— А мне было приятно где-нибудь в Италии или Америке смотреть этот фильм и видеть, что мои дорогие зиминцы путешествуют вместе со мною, — сказал Евгений Евтушенко, обещая землякам новую встречу, теперь уже на юбилее родного города.

ЕГО ЗНАЛИ ВСЕ ЗИМИНЦЫ

Очень хорошо знал Павла Филипповича Воробьеву и автор этой книги. В довоенные годы мы учились с ним в городской средней школе № 8 (бывшей лесозаводской), вместе посещали струнно-музыкальный кружок. В 50-х годах заочно закончили историко-филологический факультет Иркутского государственного университета. Дипломную работу по теме «Революционное движение в Зиминском районе в 1905—1920-х годах» Павел Филиппович защитил на «отлично».

Работал пропагандистом, заведующим отделом пропаганды и агитации, а затем секретарем Зиминского горкома партии, а с декабря 1965 года по март 1969-го — заместителем и директором лесопильно-деревообрабатывающего комбината. П. Ф. Воробьев активно сотрудничал в Зиминской районной газете. Им были написаны статьи о первых зиминских социал-демократах и революционерах, участниках партизанского движения в Зиминском районе Березовском, Бограде, Гершевиче, Трифонове, Новокшонове, о первой зиминской стачке в 1905 году и борьбе с колчаковщиной в 1919—1920-х годах.

Работая директором Зиминского лесодеревообрабатывающего комбината, Павел Филиппович собрал обширный материал о его истории, а также о развитии про-

мышленности в Зиме и колхозизации сельского хозяйства в районе.

Успешно занимался он изучением и исследованием архивных материалов, касающихся истории земли Зиминской, и будучи председателем Совета по кино Иркутского облсовпрофа.

В одном из писем автору этой книги он писал: «Продолжаю собирать материал о землянцах. Уйдя на пенсию, займусь рассмотрением всех своих архивных материалов, попробую что-нибудь написать...»

К сожалению, неизлечимая болезнь сделала свое дело, и в августе 1988 года Павла Филипповича не стало.

В апреле 1992 года мне представилась возможность ознакомиться с его домашним архивом, хранящим неметное количество различных рукописей, интересных сведений, исторических фактов и событий, а также подшивок газет и фотоснимков.

Некоторые из них, я думаю, будут интересны читателю.

Лесопилка — Лесозавод — ЛДК

Таковы этапы пути этого крупнейшего в нашем городе предприятия. Вначале это была, попросту говоря, лесопилка, строительство которой началось в 1913 году и закончилось летом 1915-го. И почти сразу же на ней стал производиться распил круглого леса. Однако многие трудоемкие работы велись вручную, хотя с 1920 года лесопильные рамы и три бревнатаски приводились в движение машинами и механизмами.

На лесопилке, которую со временем стали уже называть лесозаводом, тогда работало 127 рабочих и 48 мастеров и служащих. Первым управляющим лесозаводом был Щетинин Евгений Борисович. По моим подсчетам, я был уже тринадцатым его руководителем. Хотя число это и несчастливое, но я проработал на нем несколько лет весьма плодотворно, и о его трудолюбивом коллективе остались в моем сердце самые добрые воспоминания.

С трудом внедрялась на лесопилке, а затем на лесозаводе механизация. Многие операции, в том числе и технологические, выполнялись вручную. Например, пареньки-коногоны выгружали лес из воды с помощью лошадей. Обычно двумя парами лошадок за рабочий день вывозилось по 50—60 бревен.

Ветеран труда Зиминского ЛДК, Герой Социалистического Труда
Анна Васильевна Ухова.

И хотя потребность страны в лесе и пиломатериалах была очень большая, трудности восстановительного периода тормозили работу нашего лесозавода. Так, 13 апреля 1922 года простояли две пилорамы из-за отсутствия пиловочного материала, 15 апреля — по причине нехватки рабочих, а с 3 июля по 25 сентября этого же года находился на капитальном ремонте лесоцех и цех паросилового хозяйства.

В последующие годы медленно, но упорно завод вы-

ходил из прорыва — предприятие реконструировалось, расширялось. Так, в 1931 году началось строительство цеха стандартных домов общей сметной стоимостью 1162 тысячи рублей (ныне деревообрабатывающий цех — ДОЦ).

И хотя к концу 1939 года в области были построены Тайтурский, Бирюсинский, Тайшетский и Тулунский лесозаводы, Зиминский оставался самым крупным. Он выпускал 180 тысяч кубометров пиломатериалов в год, а распил сырья с 48 тысяч кубометров в 1920 году возрос до 190 тысяч кубометров. В 1940 году уже было выпущено почти на семь тысяч рублей мебели. Вырос и коллектив — на заводе работало уже 850 человек, из них 28 инженерно-технических работников и 35 служащих.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз всколыхнуло заводчан. Добровольцами ушли на фронт Прядко, Прудников, Усов и другие. Были призваны в Красную Армию и многие квалифицированные рабочие. Их заменили женщины, старики и подростки. Пятнадцатилетним пареньком пришел на завод Едунов Владимир Яковлевич, шестнадцатилетней девушкой Беляева Мария Васильевна и многие другие. И хотя предприятию не хватало сырья, топлива, электроэнергии, а работающим — хлеба, соли, мыла и одежды, — все трудились с удвоенной, утроенной энергией. Среди них электросварщик Аношко Григорий Евстафьевич, награжденный впоследствии медалью «За трудовую доблесть», станочница Ухова (Аринкина) Анна Васильевна, которой было присвоено потом звание Героя Социалистического Труда.

Восстановительный период 1945—1953 годов характеризуется многократным увеличением выпуска лесопродукции и резким сокращением внутрисменных простоев. В 1947 году комсомольско-молодежная бригада, руководимая Владимиром Едуновым, заняла в социалистическом соревновании второе место в области и была премирована 750 рублями. Высокого звания «Лучший рамщик СССР» был удостоен В. Е. Попов, «Лучший столяр СССР» — И. Г. Гостев.

А завод, ставший уже лесодеревообрабатывающим комбинатом, продолжал строиться, расширяться и увеличивать производственную мощность. В 1964 году план по выпуску валовой продукции выполнен уже на 104 процента, выпустили дополнительно много мебели, в том числе 506 двухтумбовых столов и 2000 стульев.

14 августа 1965 года Зиминский ЛДК торжественно отметил свой полувековой юбилей. На многолюдном собрании, проходившем в Доме культуры им. Гринчика, доклад сделал директор ЛДК А. В. Мазаник, а затем со словами поздравлений и добрых пожеланий его коллективу выступили представители областного комитета партии, областного Совета депутатов трудящихся, а также ветеран труда ЛДК С. В. Май, секретарь Зиминского горкома КПСС Г. Я. Чихачев и станочница мебельного цеха Л. Лобanova. Большой группе передовиков были вручены Почетные грамоты и памятные подарки.

Большой праздничный концерт завершил это торжество.

Эти, ставшие уже историей, записи были сделаны Павлом Филипповичем Воробьевым к 50-летию ЛДК. А вскоре это передовое в городе предприятие было награждено орденом Трудового Красного Знамени.

С тех пор прошло уже 27 лет. Время неумолимо идет вперед. И вот что о сегодняшнем дне говорит директор ЛДК Анатолий Александрович Бронников.

В настоящее время на нашем высокомеханизированном предприятии трудится 840 человек. По-прежнему выпускаем, но только в большем количестве, пиломатериалы различных видов, тару для упаковки плодов, овощей и фруктов, клепку для бочек, полумягкий стул и детский стульчик, тарную и облицовочную рейку, но и другие товары, изделия домашнего обихода и народного потребления.

Свою продукцию лесодеревообрабатывающий комбинат поставляет в Ростовскую, Куйбышевскую, Пензенскую, Оренбургскую, Саратовскую, Московскую и Иркутскую области, в Краснодарский и Ставропольский края России, в Башкирию, а также в бывшие союзные республики, ныне страны СНГ — Украину, Азербайджан, Молдову, Кыргызстан, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан. Комплектную тару для овощей, фруктов и консервов направляем большей частью в районы Средней Азии, Северного Кавказа и Казахстана. Клепку для бочкотары поставляем на консервные заводы Дальнего Востока и на масложиркомбинаты, мясо-

комбинаты Иркутской области, технологическую щепу отправляем для целлюлозно-бумажного производства на Братский ЛПК и целлюлозно-картонный комбинат в Бурятию.

Из мебели ЛДК полностью обеспечивает Иркутскую область двумя видами стульев, а также отправляет в Якутию, Бурятию и частично в районы Дальнего Востока.

Гордость нашего коллектива — его ветераны, из которых 102 человека проработали свыше 30 лет, от 20 до 30 лет — 150 человек. В их числе станочница мебельного цеха Екатерина Иосифовна Григорьева проработала 34 года, Клавдия Ефимовна Солостова — более 30 лет, Иван Иванович Григорьев имеет трудовой стаж на ЛДК 30 лет. Более тридцати лет проработала бракером лесопильного цеха Мария Максимовна Яковлева. Да разве всех перечислишь!

На предприятии сложились трудовые династии. Например, рамщиком лесоцеха с 1957 года работает глава семьи Чумаков Владимир Романович, а его жена Чумакова Лидия Петровна трудится с 1962 года. Их сын Сергей отслужил срочную службу в армии, снова вернулся на ЛДК и стал работать шофером. Всего трудовой стаж семьи Чумаковых составляет 75 лет. Супруги Николай Самуилович и Ксения Александровна Кулженко проработали по 40 лет. Здесь же трудятся мастером мебельного цеха их дочь Шишкунова Людмила Николаевна и слесарем этого же цеха их сын Михаил Николаевич. Общий трудовой стаж этой семьи уже превысил 120 лет. Достойно трудятся династии Самороковых, Мирик, Серебро, Самковых, Фоминых, Лучихиных, Едуновых и многие-многие другие.

А теперь вернемся к архиву П. Воробьева.

Как Радищев Зиму проезжал

Первое упоминание о Зиме мы находим в «Записках путешествия в Сибирь». А. Н. Радищева. Великий русский писатель, революционер-просветитель, философ-материалист в 1790 году у себя дома в маленькой типографии напечатал свое произведение «Путешествие из Петербурга в Москву», где поставил проблемы будущей русской революции, за что и был сослан царским правительством в Сибирь. Следствие вела сама Екатерина II. Сек-

ретарь императрицы Храповицкий записал в своем дневнике:

«Говорено о книге «Путешествие от Петербурга до Москвы»... Открывается подозрение на Радищева... сказать изволила, что он бунтовщик, хуже Пугачева».

(Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 35. С. 580).

А. Н. Радищев был приговорен к смертной казни. Но, испугавшись общественного мнения, Екатерина II «помиловала» Радищева, сослав его «на десятилетнее безысходное пребывание в сибирский острог Илимск».

Когда Радищева везли на каторгу, он вел записи. В них он, в частности, упоминает, что, переехав 1 октября 1790 года реку Ию возле Тулун, дорога становится глаже и полистее, «но, переехав Оку при деревне Зима, проезжать надлежит степь, Братцкою именуемую...»

Из этой записи писателя можно сделать вывод, что деревня Зима, ныне Зима II, в 1790 году уже существовала как административный центр и «станец» для ямщиков.

Сибирь — край каторги и ссылки

Восточная Сибирь при царизме была краем каторги и ссылки. По Закону 1879 года, в основном сохранившемуся и имевшему силу вплоть до самой Октябрьской революции 1917 года, были установлены три разряда каторжан:

1. Бессрочные, осужденные на срок от 12 до 20 лет.
2. Срочные — от 8 до 12 лет.
3. Срочные, осужденные от 4 до 8 лет.

Первые, то есть бессрочные, заковывались в ручные и ножные кандалы, прочие же — только в ножные кандалы на разные сроки.

Интересен также такой малоизвестный доселе факт. Дело в том, что срок отбывания наказания каждого каторжанина делился на три составные части:

а) испытуемый — с наиболее суровым режимом содержания и ношением кандалов;

б) исправляющийся — несколько ослабленный режим и без кандалов;

в) внетюремный переходит от тюремного каторжного режима к поселению, но без права выезда на родину.

ну на определенный срок.

Побеги служили наиболее распространенным методом и способом избавления от каторги и ссылки. В подтверждение сказанного может служить известная всем нам старинная песня «Бежал бродяга с Сахалина» и многое других.

До 1825 года среднегодовое число ссылочных и последовавших за ними членов их семей в Сибирь составляло около 11 тысяч человек.

В 1900 году, кроме каторжан, ссылочных было 287 тыс.

После 1907 года только политкаторжан проходило по тракту до 6 тысяч человек.

Ссыльно-поселенцы за ничтожные проступки по усмотрению начальства получали до 100 ударов кнутом или розгами.

В 1884 году длясылочных была введена за более серьезные проступки даже смертная казнь.

Кимильтей — село старинное

Крестьянство Сибири не было однородным. В селах и деревнях наряду с беднотой и батраками имелись сельская интеллигенция, кулачество, купцы-ростовщики и другие слои населения. Вот как, например, выглядело большое сибирское село Кимильтей на рубеже XX века. В нем насчитывалось 400 крестьянских хозяйств с 1894 жителями. В основном это были старожилы. Так вот, 10 процентов крестьян вообще не имели лошадей, а у 15 процентов было 1—2 лошади и всего 3—5 гектаров земли.

В селе была и значительная группа поселенцев и переселенцев, треть которых имела не более двух лошадей и столько же коров. В целом же более половины крестьян были бедняками. В то же время 4 процента кулаков и зажиточных жителей имели около 20 процентов всей пахотной земли. Они же являлись владельцами водяных мельниц на Кимильтейке и различных торговых заведений.

Были в Кимильтее и политическиесылочные. В 1957 году во время капитального ремонта Детского дома (ранее в нем было церковно-приходское училище) были найдены большевистские листовки и прокламации. Из них отдельный оттиск четвертого номера «Социал-демокра-

та», а также извещение о конференции в Иркутске социал-демократических организаций России под заглавием «Наши задачи».

А вот что было написано в листовке «К учителям и учительницам».

«Коллеги! В то время, как не только передовые общества, но даже рабочие и крестьяне борются за свои права... многие из учителей и учительниц, к великому стыду своему, позорно бездействуют и тем самым способствуют еще большему порабощению того народа, кровью и потом которого мы все существуем. Неужели, видя и чувствуя эту борьбу, направленную к улучшению всей русской жизни и, следовательно, нашей, учительской, мы не должны признать ее для себя необходимой и обязательной...?»

Массовые же выступления крестьян села Кимильтей относятся к началу ноября 1905 года, а точнее — 2 ноября, когда в село съехалось много новобранцев и провожающих, перед которыми выступили учителя Сизых и Иванов. В своих выступлениях они разъясняли собравшимся смысл революционных событий в России и существование царского манифеста «17 октября», что манифест этот дан царем не добровольно, а вырван у него восставшим народом, и поэтому следует проявить еще большую активность в борьбе за землю и волю, за демократическое управление страной.

А вот что доносил Нижнеудинский уездный исправник Иркутскому губернатору.

«6 декабря в 12 часов дня в селении Кимильтейском на площади перед училищем собралась толпа человек 200, из которой ораторами были произнесены речи, а затем потребовали местного крестьянского начальника с предупреждением через депутатов, если он не явится, то его вытащат за ноги и тут же арестуют...» (Крестьянство Восточной Сибири в годы первой революции. 1956. Иркутск. С. 457).

9 января 1906 года в Кимильтее состоялся митинг, посвященный годовщине «Кровавого воскресенья» (расстрелу в Петербурге безоружных рабочих), на котором ораторы призвали крестьян следовать примеру рабочего класса и готовить вооруженное восстание. Это было последнее массовое выступление крестьян в селе Кимильтей в период первой русской революции 1905—1907 годов.

История Елохинской мельницы

Более 50 лет тому назад около пионерского лагеря «Тихookeанец» и на том самом месте, где стояло до последнего времени здание Зиминской ГЭС, находилась знаменитая на всю округу водяная мельница, принадлежавшая раньше двум кулакам братьям Григорию и Якову Елохинным. Их отец Степан Елохин до революции имел сто десятин посевов, три заемки, сорок лошадей, около 15 коров и две водяные мельницы. Около десяти наемных работников эксплуатировал он.

После Октябрьской революции по неизвестным причинам стоявшая на Зиме мельница не была у него конфискована, и он на старости лет отдал ее во владение своим сыновьям.

В 20-е и 30-е годы местные крестьяне, которые пользовались Елохинской мельницей, вынуждены были платить за размол своего зерна высокую плату, да к тому же еще часть муки мельники воровали, для чего под жерновами были сделаны скрытые от людских глаз специальные ковши, напоминавшие лотки. По ним-то и текла в мешки владельцев мельницы крестьянская мука, которую они затем продавали на зиминском базаре.

Однако вскоре мошенничество братьев Елохиных было пресечено и решением Зиминского народного суда конфискованная у них мельница была передана местному кооперативу. Тем не менее плутоватые братья начались перевозить в этот самый кооператив полученную на ней муку, присваивая солидную долю себе. А чтобы не было разницы в весе, они добавляли в муку камни, кирпичи и разные железяки, так как в мешках их не видно было.

Более того, верный слуга кулаков Елохиных, да к тому же старый друг их отца, работавший на ней мельником Чернов надолго вывел мельницу из строя, причинив большой вред ее владельцу-кооперативу. Братья же вдобавок сломали мост через ручей Халют, чтобы проезд крестьянских подвод стал невозможным. Зиминский народный суд строго наказал за все это братьев Елохиных, Чернов же, почувствовав неладное, быстренько скрылся и тем самым ушел от уголовной ответственности за свои деяния.

И еще. Многие годы Елохинская мельница была излюбленным местом зиминских рыбаков, которые всегда возвращались домой с богатым уловом, да и сама Зима

была в те далекие годы довольно рыбной рекой, как и ее старшая сестра — таежная Ока.

Как кулаки убили Шеметовича

В период коллективизации сельского хозяйства в селах и деревнях Зиминского района шла острая классовая борьба. Кулаки и подкулачники распространяли ложные слухи, вели активную антисоветскую пропаганду, стремясь всеми мерами помешать созданию сельскохозяйственных коммун и колхозов. Особенно модными были демагогические заявления и рассуждения, что, дескать, в них будут общие жены и спать будут под одним большим одеялом. Нередко совершались и террористические акты в отношении первых председателей колхозов, партийных и советских работников.

Именно такая страшная трагедия произошла однажды в Стебутовске. С 1927 года жил в этой деревушке уроженец станции Жадино Смолевичского района Минской области Владимир Васильевич Шеметович. Молодой, энергичный, работающий, он вскоре пришелся многим стебутовцам по душе и был избран членом Батминского сельского Совета. Потому-то и затаили на него местные кулаки большую злобу, и в особенности когда сельский Совет довел до них твердое задание по сдаче государству семенного зерна. И вот 11 апреля 1931 года братья-кулаки Платон и Михаил Лепетановы со своими сообщниками Печеновым и Сивко совершили злодейское убийство стебутовского активиста Владимира Шеметовича, нанеся ему 36 ножевых ран, приговаривая при этом: «Вот тебе твердое «задание»! Вот тебе распределение чужого хлеба! Вот тебе распределение семян!».

Бандиты после зверского издевательства над Шеметовичем спрятали его труп под деревянный мостик ручья Шанай. Осталась вдовой его молодая жена Александра Павловна Шеметович, а его дети — дочь Галина и сын Бронислав — сиротами.

Похоронен был Владимир Васильевич с большими почестями на стебутовском кладбище. Советский суд строго наказал убийц, а их главарь Платон Лепетанов был расстрелян.

На следующий год в Стебутовске был создан колхоз, которому было присвоено имя Шеметовича. Весной

1957 года он вошел в состав укрупненного совхоза «Зиминский», а через 10 лет стал отделением Батаминского совхоза.

МУЗЕЙ — ГОРДОСТЬ ЗИМИНЦЕВ

Еще лет двадцать тому назад один из посетителей Зиминского историко-краеведческого музея А. Морозов писал в «Приокской правде»: «Неоднократное его посещение привело меня к выводу, что нельзя умолчать о том, какое значение для зиминцев имеет музей. В музее перед тобой раскрывается мир с его прекрасным и трудолюбивым человеком — сибиряком, с его прошлым и настоящим, как боролся он с самыми различными трудностями на своем пути, которые он преодолевал в борьбе за свое существование, за лучшую жизнь...»

О возникновении музея и его работе рассказывает директор, учитель истории по образованию и старейший в Зиме краевед *Адия Ивановна Василенко*.

Краеведческой, а также поисковой работой я занимаюсь в общем-то уже очень давно. Еще в 1955 году по моей инициативе в средней школе № 7 был создан небольшой музей, который довольно быстро стал пополняться самыми различными экспонатами и историческими материалами. Среди них больше всего было о периоде гражданской войны и участии в ней зиминских партизан под командованием И. М. Новокшонова.

В связи с увеличением фондов музея в центре города по улице Октябрьской Зиминским лесхозом (директор Н. Ф. Тарасов) было построено новое здание, а накануне 50-летия Октябрьской революции, в ноябре 1967 года, в торжественной обстановке музей был открыт. В его создании особую активность проявили заместитель председателя городского Совета депутатов трудящихся П. П. Меринов, заведующий отделом пропаганды и агитации горкома партии П. Ф. Воробьев, редактор газеты Ю. В. Маяков, ветераны гражданской войны И. Ф. Василенко, Н. Т. Лузин, В. С. Клещенков, И. К. Зинатулин. Так, один из них представил в музей сохранившийся в домашнем архиве приказ по Томской железной дороге за № 55 от 31 августа 1918 года об увольнении

Группа слесарей паровозного депо в начале 30-х годов после завершения ремонта паровоза «Фита». Фото из фондов музея депо.

большой группы зиминских железнодорожников за участие в «государственном перевороте» и сочувствующих новой Советской власти. Другой принес в музей фотография похорон зиминца Павла Нестеренко, убитого при усмирении кулацкого мятежа на Троицком заводе. Не мало различных фотографий и архивных документов появилось на стенах музея, отражающих активную борьбу зиминских партизан с белочехами и каппелевцами.

В настоящее время в Зиминском историко-краеведческом музее шесть комнат, в котором многие экспонаты представлены в хронологическом порядке.

В первой комнате они рассказывают о возникновении первых русских поселений на земле Зиминской, здесь же уникальный в своем роде документ — «Ревизские сказки» — с первым упоминанием о ямщицком станце Зима в 1743 году. Этот исторический документ появился в фондах нашего музея совсем недавно. Здесь же целая коллекция старинных изделий, предметов быта и орудий нелегкого крестьянского труда. Среди них берестяные туески, гребни, прядлка, соха и даже самодельный ткацкий станок, а из одежды — женская льняная рубаха, какие носили раньше зиминцы.

Не меньшее внимание привлекают посетителей музея фотокопии и некоторые подлинные снимки революционных событий на станции Зима в 1905 году, в том числе членов стачечного комитета во главе с Феоктистом Бerezовским, похороны убитых 18 октября при разгоне митинга в кузнечном цехе депо кондуктора Воробьева и слесаря Доценко.

В комнате под № 2 в широком плане представлены многочисленные экспонаты гражданской войны в Восточной Сибири, и в особенности участие красных партизан в борьбе с колчаковщиной под руководством И. М. Новокшонова, Н. В. Дворянова, Д. Е. Зверева, Н. А. Бурлова и Н. А. Каландаришили. В одной из экспозиций этого зала — пулемет «Максим», хорошо известный многим зиминцам по кинофильму «Чапаев».

В третьей комнате собран разнообразный материал об организации в Зиминском районе первых сельскохозяйственных коммун и колхозов, о первой трактористке коммуны «Прогресс» Камешковой, о мастере хлебозаготовок из села Батама Власюке, ударническом движении в годы первой пятилетки (1928—1932) на железнодорожном транспорте и в сельском хозяйстве района.

Здесь же на одном из стендов несколько номеров газеты «Крестьянин» за 1923 год и девятый номер первой зиминской газеты «Серп и молот» за 15 января 1921 года.

Общественные инспектора и машинисты-инструкторы Зиминского депо Василий Квачик, Владимир Федотов, Николай Катасонов, Николай Устюжин и Гавриил Шипицын. Фото из семейного альбома Г. Шипицына. 1960-е годы.

Вообще, местной печати здесь уделено значительное внимание. Так, в газете «За большевистские темпы» напечатано несколько информаций и сообщений об участии комсомольцев лесозавода и паровозного депо в ударничестве и оказании помощи селу в уборке урожая, о лучшем кузнеце паровозного депо И. П. Михайлове, который за активное участие в стахановском движении был удостоен ордена Ленина, о передовом машинисте, члене ВЦИК, делегате XVII съезда ВКП(б) И. Ф. Вasilенко, отличившемся при вождении ударных поездов на Восточно-Сибирской и Забайкальской железнодорожных магистралях. Иван Федорович первый орден Ленина за № 123 получил еще в мае 1931 года, а второй — уже в 1951 году за безупречный труд при вождении тяжеловесных поездов в годы Великой Отечественной войны.

Здесь же посетители познакомятся с работой Зимин-

ской детской технической станции, узнают о ее воспитанниках — генерале Дворянском, полковнике Долганикове, зиминцах Шайтарове, Черняке, Лыбкань, Фадееве, братьях Шмайловых, отличившихся на боевом и трудовом фронте. Бессменным же руководителем ДТС был учитель физики и черчения городской средней школы № 7, недавно ушедший из жизни, Александр Яковлевич Синельщиков.

В других же комнатах музея широко представлены экспонаты, связанные с Великой Отечественной войной. Это фотографии, фронтовые письма и трудовые рапорты зиминцев. Среди них уникальные снимки первых зиминских добровольцев-девушек — секретаря райкома комсомола Валентины Яровенко, Веры Рубан, Веры Пучковой и Татьяны Ярцевой. На соседнем фотостенде — молодые зиминцы — защитники Москвы Игнат Орешкин, Александр Виноградов, прославленный летчик Алексей Гринчик, артиллерист Сергей Барапов и другие. Узнают посетители о защитниках Сталинграда, и тоже зиминцах, Борисе Глоба, Михаиле Зименко, Виталии Любавском, Петре Барапове, Петре Тищенко и Владимире Комарове, который в настоящее время возглавляет в Зиме городской Совет ветеранов войны и труда.

Здесь же и некоторые фотографии наших земляков — Героев Советского Союза. Из них Колодяжный, Беломестных, Алексеев и Лященко по сей день живут и здравствуют. Остальные же погибли в ходе жарких боев или скончались от тяжелых ранений и болезней уже в послевоенные годы.

Работа, проводимая Советом и активом музея, самая разнообразная. Это экскурсии по его залам, лекции и беседы, и не только в стенах музея, но и в школах, в трудовых коллективах и средних учебных заведениях города. И зачастую по конкретным темам: «Зиме — 250 лет», «Зима — таежная», «Зиминцы в годы революции и гражданской войны», «Зиминцы — Герои Советского Союза и трудового фронта», «Наш земляк — поэт Евгений Евтушенко» и т. д.

Добрый след остали о себе бывшие директора музея М. М. Дворянский, Н. И. Безносова и В. Л. Кузнецова. Именно в их бытность более чем вдвое увеличилось количество экспонатов, а главное — его посетителей.

«ОКИНСКИЕ ЗОРИ»

Зиминскую газету невозможно представить без ее многочисленного актива, рабочих и сельских корреспондентов и тем более без его литературного творческого объединения «Окинские зори».

Название это придумал на конкурсной основе один из активных его участников, зиминский прокурор Анатолий Шипицын, хотя сам не написал в газету ни одного, даже небольшого стихотворения.

В октябре 1992 года «Окинским зорям» исполнилось 30 лет. И с тех пор бессменно и весьма активно участвуют в нем многие любители поэзии, а среди них Нина Войновская и Татьяна Остапенко.

Еще лет 20 тому назад, делая литературный обзор творческого объединения, прозаик Владимир Гусенков и поэтесса Людмила Бендер писали в газете «Приокская правда»:

«...Хочется сразу отметить интерес местных поэтов и прозаиков не только к истории родного города, но и к его достижениям, к росту культурных сил, к тем, порой не громким, событиям, которые так или иначе вносят в уклад земляков живую струю перемен:

Здесь живу на зиминском просторе,
Если хочешь, свой дом покажу.
Мимо новой сплавной каторы
В райбольницу работать хожу.

Так начинает свое стихотворение «Край таежный» Нина Войновская. Стихи поэтессы порой еще угловаты по форме, не всегда в ладах с языком, но в сухости их упрекнуть нельзя. Они свежи, по чувству искренни и, надо прямо сказать, далеки от «проходящего штампа», часто мешающего молодым авторам выразить свое поэтическое лицо».

Да, стихи — ее призвание. Еще в средней школе ей повезло с учительницей литературы, которая сама страстью любила стихи и умела их читать. Нина заразилась этой любовью, а потом начала сочинять сама. Получилось! А вскоре она стала бессменным редактором школьной стенгазеты «За учебу». Впервые ее стихотворение «По Ангаре» было напечатано, когда она училась в шестом классе. После школы Нина работала на стройке, потом путевым обходчиком узкоколейки железной дороги Зиминского леспромхоза.

Если сегодня спросить Нину Петровну, почему все-таки она решила взяться за перо и избрала не газетную заметку, а стихи, она, пожалуй, и не ответит. Это, наверное, потому, что любое художественное или иное творчество — всегда тайна за семью замками. Богатая природная натура и отличная наблюдательность, а главное, страстное желание выразить свои думы и мысли словами открыли ей широкую дорогу к любимому творчеству. Тематика стихов Нины Войновской предельна проста и близка каждому. Она пишет о том, что ее окружает, волнует — родная сибирская природа, улица, на которой она выросла, люди, любимая работа. И конечно же, душевые переживания, окрашенные в лирические тона: здесь и любовь, и радость бытия, и горячая признательность родине за все то, чем счастлив человек. Природа же каждый раз предстает ее глазам по-новому, в разное время года она различна и по-своему хороша. Но этот лес, и речка, и любимая улица — не сами по себе, они обязательно даны в связи с человеком, его думами, стремлениями, радостями и огорчениями.

Не потому ли поэзия Нины Войновской уже давно была по достоинству оценена зиминцами. Она продолжает выступать со своими стихами не только в газете, но и на встречах со школьниками, студентами, рабочими.

Вот некоторые из ее стихотворений.

Я — зиминка

Ты, похожая на лето,
Хоть в снегу твои дома.
Вся горишь электросветом,
Беспокойная Зима.
Я — зиминка, я — зиминка,
Своим городом горжусь,
Невесомые снежинки
На ладонях подержу.
Манит узкая тропинка...
В бор сосновый побегу.
Я — зиминка, я — зиминка,
Всей душой люблю тайгу!
Интересную работу
В каждом деле узнаю.
И пишу соленым потом
Биографию свою.
Я — зиминка... и без лени

Всю романтику вложу —
Очень вкусные пельмени
По тарелкам разложу.
Принесу вам булки, вафли
И такие калачи.
Что зиминским полем пахнут.
Ешьте! Теплые, с печи.
Я — зиминка, в две змеинки
Распушу свою косу.
На подснежниках росинки
В дом с букетом принесу.
Я — зиминка, я — зиминка.
«Любит? Нет?» — поворожу...
Недотрежкой, лебединкой
На свиданье выхожу...
Небо, солнце и слезинки —
Все в одно смешал прибой.
Я — зиминка, я — зиминка
С интересною судьбой.

Я — сибирячка

Я — сибирячка. И с колыбели
Песни мне пели сосны да ели.
Сказки зимою пурга говорила,
Синее небо глаза подарило.

Щеки мои подрумянила зорька,
Климат характер мне выковал стойкий,
Я — сибирячка, я закалилась,
Значит, не даром в Сибири родилась.

Едут в Сибирь из Москвы, Ленинграда,
Я — сибирячка, мне ехать не надо.
Сердце пронизано чуткой заботой:
Видишь, товарищ, сколько работы?

Видишь, товарищ, Сибирь-то какая?
Нет у тайги ни конца и ни края —
Нивы да шахты, горы да реки...
Много работы еще человеку.

Я — сибирячка! Я встану с рассветом,
Сбегаю в поле за свежим букетом.

В речке умоюсь студеной водой
И на работу пойду молодой.

Песня от самого сердца польется,
Все о Сибири в той песне поется,
Я — сибирячка с косами русыми,
Парень влюбился в меня с Белоруссии.

С милым мы всюду плечо к плечу,
Большего счастья я не хочу.
Я — сибирячка, я закалилась,
Как хорошо, что в Сибири родилась...

Тишина

Повяжу платок, надену валенки
И следы оставлю на снегу.
С трепетом в груди, как будто маленькая,
На Окинский остров побегу.
Выпорхнет испуганная птица —
Снежная пыльца за нею вслед,
И на лапы в белых рукавицах
Розовый опустится рассвет.
Побреду по заячьей дорожке,
Не одна я в сказочном лесу:
Я с собой в березовых сережках
Томик недописанный несу.
Что б сейчас сказал Сергей Есенин,
Если б видел, что передо мной
Бронзовыми блестками усеян
Снег под великаншею-сосной.
Ах, метель, явилась белоногая,
Все смешала в снежной кутерьме...
Я бы тоже рассказала многое
Об особенной зиме в Зиме.
Мне не трудно, рассказать все можно...
Потому, наверное, молчу,
Что, красою дикой заворожена,
Тишины нарушить не хочу.

Мой город

Дни за днями время нижет звеньями,
Ну а в нем не угасает жизнь.
Город мой с бревенчатыми стенами
Новые возводит этажи.

Город мой, колясочный и ранцевый,
С горною окинскою водой.
Мой любимый город снежно-глянцевый,
Солнечный и вечно молодой.

Здесь живу я, постоянно радуясь
Перекатам, что творит Ока,
Из саранок выпорхнувшей радуге,
Зорьке — из зиминского жарка.

«Тебе, Зима, ее стихи» — так можно охарактеризовать поэтическое творчество Татьяны Александровны Остапенко. Родилась она в 1911 году в Зиме. С ранних лет много читала. Первыми поэтами, с которыми познакомилась по книгам и журналам, были Фет, Тютчев, Надсон. Свои первые два стихотворения она написала в 12 лет. Значительное влияние, по словам Татьяны Александровны, на формирование ее литературных склонностей оказала семья зиминцев-старожилов Штановых, у которых была большая домашняя библиотека с книгами русских и советских поэтов. Большую часть своей жизни Татьяна Александровна отдала счетно-бухгалтерской работе в Зиминской центральной сберегательной кассе, занималась общественной работой.

Хорошо знают зиминцы Т. А. Остапенко и как активного члена творческого объединения «Окинские зори». Она встречается с любителями поэзии в школах и на предприятиях города, дает добрые советы начинающим авторам.

Многие стихи Татьяны Александровны были написаны по просьбе редакции к первомайским и октябрьским праздникам, к женскому дню 8 марта и к другим знаменательным датам и событиям.

А я пишу стихи по заданию,
К разным датам — вошло в привычку.
Я слагаю стихи, как здание,
Начиная с земли, по кирпичку...

Вообще литературное творчество Татьяны Александровны очень доходчиво, воспринимается легко. Всего в

зиминской газете было опубликовано около 400 стихотворений Татьяны Александровны.

Новый год в Зиме

Намела зима сугробы у ворот,
По сугробам к нам приходит Новый год.
Видно, белая такая тишина
Для рождения хорошего нужна.

Поэтическая сказка — Новый год!
Сказки любит, сказкам верит наш народ.
Верит в чудо — и приходят чудеса,
В даль любую, через горы и леса.

Перейдет сегодня тонкий белый мост
Вездесущий милый дедушка-Мороз.
Ровно в полночь он опять команду даст,
Чтобы вспыхнули все звезды счастья враз.

В светлый праздник чтоб за стол широкий сесть —
Это счастье настоящее и есть.
Хорошо среди снегов — зимы щедрот —
Встретить в городе Зиме свой Новый год!

Город моей мечты

Музыка Н. Дивеевой

Мчатся тройки, в гривах пена.
Впереди видны дома.
Постоялый с клоком сена —
Это — Старая Зима.

Припев:

Пой, Зима, сибирский город!
Город, полный теплоты,
Пой, Зима, сибирский город.
Ты будешь скоро светлым городом мечты!

Паровоза крик протяжный
Разбудил мою тайгу.
Встал вокзал одноэтажный,
Мост, похожий на дугу.

Припев:

Мчится время резвой тройкой,
Разгоняя злую тьму.
В эти дни мы строим город,
Город сказочный — Зиму!

Припев.

Песня о Зиме

На сибирской реке — на Оке,
Где Саяны видны вдалеке,
Кто впервые построил дома
И придумал название — «Зима»?

Припев:

Зима, Зима таежная
Делами хороша.
Простая ты и сложная,
Сибирская душа!

От дыханья могучей тайги
Здесь и люди сильны и строги.
Круглый год — и зимой и весной —
Здесь на улицах пахнет сосной.

Припев.

После шумных и хлопотных дней
Вечерами здесь игры огней,
И, склонясь над окинской водой,
Город песней звучит молодой.

Припев.

Пусть наш город пока небольшой,
Пусть Зима, но с весенней душой.
Он в снегах, погруженный в мечту,
Как черемуха в белом цвету.

Припев:

Зима, Зима таежная,
Делами хороша.
Простая ты и сложная,
Сибирская душа!

Люблю свой край

Люблю свой край и не таю,
Что все нежнее год от года.
Счастливцы! Мы живем в краю,
Где дышит свежестью природа.
Вблизи от нас — зеленый храм,
Храм красоты, где с нею встречи
Курят целебный фимиам
В обхвата два литые свечи.
Грибная прель... Густая смоль,
Настои мха с хмельным, медовым, —
Как пластырь на любую боль, —
Придешь больным, уйдешь — здоровым!
Таят брусничные ковры
Нектары вин темно-бордовых,
Из-под березовой коры
Стекает смесь лекарств готовых.
Через болотный бурелом
Спешат к нам елочки живые,
Свет преломляя под углом,
Где все как будто бы впервые.
Нашел ли хитрый белый гриб,
Открыл ли заросли черники,
Губами сердца к ним приник,
Стал сам собой как кустик дикий.
Для зорких глаз — секретов нет,
А слабым — их чутье подскажет.
Придешь к березе с грузом лет,
Уйдешь — на десять лет моложе.
Как мать-природу не любить,
Мы все ее живые дети,
Как можно к ней жестоким быть,
Как злом на доброе ответить!

Батаминские поля

За машиной вслед кружились
Сосны, ели и земля,
Разбежался лес, открылись —
Батаминские поля.

Вот одно: открылось диво —
Все в просчитанных валках —

Всюду убрана пшеница,
Вся сполна, до колоска!

А с другим еще не кончен
У комбайна разговор.
И к закату только звонче
Заливается мотор.

Стал комбайн и жаром пышет.
Комбайнер! Испей воды.
С каждым часом ближе, ближе
В Батаме конец страды!

Кроме Нины Войновской и Татьяны Остапенко, членами творческого объединения «Окинские зори» являются многочисленные любители поэзии, чьи стихотворения печатала газета «Приокская правда». Многие из них интересны с литературной точки зрения, но прежде всего привлекают размышления авторов, в которых отражается их внутренний мир, их гражданская позиция, видение происходящего.

Ольга Рабенок

Зима в Зиме

Шагает ночь по улицам безмолвным,
Считает звезды в небе тишина,
И смотрит вниз восторженно, влюбленно
Сияющей окружностью луна.

В садах заиндевевших веток чары,
На лужах — твердый лед и мягкий снег.
Весна — красна, а все-таки недаром
Зиму прославил русский человек.

Таня Щербак

Дорогая сердцу Сибирь

Я здесь, у берегов Оки,
Росла, любя природу с детства,
Дружила с синевой реки,
Текущей с лесом по соседству.

Я вся привязана душой
К сибирским необъятным далям.
С любовью искренней, большой —
О них поэты написали.

И как, скажите, не любить
Березку в лепестках весенних?
И можно ли на свете жить
Без летних зорь, дождей осенних?

И если мне придется вдруг
С сибирской ширью рас проститься,
Я к ней, как лучший друг, приду,
Чтоб на прощанье поклониться!

Валентин Юрченко

Песня о Кимильтее

Над селом опускается вечер,
В сердце радость, и хочется петь,
Эту песню простую при встрече
Под баян мы решили пропеть.

Припев:

Кимильтей, Кимильтей,
Нет дороже тебя и милей,
И мы любим тебя все сильней,
Наш старый, родной Кимильтей!

На счастливой земле мы родились,
Здесь, в сибирском селе Кимильтей,
Вырастали, мужали, учились,
Становились сильней и умней.

Припев.

Если ты не бывал в Кимильтее,
К нам работать и жить приезжай.
Кто приехал сюда — не жалеет,
Полюбив всей душой этот край.

Хороши вечера в Кимильтее,
Огоньки так и манят к себе...

Заходи в любой дом поскорее,
Мы споем эту песню тебе!

Припев.

Дмитрий Обухов

Песня зиминских журналистов

От саянских отрогов по реке по Оке
Пролегают дороги по полям, по тайге.
Нет нигде такой дали у зиминской земли,
Где бы мы ни бывали, где бы мы ни прошли.

Припев:

Пускай, пускай мы едем не в Антартику,—
Всего-то лишь в деревню Кимильтей,
Но мы и здесь найдем свою романтику,
Романтику вперед бегущих дней.

Забывалась усталость, нет и мысли о сне,
Мы по лесу мотались, по лугам и стерне.
И не раз так бывало: труден путь и далек,
А всего-то рождалось, может, несколько строк.

Припев.

Нас бураны шатали, обжигали ветра,
Под сосною мы спали, пили чай у костра.
И хоть с ног мы валились ради нескольких строк,
Но в «Приокскую правду» мы сдавали их в срок.

Припев.

Иван Расторгуев

Ночная тишина

Трещат дрова, мерцают звезды,
На небе — полная луна.
На мхе, осиннике, березах
Лежит ночная тишина.

Уснуло все. И бездна даже
Не вздрогнет легким ветерком.
Большой Медведицы все там же
Проходит след большим ковшом.

А я не сплю (клокочет чайник,
Пуская парную струю),
Чтоб услыхать, как утром ранним
Разбудит дятел тишину.

Михаил Михайлов

Расцветает Зима

Загорелась заря, загорелась не зря,
Солнце всходит над Красной горою,
И глядит на дома, расцветает Зима —
Молодой городок с сединою.

В вышине, в облаках, машет крана рука,
И колотит, колотит наш молот...
Там внизу седина, там Зима-старина,
А вверху новый сказочный город.

Рядом плещет река, дочь Саянов — Ока
Плещет светлой игривой волною,
И приходится нам молодеть, как Зиме,
Вместе с нашей родной стороною.

Расцветает Зима, солнце смотрит в дома,
Юность в улицах с радостным взглядом.
И у светлой реки — у саянки-Оки,
Будет наша Зима Светлоградом.

Александр Ковтоногов

Люблю свой край

Люблю Сибирь, люблю свой край таежный,
Суровость зим, весенних гор расцвет,
Она как мать, и верю я надежно —
Останусь верным ей на много лет.
Пришлось опять мне с нею быть в разлуке,
Но не забыть мне, как ни долг срок,
Ковры лугов, тайги бескрайней звуки,
Студеных рек стремительный поток.
К земле моей не будет сердце немо,

Пройду не раз по берегу Оки,
Она прочтет мне синюю поэму,
Луга подарят яркие стихи.
Недолгий путь проделав по планете,
Вернусь домой хоть летом, хоть весной,
И ты поймешь, что нет земли на свете
Такой прекрасной, как мой край родной.

Наталья Петухова

Зимнее поле

И опять все поля опустели,
Ни единой души не слыхать,
Только кружат порою метели —
Свету белого не видать.

А зима свои правила знает —
Так расщедрилась через край,
Землю белым ковром покрывает
И баюкает: баюшки-бай.

Ты не плохо сей год уродила,
Превосходнейший был урожай,
А теперь ты покой заслужила,
Спи, кормилица, отдыхай!

Надежда Черепанова

Знакомая картина

Жгли костры вначале, землю отогрели,
Днями и ночами те костры горели.
И кипело дело, техника гудела.
Вырыли на славу длинную канаву.

Радовались сами, как трудились рьяно,
И скорей вписали в выполненье плана.
Шла зима по праву быстрыми шагами,
В феврале канаву замело снегами.

Вот весна стучится — ох и озорница —
Залила канаву мутная водица.
Разлилась канава — ширина морская!
Для ребят забава — корабли пускают.

Оседала глина рыжими пластами,
И канавы длинной к осени не стало.
Вот мороз удалый в декабре удариł,
Заковал на славу старую канаву.

Вновь костры горели, землю отогрели,
Снова, как вначале, закипело дело,
Днями и ночами техника гудела,
Рыли неустанно, вырыли: готово!

В выполненье плана записали снова,
Длинная канава, рыжие бока,
Всем в Зиме знакомая картина,
Не начать ли сказочку про белого бычка?..

Юрий Луковников

Песня зиминских туристов

Надоел нам домашний уют,
Крыша старого тихого дома,
Нам подвластен далекий маршрут
И любая тропинка знакома.

Мы, туристы-зиминцы, веселый народ,
Любим песни попутчика-ветра,
Все живущее песни поет:
И столетние сосны, и кедры...

Дунул свежий в лицо ветерок,
От Оки потянуло прохладой.
Нет, турист не устал от дорог —
Шар земной обойти ему надо.

Надоел нам домашний уют,
Стены старого мрачного дома,
Нам подвластен далекий маршрут
И любые дороги знакомы.

Ока моя родная

Я обниму тебя, река моя родная.
Приподниму, прижму к щеке,
Спрошу:
— О чём грустишь, речушка дорогая?
Ты мне скажи, быть может, я пойму.
И ты шепнешь про все свои печали,
Про всю свою тяжелую судьбу:
Что душат бревна —
давят твою душу.
Что стоки губят
всю голубизну.
В ответ сказать всю правду —
Я не в силах.
За это ты меня прости... Прости...

Василий Бабий

Тиман-ручеек

Тиман, Тиман — ручеек,
До чего же ты жесток:
Снес мосты на всем пути,
Негде жителям пройти.

Не жесток я, но порой
На строителей я злой.
Не мои же в том грехи,
Что мосты кругом плохи.

Чуть успел его задеть —
Был мосток и вижу — нет,
Подбегаю и — второй
Уплывает за водой.

Третий тоже в воду пал,
И четвертый боком встал.
Что-то я не разобрал:
Кто при этом сглуповал?

Говорят, что Учдорстрой,
Те кричат: «постой! постой!»
До мостов у нас нет дел —
Обратитесь в Доротдел.

Те и слушать не хотят —
Горкомхоз, мол, виноват.
А зиминцы каждый год
Переходят Тиман вброд.

Геннадий Князьков

Поиграй, гармонист

Поиграй веселей,
Гармонист молодой,
У девчат на селе кончен день трудовой.
Позови поскорей ту, которую жду,
Повидаться я с ней
В сад зеленый приду.
С ней в саду посижу,
Где задумчивый клен.
В этот вечер скажу,
Как в нее я влюблен.
Поиграй веселей, гармонист молодой,
Чтоб гуляли в Услоне
Свадьбу этой весной!

Иван Карлов

Сельский почтальон

Огоньки, огоньки на Оке,
Они всюду видны за рекой.
Огоньки, огоньки вдалеке
Обещают тепло и покой.

В небесах ни звезды, ни луны,
Небеса, словно сажа, черны.
Ни тропы, ни травы не видать —
До утра бы ему подождать!

Но не ждет он! Привычно спеша,
Переполненной сумкой шурша,

Он несет, беспокойства гонец,
Огоńki человечьих сердец.

Бланки «молний», приказам под стать,
По ночам не дают ему спать.
И махнул он, как видно, рукой
На уют, на тепло и покой,

Огоńki, огоńki в поздний час
Он несет в непроглядную тьму...
Если в полночь разбудит он вас —
Вы скажите «спасибо» ему!

Василий Стадымов

Станция Зима

Поезд наш натруженный
На стыках рельс стучит,
И, словно как разбуженный,
С ветрами говорит.
Весна ему мигнула,
Жаркими расцвела,
И лето промелькнуло,
И осень уплыла.
Вдруг поезд скорость срезал,
Вагонами звеня,
И замер на заснеженной
Станции Зима.
Здесь в колокол ударил
Кудлатый дед-Мороз;
Год новый просигналил:
Вперед, электровоз!

Тамара Сергиенко

Признание

Я вернулась к тебе, как птица,
Мой задумчивый город Зима.
Я же знала: мне будут сниться
Твои люди, твои дома.

В неумолчном, горячем гаме,
Где усталые нотки слышны,
Приходили мне часто на память
Дни рассветной твоей тишины.

Возле клубм прихотливого парка,
Где кичился оранжевый цвет,
Мне хотелось оспаривать жарко,
Что жарков наших искренней нет.

И людей наших искренней тоже
Я не встретила в шумном краю,
Оттого оценила дороже
Безыскусственность эту твою.

Владимир Горлов

Здравствуй, город!

За окнами звенит апрельский ветер,
Тайга плывет, проносятся дома.
И редкий снег под солнцем ярок, светел,
И скоро будет станция Зима.

Давно здесь не был. Лет прошло немало,
Уж взрослым стал, полсвета повидал.
И если честно, если без обмана,
То не всегда свой город вспоминал.

А поезд мчит, мелькают перелески,
Московский тракт — все тот же, как всегда,
Разбитый, без асфальтового блеска,
Но что-то в нем совсем уже не так.

Спешат машины тесной вереницей,
Шоферы машут вежливо рукой.
И сердце начинает резко биться;
Не сон ли это? Что это со мной?!
Моряк балтийский, ты совсем, братишка,
От счастья стал немыслимо шальной,
Вдруг ход замедлил, и все тише-тише...
Застыл мой поезд...
Здравствуй, город мой!

ЗИМА — САЯНСКУ

Да, каждый город имеет свою историю.

Наша Зима начиналась с небольшого ямщицкого станца на Московском тракте, который затем перерос в большое село.

Второе рождение Зимы связано с проведением здесь на рубеже XIX и XX веков железной дороги, по обе стороны которой из небольшого пристанционного поселка и стал расти город. Впрочем, в прямом смысле этого слова городом он стал уже в наши дни.

По сравнению с другими городами области, скажем, с Братском и Ангарском, наш город растет очень медленно. И тем не менее Зиме постоянно пророчили большое будущее. То со строительством в районе Братской протоки конфетной фабрики, то шелкового комбината возле деревушки Челябя.

И вот, словно снег на голову, 9 августа 1968 года областная газета «Восточно-Сибирская правда» помещает большую статью заведующего промышленным отделом обкома партии В. Романова «Быть Зиминскому химическому», которая начиналась с таких слов:

«Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О создании крупных установок по производству важнейших полимерных материалов и полупродуктов для них». В нем предусмотрены строительство и ввод в действие в 1970—1975 годах крупных установок по производству полимеров, полу- продуктов для них, а также трубопроводных систем для транспортировки этилена и этана.

Министерству химической промышленности СССР

поручено приступить в 1968 году к сооружению Омского завода пластических масс и Зиминского химического комбината... Пройдет не так уж много лет, и люди, приехавшие в старинный город Зиму, увидят не древние деревянные постройки, а большой современный город с домами в пять, девять, двенадцать этажей, где будет жить более 200 тысяч человек. Город с широкими асфальтовыми проспектами и скоростным пассажирским транспортом, это будет Зима, но уже не совсем прежняя: город, уже переживший два рождения. По соседству с ним раскинется корпуса одного из крупнейших в стране химических комбинатов. А на карте нашей области появится новый центр электрохимии и производства минеральных удобрений, выросший на базе богатейших месторождений каменных солей и апатитовых руд... Поэтому уже с 1 июля 1968 года трест «Зимахимстрой» начал свое официальное существование. Возглавляет его один из опытных инженеров Юрий Яковлевич Васин, руководивший строительством многих крупных объектов на Ангарском нефтехимическом комбинате...»

Зиминцы на первых порах не знали, что делать: радоваться ли им такому событию или огорчаться.

Однако оптимистический прогноз В. Романова затянулся надолго. Уже через несколько лет зиминцы стали замечать, что с их городом ничего подобного не произошло, так как после возведения своей первой опорной базы — микрорайона «Ангарский» — строители треста «Зимахимстрой» как-то сразу охладели и на 180 градусов повернулись лицом к Саянску. Но это уже — история, о которой мы коротко и расскажем.

Не успели зиминцы еще опомниться от газетной статьи в «Восточке», как «Приокская правда» вскоре помещает доклад только что назначенного директора Зиминского электрохимического комбината Н. П. Ворожейкина на совещании строителей треста «Зимахимстрой» под броским заголовком «Что дает стране Новая Зима». Он, в частности, сказал, что крупнейший в стране химический комбинат будет выпускать самую разнообразную продукцию, необходимую в кабельном производстве, изготовлении пластмасс, отделочных материалах и даже тканях... И что комбинат будет работать на природном сырье — поваренной соли, запасы которой в земле зиминской безграничны... И что в одном из Ленинградских проектных институтов градостроительства завершается проектирование нового города на Оке, который уже

через три года будет заселяться рабочими, специалистами и инженерно-техническими работниками большой зиминской химии.

Оказавшись весной 1969 года в Ленинграде, я встретился с главным архитектором будущего города на Оке Р. А. Мирзоевым. Он с вдохновением стал рассказывать, каким он видит город не только на макете, но и в действительности.

— Но вы почему-то ничего не сказали о Зиме,— осторожно спросил я его.

— Зиму мы не обидим. В ней тоже кое-что начнем строить, и даже свяжем ее с будущим городом скоростным трамваем,— ответил Рустам Алиевич.

И буквально с первого колышка зиминские журналисты начали освещать трудовые будни крупнейшего в городе предприятия треста «Зимахимстрой».

Их отдельные статьи, репортажи, интервью с руководителями стройки по сей день не потеряли своей актуальности.

ПЕРВЫЙ ФУНДАМЕНТ

Еще в середине ноября 1968 года на пустынное застывшее поле на окраине нашего города пришли первые строители будущего микрорайона «Ангарский». А теперь это место не узнать. Появились походные домики, большая передвижная электростанция, землеройные и строительные машины, механизмы. А с наступлением вечерней темноты зажглись прожекторы, в свете которых мы увидели движущиеся со строительными материалами грузовики и копавшие мерзлую землю работяги-эскаваторы. Наконец на площадке появился новый самосвал. Ее водитель, бывший ангарчанин Александр Галикбаров уверенно развернул свою машину и скатил ее в котлован. А спустя некоторое время, под основание первого пятиэтажного 80-квартирного дома вместе с горячим бетоном полетели серебряные монеты... И пусть не было в тот морозный декабрьский вечер громких речей, не звенела медь духового оркестра, этот исторический для Зимы момент не потерял своей значимости. Да и мысли у всех присутствующих при закладке фундамента первого в микрорайоне «Ангарский» многоквартирного дома были одинаковы: «Начало положено!». «Расти отныне Новостройке!»

Ренат Великанов. Приокская правда. 1968. 17 дек.

Жилые дома в микрорайоне «Ангарский». Фото А. Бухарова.

РАСТЕТ МИКРОРАЙОН!

По улице Ленина идут и идут одна за другой груженные кирпичом, бетоном и другими строительными материалами автомашины. Их путь — микрорайон «Ангарский», где раньше горожане пасли скот и садили картошку. Теперь же здесь высится первое пятиэтажное здание, которое до нулевого цикла монтировала бригада Владимира Николаевича Пирогова. В ней 30 человек, и почти все местные — земляки, для которых новаястройка стала настоящей школой современного домостроения. Однако приехавший начальник участка молодой инженер Семененко возбужден и раздражен: поставщик бетона Зиминский завод ЖБИ его явно задерживает, а поэтому комплексная бригада Владимира Пирогова и монтажная Павла Дворовкина при увеличении фронта работ будут простоявать.

Дмитрий Обухов.
Приокская правда, 1969. 20 мая.

ЭТАЖ ЗА ЭТАЖОМ

С приходом весны еще оживленнее стало на строительной площадке микрорайона «Ангарский», где основным производителем работ является СУ-2 треста «Зимахимстрой». Здесь растут этаж за этажом, дом за домом. Так, в доме № 2, здании-первенце, электрики МСУ-76 заканчивают электропроводку, а сантехники МСУ-41 приступили к монтажу водопровода, теплосети и канализации.

На новом объекте — доме № 3 (второй по счету) — также успешно трудится бригада монтажников Виктора Зенина.

Яков Веселов.
Приокская правда. 1969. 24 мая.

ПРОШЕЛ ОДИН ГОД

25 июля 1968 года был создан наш трест. С тех пор прошел ровно год. Мы приняли принцип строительства без временного сооружения жилья и строго придерживаемся его, хотя первый строительный десант, прибывший в Зиму, насчитывал всего 20 человек. Сейчас же в тресте 1700 человек.

За год мы построили разгрузочную базу в Зиме, складское хозяйство, конторы СМУ-15 и СУ-3, столовую. В стадии окончания разгрузочная база на станции Перевоз и два жилых 80-квартирных дома в микрорайоне «Ангарский».

Задачи же, стоящие перед коллективом треста, грандиозны. За пятилетку 1970—1975 годов мы должны построить химкомбинат, ТЭЦ, промбазу строительной индустрии, новый город на Оке, провести туда автодорогу и железнодорожный путь, соорудить мост через Оку...

Хотя с опозданием, но скажу, что в первом строительном десанте, прибывшем 28 июля прошлого года из Ангарска в Зиму, водителями автоколонны были Купреев, Синичкин, Харисов, Комаров, Проскуряков, Новоселов, Кадилин, Москвин, Чучуев, Гагулин, Савельев, Барчук, Куклин, Востриков, Козлов, Золотухин. Десант

возглавляли заместитель главного инженера В. А. Фаличев и парторг стройки Б. В. Бабушкин.

Ю. Васин, начальник треста «Зимахимстрой».
Приокская правда. 1969. 24 июля.

НОВЫЙ АДРЕС

...Уже не узнать бывшего пустыря, что был раньше на месте стоящегося микрорайона «Ангарский»... Государственная комиссия прежде чем подписать акт о приемке в эксплуатацию первого 80-квартирного дома, по-работала основательно. Проверка была тщательной, ведь от хорошей его подготовки к зиме будет зависеть успешный ввод в строй других зданий.

— А по какому адресу отправлять корреспонденцию новоселам? — спросил один из членов приемочной комиссии.

— Микрорайон «Ангарский», дом № 2, — с улыбкой ответил начальник треста «Зимахимстрой» Ю. Я. Васин. — Ведь временное помещение для почтового отделения тоже уже почти готово... А первыми новоселами дома № 2 стали экскаваторщик из Байкальска Анатолий Васильков, помощник машиниста экскаватора Николай Силаев и бульдозерист Владимир Бутаков.

Ренат Великанов.
Приокская правда. 1969. 17 дек.

ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД ЗАЛОЖЕН...

Накануне нового 1970 года исполкомы Зиминского городского и районного Советов депутатов трудящихся заслушали сообщение главного архитектора города Новая Зима (пока это условное название) Р. А. Мирзоева о застройке его первого микрорайона.

Новый город будет размещаться в нескольких километрах от реки Оки в живописной местности в районе Буринской лесной дачи. Расчетная численность к 1975 году составит 56 тысяч человек, а через 20 лет — 200 тысяч. (Как видим, сейчас эти цифры оказались намного завышены.— А. Б.) Строительство молодого города

связано с возведением в окрестностях нынешней Зимы комплекса крупнейших предприятий химической промышленности. Транспортные связи между Новой Зимой и Старой Зимой, а также промышленными объектами и предприятиями будут осуществляться как по автодорогам, так и по электрифицированной железнодорожной ветке. Главную площадь и центр города планируется разместить на пересечении магистральных улиц, связывающих его с промышленным комплексом и предприятиями легкой и пищевой промышленности. Дома будут возводиться, как правило, в 5, 10 и 14 этажей.

Зоны отдыха и физкультурно-спортивные сооружения в основном разместятся в пойме реки Оки и близлежащих озер...

Василий Овчинников, председатель городской
плановой комиссии.
Приокская правда. 1970. 6 янв.

ДЕСАНТ В НОВЫЙ ГОРОД

Репортаж рейдовой бригады газеты

30 марта на одной из площадок микрорайона «Ангарский» состоялся митинг, посвященный отправке первого груза на строительство Нового городка на Оке. На нем со словами напутствия к строителям и водителям автоколонны выступили начальник треста «Зимахимстрой» Ю. Я. Васин, заместитель председателя Зиминского горисполкома П. Г. Юшманов, бригадир монтажников П. Ф. Дворовкин, начальник автобазы треста В. И. Выборов и другие.

Еще накануне на высоком берегу Оки, там, где поднимется первый пятиэтажный дом, инженер-геодезист В. Колычев и геодезисты Х. Харисов и Ж. Мочалова забили ветки-колышки. А со временем здесь встанут еще восемь пяти- и девятиэтажных домов, средняя школа, магазин и ряд других объектов. Именно сюда, на опушку столетних сосен и густой поросли березняка и был доставлен этот почетный груз. Но это была окраина будущего города, чудесного города! А пока — это был первый рейс.

Члены рейдовой бригады Р. Великанов, В. Тунин,
А. Бухаров.
Приокская правда. 1970. 1 апр.

Кафе «Русская сказка» в микрорайоне «Ангарский».
Фото Г. Позднякова.

ПЕРВАЯ ПАНЕЛЬ

22 апреля 1970 года, в день столетия со дня рождения В. И. Ленина, в красивом живописном месте был заложен Новый город, в котором будут жить строители и трудящиеся строящегося химического комплекса. Это торжественное событие положит начало грандиозному строительству, которое в ближайшее время развернется здесь.

На многолюдном митинге, посвященном такому знаменательному событию, выступили первый секретарь Зиминского городского комитета партии Н. Михайлов, главный архитектор проекта Нового города Р. Мирзоев, начальник треста «Зимахимстрой» Ю. Васин, бригадир монтажников П. Дворовкин и другие товарищи.

Однако центральным событием этого дня была укладка первой панели в первый пятиэтажный дом. Под звуки марша и громкие аплодисменты всех собравшихся устанавливается эта первая панель и замирает на прочном фундаменте, крепко прихваченная металлическими держателями. Строительство Нового города начато! Здесь же зачитывается письмо-обращение, адресованное жителям 2000 года, замурованное затем в цоколь фундамента первого строящегося здесь здания. Вскоре с мемориальной доски снимается легкое покры-

вало, на доске издалека видна яркая надпись: «Город заложен 22 апреля 1970 года в честь 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Строительство города началось возведением этого дома».

С. Пугавко
Приокская правда. 1970. 25 и 28 апр.

ГОРОДУ НА ОКЕ — ХОРОШЕЕ ИМЯ

В связи с сообщением в центральных, областных и районных газетах о начале строительства города на Оке в редакцию устремился поток писем с советами и предложениями, чтобы дать ему хорошее имя; всех их перечислить практически невозможно. Вот только некоторые из них:

«Предлагаю Новый город назвать Восточносибирск или Окинск. М. Захаров, житель Зимы».

«Лучшего имени, как Новозиминск, вам, сибирякам, не найти. Н. Егунов из Днепропетровска».

«Мы просим сохранить за ним название нашего города. Пусть Зима останется Зимой. Для нас с Зимы начинается Родина. Гредюха, Розум, Тайшин».

«Оставьте за Новым городом название Зима. Ведь в этом названии заложено что-то своеенравное, близкое, исконно сибирское. К моему мнению присоединились жители нашего села. С. Т. Кулькова, Г. Г. Железнов, А. А. Вокальчук и другие. И. Растиоргуев, село Батама».

И еще одно поистине удивительное предложение.

«Для возведения Нового города, достойного памяти великого вождя В. И. Ленина, мы должны вложить не только материальные средства, но и увековечить его имя, его вклад в летопись построения социализма и коммунизма. Поэтому предлагаем назвать Новый город Ленсторгск, что означает ЛЕНСТО — Ленину 100 лет, ГОРСК — город стоит на горе. Это название вписывает в себя самое дорогое, самое заветное и светлое, тем более, что город будет заложен в день столетия со дня рождения Ленина!

Из выступлений Семененко, Греднева и Боханова на общем собрании рабочих и ИТР 2-го строительного участка треста «Зимахимстрой».

*Председатель собрания Сакеев.
Секретарь Мохова».
Приокская правда. 1969. 26 апр.*

Саянск строится. Фото Ю. Лебедева.

«Я за название «Зима». Здесь я родился, здесь и умру. Ведь «Ленстогорск» не подходит к нашей местности. Гор у нас нет, есть только возвышенный ландшафт. Вот для Саянской ГЭС это название подойдет. Да и Ленин где-то там отбывал свою первую ссылку. Да и читать такое сложное название весьма трудно. И. Левчук, пенсионер».

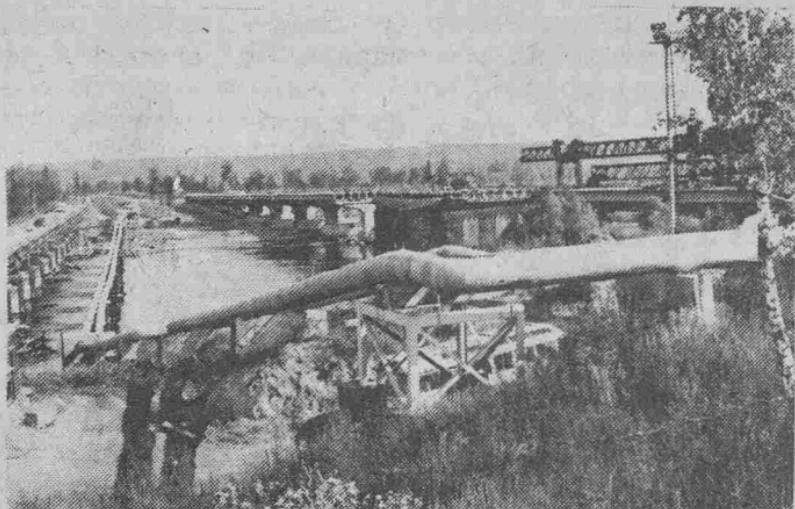
Приокская правда. 1969. 8 мая.

Всего в ходе такой острой дискуссии и полемики в редакцию газеты и Зиминский горисполком поступило более 100 писем и предложений, каким именем назвать новый город на Оке.

Ломали над этим голову и многие учёные мужи из Иркутска, Красноярска, Новосибирска. Причем, в некоторых письмах и телеграммах были не только советы, но категорические возражения против таких названий, как Окинск, Верхнезиминск, Зимагорск, Восточно-Сибирск...

Но, как нередко бывает, последнее и самое веское слово произнесли высокие чины из Москвы, которые почему-то считали, что строящийся в Сибири Новый город находится чуть ли не у самого подножья саянских гор. И потому, не долго мудрствуя, назвали его «Саянск».

Впрочем, это тоже хорошее имя, хотя от него до Саян еще добрых полтораста верст. Если не больше.

Строительство совмещенного автомобильно-железнодорожного моста через Оку на шоссе Зима — Саянск в 70-х годах. Фото Г. Позднякова.

ЕСТЬ МОСТ ЧЕРЕЗ ОКУ

Пока здесь еще нет дорожного знака, но автомашины с бетоном, гравием и железобетонными блоками уже сворачивают с Московского тракта к левому берегу Оки. Через новый мост они теперь беспрепятственно следуют к строительной площадке Нового города.

Таежная быстрая красавица Ока больше не препрода для все нарастающего потока строительных грузов.

Владимир Тунин.
Приокская правда. 1971. 16 нояб.

ПЕРВЫЙ ЖИТЕЛЬ НОВОГО ГОРОДА

Да, он строится, этот первый микрорайон в Новом городе. Деловито и важно поворачивают свои шеи-стремы башенные краны, ярко поблескивают искры электросварки, натужно урчат работяги-бульдозеры. А недавно здесь появился и первый житель. Это электрик Сергей Теткин, поселившийся вместе со своей семьей в уютном вагончике.

— Не досадуй, Сергей, — первый житель, скоро ты

сменишь этот вагон на чудесную квартиру, — говорят ему, хлопая по плечу, товарищи по работе.

Сергей Пугавко.
Приокская правда. 1973. 12 июня.

ПОСЕЛОК НАЗВАЛИ САЯНСК

Существовавший только еще на кальке и в проектах архитекторов и проектировщиков будущий населенный пункт на сибирской реке Оке уже назывался городом, хотя на протяжении добрых пяти лет был еще небольшим в общем-то поселком. И вот в конце января 1975 года Иркутский облисполком принимает такое решение:

«Населенному пункту, возникшему при строящемся Зиминском электрохимическом комбинате, присвоить наименование Саянск, причислить его к категории рабочих поселков».

Приокская правда. 1975. 30 янв.

И только в 1985 году он получил статус города.

Выходит, что с возникновением Саянска наша Зима так и не пережила свое третье рождение?

Вот что ответил на этот вопрос глава администрации города *Николай Александрович Пенюшкин*

Да, быстро растущий Саянск, ставший несколько лет тому назад городом областного подчинения, уже обогнал по числу жителей старинную Зиму, породившую его в полном смысле этого слова. А то, что строители треста «Зимахимстрой» оставили в нашем городе весьма заметный след, говорить не приходится.

Это в первую очередь возведение целого микрорайона «Ангарский», ряда новых предприятий, школ, учреждений культуры, бытового обслуживания и т. д.

И хотя я не коренной зиминец, полностью за то, чтобы и наша старинная Зима продолжала свое дальнейшее развитие, как исторически сложившийся за 250 лет своего существования крупный населенный пункт на Оке.

ЭКОЛОГИЯ И МЫ

Да, что касается экологической обстановки в нашем городе, то она очень и очень тревожная. Однако повинно в этом не только Саянское производственное объединение «Химпром», но и Зиминский гидролизный, и канифольно-экстракционный заводы, Иркутская ТЭЦ-3, предприятия железнодорожного узла и многочисленные котельные. Ведь еще до прихода большой химии в Зиму в Оке, к примеру, почти не стали водиться многие виды промысловых рыб, а улов десятка пескарей, окуней или ельцов рыбаки-любители стали считать за везение.

О неблагополучной обстановке с экологией и невыполнении природоохранных мер в Зиме, да и в сельской местности, уже который год бьют в набат и колокола не только местные газеты, но и некоторые центральные. Причем выступающие в них ученые, специалисты и журналисты не только критикуют ведомства, предприятия и их руководителей, но и дают зачастую конкретные советы и предложения, к чему, к великому сожалению, у нас не прислушиваются.

Именно такие весьма аргументированные статьи и критические материалы вы прочтете в этой последней главе «Зиминской были».

А СЕГОДНЯ ВДЫХАЕТ ХЛОР

Сибирский город Зима и не знал о том, что его приготовили к вымиранию. Лишь недавно потрясенным жителям стало известно содержание документа середины шестидесятых (!) годов: «В связи с тем, что по мере строительства предприятий основного промузла старый город Зима окажется в неблагоприятных микроклиматических условиях, попадая в зону туманов с вредными выбросами, необходимо предусмотреть мероприятия, исключающие новое жилищное строительство на территории существующего города». Предприятия промузла — это химический завод, давно ставший трагической реальностью, а цитата взята из проектных разработок.

С тех пор много сточных вод утекло и кислотных дождей выпало, а люди жили, болели, передавали друг другу слухи. Конец сомнениям положили происшествия, которые все чаще стали наблюдаться в окрестностях станции Зима. То вдруг у Раисы Крюковой из Кимильтея десять пчелиных семей сложили крыльшки. Вымерли пчелы у многих ее односельчан. А в колхозе не десяток, а 130 ульев опустели. У Анатолия Рябикова из другого села — Ухтуй — вишня сначала расцвела на диво пышно, потом в одночасье опала. Во всех дворах богато цвели деревья, а завязей на ветках осталось — всего ничего.

Далеки деревни друг от друга, какая тут связь? Пря-мая. Если на карте линейкой соединить Ухтуй с Кимильтеем, то на линии между ними окажется «Химпром», а чуть поодаль — Зима. Природа к тому же распорядилась так, что именно по этой оси здесь дуют ветры; то в одну сторону, то в другую. Вот и не разберут теперь в Зиминском районе, какое из двух зол меньше: штиль или ветерок. Как подует — с химзавода несет всякую гадость. А в безветрие наползают вредные выбросы туманами на Зиму, на Перевоз, на Ухтуй, на Услон (да разве все деревни несчастные перечислишь!) В Кимильтее, пожалуй, гаже всех. С тыла село подперто грядой

холмов, об их крутые бока и спотыкается ветер.

Расползается по земле отрава. Она давно миновала стволы контрольных скважин, окольцевавших подземное захоронение ядовитейших отходов, плод халатной утечки. Она ползет по водоносным горизонтам, в ручьи, в родники. В некоторых селах уже запрещено пользоваться колодцами, в здешней реке Оке — даже купаться. Текут аварийные стоки по лугам и пастбищам, стекают в старицы, болота, ручьи. Здешние «ягодные места», воспетые известным поэтом, увы, уже напичканы ядом. Плоть умерших берез отдает резким химическим запахом.

Люди кашляют, накрытые сизой дымкой, болеют. Никто не знает, чем и отчего, опасно ли, нет ли.

Зиминцы давно ведут счет потерям, связанным с бедой, около которой живут. Например, еще в 1985 году Зиминский участок энергоснабжения железной дороги лихорадило. Один за другим — десятками — выходили из строя изоляторы контактной сети. Стояли на перегонах поезда. Устранили одну неисправность — возникала другая. Как выяснилось, причиной тому было распоряжение дирекции химического завода о сжигании на комплексе захоронения и утилизации отходов жуткой смеси химических соединений с труднопроизносимыми называниями. Некуда было девать химикам высококипящие отходы, так они додумались жечь их на открытом воздухе вблизи железной дороги. Продукты сгорания и вызывали повреждения изоляторов. Причем «рационализаторы» знали, на что шли, и потому молчали и от всего открешивались. Чтобы разгадать эту «загадку», бились химслужба «Иркутскэнерго» и два академических института.

— До сих пор несем убытки, — разводит руками Г. Степанов, начальник Зиминского энергоучастка. — Выход нашли, но какой ценой? Понизили напряжение в контактной сети: не в оптимальном режиме работают локомотивы, нет нужной тяги, выходят из строя двигатели.

Сжигать отходы прекратили. Но не придумали ничего лучшего, как сливать их в старую карту рассолопромысла. Дно ее было выстлано полиэтиленом и соляной раствором держало. Пока дихлорэтан не проел. Хлорогравийные отходы проникли на большие глубины до водоносных горизонтов. Все сошло с рук химикам. Автор же «рацпредложений» по сжиганию и слиянию опаснейших

Цех электролиза химического завода Саянского производственного объединения «Химпром». Фото Г. Позднякова.

отходов В. Халилов ушел на повышение, теперь он — в министерстве.

Не обошли происшествия и райцентр. Четырежды за последние два года сотрясали город ртутные нашествия. Ртуть обнаружили в двух школах, ПТУ: преподаватели с вениками и тряпками изгоняли ее из помещений. Газеты били в набат, заседала экологическая комиссия. Как раз во время одного из ее собраний кто-то разлил ртуть по двум этажам райисполкома. Кто? Не нашли. Здание райисполкома оказалось настолько пораженным, что его было легче снести, чем обезвредить. И снесли. Источник ртутного изобилия назовет любой ребенок: завод «Каустик» объединения «Химпром».

— Ртуть, пролитая в Зиме, это капля в море, — утверждал председатель депутатской комиссии (созданной облсоветом специально для изучения ситуации). В. Воронин. — За годы работы химзавода утеряно 300 тонн ртути...

На всякий случай я поинтересовался у геологов: может ли такое быть? Да, отвечали они. И даже больше. Их исследования доказали, что сам «Химпром» стоит сегодня на ртутном « пятне » размером 6 на 12 километров. Хозяйствовали так, что ядовитейший металл пропитал всю местность. Ртуть обнаружена в почвах, в донных отложениях, в поверхностных и подземных водах, в злахах, в рыбе...

Опытно-методическая экспедиция объединения «Иркутскгеология» составила почти два десятка карт с участками комплексного загрязнения Зиминского района токсичными металлами: молибденом, стронцием, хромом, марганцем, цинком, медью, свинцом, ртутью. В воздухе Присаянья носятся хлор, хлористый водород, формальдегид, этилен, гидроокись натрия. Падают на посевы и огороды «кислые» дожди. Жуют коровы отравленную жвачку, и пьют дети отравленное молоко...

На площади в 540 квадратных километров геологи оконтурили 45 аномалий разной концентрации и размеров до десятка квадратных километров. Велика Сибирь! — мог бы воскликнуть присной памяти политрук Клочков. А отступать некуда. Попались!

Пробовали люди сами себя защитить? Да, и по-разному. Кандидат технических наук, бывший начальник техотдела химзавода В. Нижегородцев, слишком много знающий и оттого сокращенный за ненадобностью, написал в зиминскую газету статью с критикой экологичес-

кой программы «Химпрома». В редакции ее снабдили хлестким заголовком — «Программа бездейственна, политика преступна». Реакция последовала быстро. Лица, названные в статье, обратились в суд с исками о защите чести и достоинства. Хотя Нижегородцев каждое свое слово подкрепил документами и фактами, суд не стал влезать в технические детали. А постановил, что ответчик явно превысил свои полномочия: нельзя без суда называть людей преступниками. Нижегородцев наказан: оплатил судебные издержки.

Отбита была и другая подобная попытка. З. Карташова, председатель Зиминского комитета по экологии и природопользованию, написала статью о возможных последствиях загрязнений подземных вод. Как депутат райсовета, пришла посоветоваться к заместителю председателя райисполкома Г. Самсоновой. Та публиковать не рекомендовала, сказала: сильно страшно написано. Я читал. Но страшно не то, что написано, — ужасно сотворенное человеком. И что же — выходит, уж коли исполнительная власть ничего не в силах изменить, пусть люди живут в спокойном неведении?

Но заткнуть рот всем — задача все же и для властей непосильная.

Прошлым летом в Зиме зреала смута. Стачком рабочих-железнодорожников, не видя более толку от хождений по инстанциям, постановил: быть забастовке. Злочинщики намеревались на два часа перекрыть движение на Восточно-Сибирской железной магистрали. Вплоть до того, чтобы лечь на рельсы, но непустить поезда. Требование было одно: остановить «Химпром», пока не закончат все природоохранные работы, не прикроют химические свалки, не приведут в порядок очистные сооружения.

Чем только не пугали активистов: и сумой, и тюрьмой...

— Уговаривали мы ребят: не тот метод, — вспоминает Б. Пилькевич, заместитель председателя Зиминского горисполкома, сам плоть от железнодорожной плоти. — Да и незаконна она была бы, забастовка.

Забастовка не состоялась, но экологический стачком был создан.

Бунтовали и селяне: собрали сход. На нем приняли обращение к рабочим «Химпрома». Призывали к милосердию, заклинали избавить землю от несчастий.

Что изменилось? Шевеление кое-какое началось. Сес-

сия областного Совета создала депутатскую комиссию для изучения ситуации. Опытно-методическая экспедиция объединения «Иркутскгеология» по договору с райисполкомом начала комплексное геоэкологическое исследование района. И что с того, если три экземпляра толстенных исследований спрятаны от людей в сейфах районного начальства?

Кого звать на помощь? Кому рассказать об этой погибели? Самое естественное — обратиться к тому сильно му, кто был инициатором, мозгом, стратегом этого смертоносного наступления. Пусть теперь придумает, как все отменить, остановить, что выдвинуть взамен. Но обращаться, как выяснилось, не к кому. Обезличены, стерты, сложены в закаменелый монолит неведомые авторы идей, разработчики, проектировщики, равно как и те, кто давал приказ, подписывал бумаги. Да и что они могут сегодня? Один из них, тогдашний первый секретарь обкома, перед огромной аудиторией утверждал при закладке сооружений: «Химический завод — наше золото. Он нам даст все!» Дал завод — еще как дал! Ну и какой спрос теперь с покойника? Не исключено, что, обманывая других, он и сам не знал всей правды: секретность цементировала систему...

А где сейчас тот ЦК и тот Совмин, что 16 мая 1968 года своим совместным постановлением положили начало строительству Зиминского химзавода? С кого теперь спросить за нарыв, угрожающий жизням, если успел перекраситься Минсредмаш, а другие всемогущие министерства прикрылись зонтиками концернов и собственные грехи называют чужими? Где искать крайних, когда всю документацию по проектированию и возведению химического монстра готовили укромные конторы, надежно упакованные в сверхсекретные «почтовые ящики»?

И вот теперь представим на минуту, что и как могут предпринять райисполкомы, облсоветы, по всей нашей земле замуровавшие взрывоопасную правду подобного содержания в свои несгораемые шкафы. Не лучше ли, если бы сгорела сама правда — безысходная, непоправимая, жестокая — до того, как была обобщена и сформулирована? Потому что нет приемлемого выхода. Остановить химию, металлургию, микробиологию, атомную промышленность с их смертоносными пятнами на земле — значит остановить саму жизнь. Не трогать — значит убить жизнь.

Но картина была бы неполной, читатель, без одного

маленького штриха. В получасе езды от Зимы стоит аккуратный, ухоженный городок областного подчинения — Саянск. Он спланирован по розе ветров так, что большинство ядовитых выбросов город еще пока щадит. Город — противогаз, город — спасательный круг для районного начальства (работая в загаженной Зиме, оно почти целиком живет в Саянске). Да и химпромовские руководители — тоже. Не в пример Зиме и окрестным всем, здесь магазин кое-чем торгует. Да только попробуй «чужой» подступись!

Вот этот островок эфемерной безопасности и относительного благополучия, ставший предметом злой зависти погибающих окрестностей, мне кажется, он — символ и оплот всей нашей гибнущей державы. Построенной на лжи, пропитанной химическими и нравственными ядами. У тех, кто до сих пор управляет машиной уже останавливающейся жизни, всегда есть убежище. Оно сокращается, как шагреневая кожа, но оно еще есть.

Что им, хозяевам жизни, до тех, в ком они всегда видели только исполнителей, всего лишь средство! И сегодня, в трудную годину, предчувствуя надвигающуюся катастрофу, номенклатурная иерархия верна себе. Вместо того, чтобы разделить с народом его судьбу, она сортирует и разделяет сам народ и само Отечество. Чтобы часть того и другого бросить, захоронить, как отходы. Ввиду невозможности дальнейшего рационального использования в собственных целях.

А. Комаров, соб. корр. «Труда». Зима — Иркутск,
«Труд». 1991 г. 30 июля.

ЗИМА — ТРЕВОГИ НАШИ

Зима. Этот город с удивительным и необычным названием ассоциировался в нашем сознании разве что с тем, что в нем в детские годы жил будущий поэт Е. Евтушенко. В остальном он оставался для нас тихим провинциальным городом, похожим на многие другие такие же тихие провинциальные города, которых так много и так щедро рассыпано по бескрайним просторам России. Остается он, несмотря на отметины времени, таким и по сей день. Но не это тревожило и беспокоило нас, когда мы знакомились с экологической обстановкой в Зиме, беседовали с его руководителями и простыми жителями или бродили по его неухоженным улицам. Беспокоила и тревожила гнетущая напряженность жителей

этого некогда в общем-то спокойного города. Город как бы замер и оцепенел от поразившего его недуга.

Развернувшееся в начале семидесятых годов грандиозное строительство Зиминского химического комбината вселяло надежду на то, что провинциальный некогда город обретет новое рождение, превратившись в современный и красивый. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1968 года одновременно со строительством Зиминского химического комбината планировалось и строительство нового города (Новая Зима) для расселения всех работающих на комбинате и других предприятиях промузла. При этом управлением планировки и застройки городов Госгражданстроя было рекомендовано при дальнейшей работе над проектом генерального плана города рассматривать вопросы развития существующего и проектируемого города Зимы как единого комплекса.

По мере того, как рос и ширился химический Гаргантюа, а вместе с ним строился новый город, названный впоследствии Саянском, таяли и надежды жителей старого города Зимы. Вновь рожденное по воле ведомства дитя стало высасывать из старого города материальные и людские ресурсы.

Уже на стадии проектирования химического комбината его творцам была известна и судьба старого города. В «Основных положениях по организации проектирования и строительства промышленности в Зиминском промрайоне (Москва, 1972 г.) читаем: «В связи с тем, что по мере строительства предприятий основного промузла старый город Зима окажется в неблагоприятных микроклиматических условиях, попадая в зону туманов с вредными выбросами, необходимо предусмотреть мероприятия, исключающие новое жилищное строительство на территории существующего города». Мы не знаем, чем руководствовались специалисты из института «Госхимпроект» и предприятия п/я В-2414, выбирая место под промплощадку, и какой смысл они вкладывали в слово «мероприятия», но провели они их с той долей цинизма и безответственности, на которые только, как учит наш печальный опыт, способны наши главные эксплуататоры-ведомства. Скрытые от глаз общественности в тайниках сейфов горисполкома документы о переселении жителей города Зимы в новый город были обнародованы только в 1989 году. По-видимому, тогдашние руководители города Зимы, бывший председатель горисполкома

И. Ф. Касьянов и бывший первый секретарь горкома КПСС В. М. Спирин имели на это веские аргументы.

Экологическая обстановка в Зиме и до строительства химического комбината (ныне Саянское ПО «Химпром») и канифольно-экстракционного завода (КЭЗ) была далеко от нормальной. Множество небольших и старых котелен, не оснащенных элементарным пылегазоочистным оборудованием, и частные дома с печным отоплением выбрасывали, да и сейчас выбрасывают в атмосферу тонны окислов серы, азота и бензопирена. С вводом в число действующих гигантов химии эта обстановка настолько ухудшилась, что о нормальном проживании в городе Зиме можно говорить лишь с большими оговорками или рассматривая эту проблему через искаженную призму ведомственных интересов СПО «Химпром», КЭЗ и гидролизного завода.

Согласно госстатотчетности за 1989 год, выбросы вредных веществ в атмосферу предприятиями городов Саянска и Зимы составили 31,7 тыс. тонн. На долю СПО «Химпром» приходится около 11% всех выбросов, наибольшее количество которых падает на вещества I и II классов опасности: ртуть, хлор, хлористый водород, дихлорэтан. К этому «букету» следует добавить и специфические вещества I и II классов опасности предприятий города Зимы: фурфурол, формальдегид, сероводород, органические кислоты, окислы азота и углерода, бензопирен. По данным Иркутскгидромета, уровень загрязнения воздушного бассейна города Зимы бензопиреном и хлором превышает средний по Союзу. Максимальное загрязнение, как показывает многолетняя статистика, происходит с пятницы на субботу и далее до понедельника, т. е. в те дни, когда активизируется социальная жизнь населения и ослабевает контроль за технологической и производственной дисциплиной на предприятиях Саянска и Зимы. Наблюдаемые в центральной части Зимы загрязнения формальдегидом до 1,5 ПДК, пылью до 4,2 ПДК и бензопиреном до 64 ПДК и более следует признать как экстремальные.

Основными загрязнителями Оки в районе города Зимы, по данным Иркутскгидромета, являются гидролизный завод и СПО «Химпром». В контролльном створе, расположённом в 6 км ниже сброса сточных вод гидролизного завода, в 1989 году регистрировались специфические для завода вещества: метанол — до 2 ПДК, медь — до 8 ПДК, азот аммонийный — до 4,2 ПДК. В

Митинг земинцев в защиту экологии.

1 км ниже сброса сточных вод СПО «Химпром» индекс оценки чистоты относится к V классу — «грязная вода». Прослеживается тенденция перехода качества воды р. Оки из умеренно загрязненной в категорию «грязной».

Регулярные наблюдения химического состава подземных вод в скважинах, пробуренных на промплощадке, полигоне захоронения твердых отходов, полигоне бытовых отходов и на площадке солевыварки, показывают, что в них содержатся такие специфические вещества, как дихлорэтан, ртуть и хлориды. В 37% наблюдавших скважин содержание ртути в воде превышало ПДК в десятки и сотни раз. Выборочное обследование источников водоснабжения населенных пунктов Зиминского района подземными водами, проведенное в 1990 году геологами ПГО «Иркутскгеология», показало, что из 35 отобранных проб, содержащих ртуть в подземных водах,

в двух пробах содержание ртути было выше ПДК. Следует отметить, что до строительства объектов СПО «Химпрома» в обследованных тогда 140 колодцах, десятках скважин и родников содержание ртути в воде находилось ниже порога чувствительности анализа.

Уже перечисленные далеко не самые полные и далеко не самые удручающие данные о влиянии предприятий Саянска и Зимы на окружающую природную среду показывают, насколько глубокими и необратимыми могут быть последствия на флору и фауну от вредных выбросов. Разносимая ветрами, водой, автотранспортом, как бы в плановом порядке, а нередко в результате халатности, элементарного невежества и бескультурья тех, кому доверены эти опасные для жизни вещества, химическая зараза, как злокачественная опухоль, распространяется все дальше и дальше от промышленных предприятий, уничтожая и приводя в негодность все, что попадает на ее пути. Особо опасно заражение почвы, так как оно проявляется на человеке исподволь, незаметно, с переходом заболеваний в хронические, наиболее трудно излечимые формы.

Из беседы с техническим руководителем геологических работ Зиминского отряда опытно-методической экспедиции ПГО «Иркутскгеология» С. М. Лавровым стало ясно, что основания для тревоги за состоянием почв есть. Эколого-геохимическая съемка почвы, илисто-глинистых отложений ручьев и растительности выявила ряд аномалий ртути как на территории СПО «Химпром», что вполне объяснимо, так и на прилегающей к нему территории, включая город Зиму. Аномалия вытянута в северо-западном направлении в соответствии с преобладающим направлением ветров, а также вдоль дорог, соединяющих СПО «Химпром» с городами Саянском и Зимой. Ряд аномалий связан с бесконтрольной выгрузкой твердых отходов на проселочных дорогах, находящихся поблизости от комбината.

Отмечаются аномалии ртути на пашнях и лугах. Есть все основания запретить выпас скота на лугах в районе озер и деревень Подгорное, Волокитино, Писарево, а сами деревни из-за высокой концентрации ртути в колодцах необходимо переселить в другое место. Анализ растительности на ртуть подтверждает общую картину зараженности ею почвы. Часть сельскохозяйственных полей следует немедленно изъять из оборота.

Пути миграции ртути неожиданны и замысловаты. А

потому и последствия ее могут быть самыми коварными и непредсказуемыми. Здесь в запутанном клубке переплелось все: и невежество, и детская наивность, и уловщина. В результате многие общественные здания Зимы заражены ртутью и необходима их срочная паспортизация. Некоторые здания, по-видимому, следует закрыть для последующей демеркуразации. Какова картина в жилых домах, можно лишь гадать, так как сколько-нибудь серьезных исследований не проводилось.

Нарисованная экологическая картина в Зиме и Зиминском районе будет неполной, если не упомянуть о систематических, ставших уже почти нормальным явлением и для руководства СПО «Химпром», персонала, аварийных выбросов хлора, хлористого водорода и других вредных веществ в атмосферу и в воду. Эти выбросы, помимо прямой угрозы здоровью и даже самой жизни населения Зимы и других населенных пунктов, создают такую морально-психологическую обстановку, в которой нормальное проживание возможно лишь при большом воображении. Затерроризированное аварийными выбросами население Зимы готово идти на крайние меры, что, естественно, не будет способствовать ни процветанию СПО «Химпром», ни благополучию самих жителей. Вместо разумного для цивилизованного общества сочетания интересов гигантского предприятия и живущих на этой земле людей мы получили недовольства и источник конфликтов.

На фоне крайне обостренной экологической обстановки по-особому остро просматривается и болезненно воспринимается социально-экономическое неравенство жителей Зимы по сравнению с жителями города Саянска. С одной стороны, запущенный город Зима с его большей частью не заасфальтированными улицами и неказистыми деревянными домами без элементарных удобств, а с другой — как витрина и достижение развитого социализма — современный, чистый город, на который не влияют выбросы комбината. Соответственно этому контрасту и снабжение, и социальные услуги этих городов, хотя, если не лукавить, и Саянск по некоторым показателям социальных услуг далеко отстает от даже средне-областных. Но это уже проявление крохоборства на провинциальном уровне.

Нельзя сказать, что проблемами, вокруг которых бурлило общественное мнение Зимы, никто не занимался. Создавались и расpusкались комиссии на уровне Обл-

комприроды с участием службы СЭС, Иркутскгидромета, представителей ВООП, комиссий областного Совета и облисполкома. Комиссиями принимались постановления, чем-то похожие друг на друга, несмотря на разницу во времени, одно перечисление которых займет не одну газетную страницу и утомит терпеливых и привыкших ко всему читателей. Однако все эти, скорее благие, решения, чем-то напоминали заклинания над больным, которому уже требовалась срочная операция.

По-видимому, как реакция на эти заклинания, 16 февраля 1990 года на расширенном заседании Совета секретарей первичных партийных организаций железнодорожного узла станции Зима с приглашением членов парткома и партбюро, кандидатов в народные депутаты областного Совета по избирательному округу № 100, председателей профсоюзных комитетов было принято открытое письмо народному депутату СССР, первому секретарю обкома КПСС В. И. Потапову, в котором они изложили свое понимание и свою позицию по сложившейся экологической, морально-психологической и социальной обстановке в районе. Прозвучал и упрек в адрес В. И. Потапова, который, по мнению зиминцев, не выполнил их наказов и некоторые пункты своей предвыборной программы. Особые претензии с требованием привлечь к ответу были предъявлены к бывшему председателю горисполкома И. Ф. Касьянову, бывшему первому секретарю горкома КПСС, ныне второму секретарю обкома КПСС В. М. Спирину, бывшему заместителю председателя горисполкома В. Д. Шелепеню, по вине или попустительству которых созрела нынешняя ситуация.

В конце мая этого года вновь образованный стачечный комитет железнодорожного узла станции Зима принимает программу и заявление на имя Президента СССР М. С. Горбачева. Впервые прозвучало требование о закрытии СПО «Химпром». Обстановка в Зиме накалилась до предела. Двадцать первого июня первый заместитель председателя облисполкома Л. А. Платонов провел с руководителями и общественностью города Зимы, с участием природоохранных органов, совещание по выработке конкретных предложений по реализации и ускорению социально-экономического развития и оздоровлению экологической обстановки в Зиминско-Саянском регионе.

В проекте, который сейчас подрабатывается в облис-

полкоме, содержится целый пакет предложений по развитию социальной сферы, по улучшению экологической обстановки, по улучшению медицинского обслуживания, по развитию схем энергоснабжения, водопровода и канализации, по развитию базы строительной индустрии. Проект впечатляет своей масштабностью. Но нас смущает, не получили ли мы очередной проект благих желаний? На эту мысль наводит выступление главного инженера СПО «Химпром» В. И. Харитонова, который подверг резкой критике реальность планов по вводу природоохранных объектов первой и второй очереди с замораживанием строительства мощностей второй очереди по производству винилхлорида и поливинилхлорида. Или это очередная попытка руководства СПО «Химпром» развивать производство за счет экологии? Не нашли согласия и зам. председателя Облкомприроды Э. К. Воронцов и председатель Иркутскгидромета И. С. Еремин относительно того, где и как размещать контрольные посты постоянного наблюдения за выбросами.

Наша беседа с представителями забастовочного комитета в составе председателя В. И. Валтусова, членов комитета, депутата областного Совета Р. А. Немокаева, а также В. И. Покосенко и В. Я. Потапова в присутствии заместителя председателя Зиминского горисполкома Б. Г. Пилькевича, продолжавшаяся более двух часов, оставила тяжелый осадок.

В. И. Валтусов: «16 апреля 1990 года здесь работала комиссия под председательством Л. А. Платонова. Разбирали социальные вопросы. Переливали из пустого в порожнее. В заключение Л. А. Платонов пообещал пригласить нас в Иркутск для участия в работе комиссии по направлениям. Было предложение областному Совету, чтобы заработанные за два месяца СП «Химпром» средства пустить на развитие Зимы и района». «В каком состоянии находится сейчас система оповещения?» — спрашиваем мы. Член комитета: «А сейчас никто не знает». Добавляет В. И. Валтусов: «Договорились публиковать данные каждую неделю, но этого не делают. Утверждают, что все хорошо». Вопрос: «Есть ли у вас данные о выбросах, запротоколированные Госкомприродой? Сколько, что и когда было выброшено?» В. И. Валтусов: «Мы все знаем только из газет». «И по состоянию себя и своих близких. Вот у меня жена чувствует выбросы, начинает задыхаться», — добавляет один из членов комитета. В. И. Валтусов: «Госкомгидромет опаздывает

часто не может поймать, так как выбросы в основном идут ночью».

Позже зам. председателя Саянского территориального комитета по охране природы А. П. Артемьев подтвердил слова членов стачкома: «Я вам так скажу, — продолжал он, — эту информацию приходится выколачивать. Сказано так: «Если вам надо — приезжайте и берите». Они обязаны нас информировать согласно постановлению облисполкома. Это постановление постоянно нарушается».

Продолжает В. И. Валтусов: «Главный инженер СПО «Химпром» В. И. Харитонов утверждает, что ему необходимо иметь на подъездных путях 89 цистерн. В ответе же зам. министра химической промышленности забастовочному комитету указано, что в настоящее время число цистерн на подъездных путях снижено до 40 штук. 18 июня мы насчитывали их там более 60. От представителей СПО «Химпром» мы услышали странное для нас заявление о том, что нет разницы, сколько их там стоит. «И одной хватит на всех», — успокоили они. Они явно не учитывают вероятность: или одна, или сто пятьдесят». «А что, было и сто пятьдесят?» — уточняем. «Было».

Далее Б. Г. Пилькевич зачитывает программу стачкома. В конце программы пункт: «Забастовочный комитет не исключает крайних мер». «Что вы понимаете под крайними мерами?» — спрашиваем. Валтусов: «Крайняя мера — забастовка! Мы ведь можем и остановить движение. Мы остановим «Химпром». У нас есть для этого средства».

Уже позже мы узнали от депутата областного Совета Р. А. Немокаева, что предупредительная забастовка намечена на 20 июля. К счастью, это решение было отменено накануне забастовки, 17 июля, так как, согласно сообщению корреспондента «ВСП» от 20 августа, «стачечники нашли поддержку в Зиминском райсовете, который тоже высказался за приостановку деятельности «Химпрома» до тех пор, пока не будет отлажена безаварийная технология».

Наша беседа с главным инженером СПО «Химпром» В. И. Харитоновым и знакомство с некоторыми цехами и объектами комбината произвели двойственное впечатление. Гигантские масштабы комбината поражают. Но поражает и другое: территория комбината выглядит неухоженной, а местами просто захламленной. Оборудование электролизного цеха явно изношено, с толстым

слоем ржавчины. Только в некоторых узлах используются трубы из титана. На полу катается металлическая ртуть. Форточки окон, расположенных под крышей цеха, открыты. На наш вопрос, почему открыты форточки, мы услышали ответ: «Идет ремонт окон». Разлитая на полу ртуть считается досадной, но необходимой издержкой производства. Живут и работают по поговорке: «Быть около воды, да не замочить ноги».

А тем временем пары ртути летят через открытые окна. Наша девственная наивность в вопросах вызывала только недоумение, а порой и раздражение сопровождающих. И ведь что характерно. Рассуждения специалистов из СПО «Химпром» о том, что хлор никакой опасности из-за его низкой концентрации не представляет, чем-то напоминают утверждения некоторых специалистов из Байкальского ЦБК о том, что метилмеркаптан, покрывший зловонным саваном Байкальск, в имеющихся дозах даже полезен. Чего здесь больше — знания профессионалов, кой нам не доступны, или ведомственной самоуверенности, переходящей в преступную халатность? Чернобыль, Кириши, Челябинск кричат нам: «Люди, будьте бдительны!»

При выезде с комбината нас ожидал сюрприз, который явно не входил в программу приема депутатов областного Совета. Темно-красный факел с клубами ядовито-черного дыма высоко взметнулся в зноное небо. Суетливо выбегали из зданий обеспокоенные пожаром работники комбината. Пожарных машин пока не было. Нас поторопились вывести на очистные сооружения.

Уже в конце визита, прощаясь на ходу с главным инженером В. И. Харитоновым, спросили: «Что сегодня так сильно горело?»

«Градирня горела. Четыре года строилась как один из природоохранных объектов». «Причина — халатность?» «А что же еще», — последовал ответ.

Пока пронесло. Рядом со сгоревшей градирней расположен цех с водородом.

Очистные сооружения в целом произвели неплохое впечатление. Но опять афера. Строящийся гигантский свинокомплекс (опять гигант) хотят подключить к этим очистным сооружениям, которые уже сейчас работают на пределе. Поистине, дуракам закон не писан.

Знакомство с материалами предыдущих комиссий, посещение некоторых цехов комбината и беседа со всеми вовлеченными в конфликт людьми убеждали нас,

насколько справедливы требования стачкома и насколько объективны их оценки экологической и социально-экономической обстановки в городе Зиме и районе. Без всякого преувеличения можно сказать, что жители Зимы сидят буквально на пороховой бочке, готовой взорваться каждую минуту. Неужели для того, чтобы повесить рублевый светофор, необходимо, как минимум, задавить пешехода? Слава богу, в Зиме не произошло ничего такого, за что мы будем проклинать себя всю оставшуюся жизнь.

Девятого июля на заседании комиссии по экологии и рационализации природопользования мы изложили результаты командировки в город Зиму. Наша информация была дополнена неизвестными нам фактами в выступлениях членов комиссии Г. Я. Янченко и Р. Я. Немокаева. Комиссия считает, что требования, выдвинутые стачкомом города Зимы, справедливы и их необходимо немедленно удовлетворить. Комиссия обращает внимание областного Совета на то, что сложившаяся экологическая обстановка в Зиме и районе должна рассматриваться одновременно и с улучшением социально-бытовых условий жителей, чтобы ликвидировать неравенство с жителями города Саянска. Комиссия выражает уверенность и надежду на то, что Зима наконец-то обретет спокойствие.

*Ю. Удодов. Председатель комиссии по экологии областного Совета, В. Воронин, член комиссии.
Восточно-Сибирская правда. 1990. 8 авг.*

КАК БУДЕМ ЖИТЬ?

В нашей газете была опубликована информация о том, что в Зиминском районе в течение двух лет работала опытно-методическая экспедиция объединения «Иркутскгеология» под руководством С. М. Лаврова. В 1989 году она занималась обследованием и опробованием почв, поверхностных вод, илисто-глинистых отложений водостоков, растительности на площади 540 кв. км. В конце февраля — начале марта 1990 года проводилась съемка по восьми опорным профилям, пересекающим изучаемую местность через 4—6 км. В прошлогодний полевой сезон выполнялась выверка установленных участков по загрязнению различными токсическими ингредиентами.

О том, что показали результаты исследований, рассказывает, пользуясь отчетом экспедиции, З. Карташова, председатель комитета по экологии и природопользованию.

Начну с истории. Работал у нас в 1965 году отряд комплексной экспедиции гидрогеологии и стройматериалов, который проводил литохимические опробования вторичных ореолов (почвы) — было сделано 270 проб и 125 проб рассеянных потоков. Так вот тогда содержания микроэлементов были близки к фоновым; по ртути, кадмию, молибдену, олову, сурье, мышьяку, серебру, вольфраму — ниже порога чувствительности.

С той поры минуло 25 лет. Что стало за это время с состоянием окружающей среды? Очень контрастно показывают это результаты недавних проведенных работ. В отчете имеются обширные разделы геологических, геофизических, гидрогеологических, geoхимических и других исследований, представляющие любопытный научный материал.

Коротко остановлюсь на природных условиях населенных пунктов, расположенных на берегах рек Оки, Зимы, Кимильтей и вдоль озер-стариц (это Покровка, Норы, Перевоз, Самара, Логанова, Караганск, Кимильтей, Мордино, Подгорное, Писарево, Волокитино, садоводческие участки города Саянска).

В данных поселках воду для хозяйственных и технических нужд, а иногда и для питья, берут из колодцев и мелких скважин. Водное «зеркало» в них находится на одном уровне с поверхностью воды в руслах рек или озерах. Последнее обусловлено постоянной связью с одним и тем же водоносным горизонтом. При подъеме уровня воды в руслах и озерах, при ее загрязнении (например, в период паводков) соответственно повышается уровень воды, увеличивается ее загрязнение в колодцах и скважинах. Этот факт очень беспокоит меня; ведь нельзя забывать о существовании выше Мордино карты № 2 с жидкими хлорорганическими отходами, опасными для здоровья людей. Напомню: в 1985—1986 годах СПО «Химпром» сжигал токсичные отходы на своем полигоне в районе станции Перевоз. Были страшные газовки и даже перекрытие изоляции проводов на Восточно-Сибирской магистрали. Когда сжигание было запрещено, «Химпром» стал вывозить отходы в карту № 2, предназна-

ченную не для хранения органики, а для соли. Гидроизоляция карты была нарушена и отходы ушли в землю...

Подземные воды рассматриваемого комплекса подвержены загрязнению. В деревнях Подгорное, Писарево, Волокитино вода в озерах-старицах и колодцах имеет хлоридно-натриевое обогащение. Минерализация воды в отдельных случаях превышает 1 г/л.

Промышленно освоенная территория Зиминского района в настоящее время характеризуется сложными геохимическими условиями. Имеют место аномалии нитратов, ртути, свинца, цинка, меди, ванадия, молибдена, никеля, кобальта (в частности, по ртути, кобальту, свинцу — фоновые содержания имеют 2-2,5-кратные превышения). Причем обогащена этими микроэлементами и нитратами верхняя часть почвенного покрова до 40 см в глубину (исключая ванадий, он накапливается на глубине).

По данным снегогеохимической съемки, существенно загрязняют снежный покров различные примеси антропогенного происхождения, осаждаясь из атмосферного воздуха. Так, по никелю и ртути фоновые концентрации превышают ПДК для питьевых вод соответственно в 6,4 и 1,6 раза. Снег на территории города Зимы, ТЭЦ, СПО «Химпром» имеет практически нормальный щелочной показатель. Закисление снежного покрова начинается в 3—4 км к северу от СПО «Химпром».

Территория города Зимы загрязнена сульфатионом (производные серной кислоты). Особенно крупные аномалии отмечаются около гидролизного завода, а также на левобережье р. Кимильтай.

Аномалии хлор-иона имеют место также в северной части изученной площади, но приурочены к площади цеха какуум-выпарки СПО «Химпром».

Аномалии нитрат-иона рассредоточены на сельхозугодиях района.

В прямой зависимости от загрязнений почв, воздуха находятся характеристики поверхностных и подземных вод, донных отложений постоянных и временных водостоков. Кроме того, эти характеристики осложняются за счет поступлений и утечек промышленных и коммунальных отходов, стоков. В целом большинство рек, кроме Оки, и ручьев района загрязнены никелем. Причем, по рекам и ручьям Шерагул, Харагун, Березовый Лог, Ухтуйка, Галантуйка, Кимильтай — в концентра-

циях 2—6 ПДК (10 мкг/л). Практически во всех реках (Тимон, Ухтуйка, Галактуйка, Нижний Шерагул, Кимильтей), в озерах-старицах левобережья р. Оки в концентрации около ПДК присутствует цинк (10 мкг/л). В ручье Березовый Лог цинк до 3,7 ПДК. В водах отдельных колодцев деревень Мордино, Волокитино, Норы, Белая казарма — до 10 ПДК цинка.

Загрязнены колодцы:

в Ухте

- нитрат-ионом 262,5 (норма 45);
- кобальтом 15 (норма 10);
- никелем 65 (норма 10).

в Кимильтее

- нитрат-ионом 101 (нормы см. выше);
- кобальтом 50;
- никелем 50;

колодцы Белой казармы

- молибденом 100 мкг/л (при норме 250 мкг/л).

Несколько реже, но в концентрациях, близких к ПДК, отмечается содержание хрома. Около ПДК его в водоемах Шерагул, Харагун, Галантуйке (выше г. Зимы), чуть меньше ПДК в р. Кимильтей, треть ПДК — в р. Ухтуйке.

По результатам опробования донных отложений ручьев, берущих свое начало от территории СПО «Химпром», отмечается отчетливое поступление загрязнений ртути, меди, цинка, свинца, молибдена, хрома. В частности, кроме марганца, стронция, скандия, кальция, алюминия, фосфора в верховьях речек Шерагул и Харагун найдена ртуть. Что характерно: аналогичные элементы найдены здесь в злаковых травах. То есть наблюдается прямая зависимость загрязнений: почва — донные отложения — снег — злаковые травы.

Исследуя правобережье р. Оки, геологи нашли аномалии марганца. Когда исследовали снег, выявилась связь аномалий. В частности, наблюдается приуроченность аномалий свинца к автодорогам. Как показала сугревая съемка, загрязнения происходят от выбросов автотранспорта (почти на всей территории Зимы).

Характерны и показательны аномалии меди. При содержании их в почвах меньше фоновых значений в растениях медь не обнаружена. Но не все аномалии меди, найденные в растениях, подтвердились на почве. Это говорит о том, что происходит вторичное загрязнение растений — не только из почвы, но и из воздуха.

сходится на том, что этому большому, по сибирским меркам, селу около 300 лет.

В энциклопедическом словаре за 1895 г. на странице 64-й, том XV, вот что можно прочесть об этом селе:

«Кимильтей — село Иркутской губернии и Нижнеудинского округа при впадении речки Кимильтейки в р. Оку на левом берегу последней на Сибирском почтовом тракте, 379 жилых домов и 2196 чел. жителей. Еврейский молитвенный дом, сельское училище, 10 постоянных дворов, 26 лавок, в т. ч. 10 винных, 5 мельниц, кузниц 8, ремесленных и торгово-промышленных заводов и предприятий 27, базары, ярмарки...»

Многие годы жители старинного Кимильтея пытались установить дату возведения единственного на селе каменного архитектурного сооружения — православной церкви. С помощью побывавшего в Кимильтее и в его школьном музее доцента кафедры истории архитектуры при Иркутском политехническом институте Валерия Трофимовича Щербина и сотрудников облархива было установлено, что Кимильтейская церковь построена во имя святого Николая Угодника в 1884 году по проекту известного сибирского архитектора, выпускника Академии художеств Кудельского Владислава Андреевича. До этого в Кимильтее была деревянная церковь.

В Иркутском областном архиве есть немало довольно интересных документов по истории этого большого сибирского села, в том числе и о революционных выступлениях крестьян, служащих и ремесленников в 1905 году. Так, 6 декабря на площади перед училищем собралась большая толпа народа и потребовала от крестьянского начальника огласить царский манифест от 17 октября... После этого собравшиеся направились к волостному управлению и магазинам богачей Щелкунова и Метелева с требованием убрать царские флаги. Это требование было исполнено во избежание более серьезных последствий. Однако на этом волнение крестьян не закончилось, о чем также говорит еще один архивный документ (Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 10, д. 20, л. 5).

«8 декабря в Кимильтейской сельской управе проходил народный митинг, который потребовал немедленно отстранить от обязанностей крестьянских начальников, становых приставов и урядников, отказаться от платежа подати, отбывания натуральных повинностей и

либденом и другими токсикантами. Болота, расположенные вблизи свалок и отстойников, как правило, гибнут в первую очередь. Травянистые растения болот (осока дернистая, камыш, горошек топяной) не вызревают, засыхают.

К концу августа большие исследования провели геологи в районе зиминских дачных участков. Отмечено, что в целом они находятся на богатых почвах, что позволяет получать высокие урожаи овощных и плодово-ягодных культур. Но и на дачных участках и на огородах населенных пунктов Зимы и близлежащих к ней поселков наблюдается общая картина: техногенное воздействие промышленных предприятий изменяет почву и развитие растений. Хотя кислотность почв с поверхности изменяется не резко, однако в них возрастает содержание марганца, ванадия, хрома, стронция, ртути, свинца, хлориона, сульфат-иона. При подъеме уровня грунтовых вод на поверхности почв появляются белые налеты, связанные с увеличением содержаний хлоридов, нитратов, сернистых соединений, способствующих более интенсивному засолению почвы с последующей их деградацией. Происходят изменения в ритме развития овощных культур, в частности, наблюдается резкое изменение фенологических сроков, опадания цветочных завязей в период цветения, сокращение периода вегетации и более раннее увядание, болезни растений. Особенно страдают растения из семейства пасленовых, тыквенно-семянных бобовых (помидоры, картофель, огурцы и другие). Под действием «химических» рос в первую очередь гибнет надземная часть растений, уничтожается хлорофилл.

В результате техногенного загрязнения погибают не только овощные культуры, но и плодово-ягодные кустарники (черемуха, дикая яблоня, облепиха, малина, смородина).

Хочу отдельно остановиться на ртути, ибо она обычно более всего интересует людей.

По результатам геологических и гидрогеологических работ, в 50—60-х годах ртуть устанавливалась лишь в незначительных количествах в одиночных пробах из подземных вод и донных отложений р. Кимильтей. Существенно изменилась геэкологическая обстановка к настоящему времени — практически вся изученная территория в той или иной степени загрязнена ртутью. Об этом свидетельствуют установленные для района фоновые содержания. Для почв они составляют 0,08 мг/кг, в

то время как для многих регионов СССР и других стран мира — 0,03—0,05 мг/кг. Для снега фоновые содержания 0,0008 мг/л, для питьевой воды ПДК равен 0,0005 мг/л. По данным гидромета, фоновое содержание в снежном покрове у нас в 4,2 раза превышает то, что установлено для Баргузинского заповедника. По данным геоэкологического изучения, поступления ртути в различные природные среды нашего региона происходят в основном в результате деятельности Саянского «Химпрома». Из загрязненного воздуха ртуть осаждается по всей изученной площади. Причем аномалии ртути, с учетом преобладающих ветров (СЗ—ЮВ), располагаются и около «Химпрома» и на расстоянии 18—20 км от него на юго-восток; 15—18 км — на северо-запад. Эта аномалия имеет форму эллипса размером 6x12 км с содержанием ртути в 1,4—3 раза больше фона и в 2,2—5 раз выше ПДК.

Имеются аномальные «эллипсы» размерами 0,5x1,5 и 1,5x8 км. В них установлены высокие содержания марганца, хрома, цинка, стронция. Аномалии размерами 2,5x2,5 км находятся в 6 км к северо-западу от «Химпрома» — это свалка твердых отходов «Химпрома» (содержание в почвах около ПДК). Перечисление аномалий ртути, найденных геологами, занимает 4 листа отчета!

С этим материалом, картами далее будут работать агрономы и зоотехники, чтобы решить вопросы, как быть с землями, выводить ли их из севооборота или попытаться очистить от ртути, как быть с пастищами для скота. Врачи должны оценить это с точки зрения опасности для здоровья людей. Видимо, необходимы медицинские исследования населения, живущего в загрязненных зонах.

Помимо ртути, в тех же аномалиях найден свинец — 30 мг/кг (фон—23), медь — более 85 мг/кг (фон—55), молибден — 3,5 мг/кг (фон—3), марганец — 1200 мг/кг (фон—900), стронций 1000 мг/кг (фон—400, ПДК-1000).

На территории городов Зимы и Саянска отчетливо наблюдается прямая зависимость интенсивности движения автотранспорта с возрастанием содержания ртути в почвенных и снегогеохимических аномалиях, что свидетельствует о загрязнении ртутью из «воздуха» и с колес автомобилей. В 15—25 м от автомобильных дорог наблюдаются самые высокие содержания ртути. Здесь же, в почвах, помимо ртути, находятся свинец и

молибден: в снеге — свинец, молибден, цинк, хром, в растительности — свинец и цинк.

На левобережье р. Оки у поселка Норы находится крупная эллипсовидная (2,5x4 км) комплексная аномалия различных токсикантов — ртути, хрома, свинца, марганца, цинка, меди, молибдена, стронция — в концентрациях, выше фоновых. Это крупные взвеси Ново-Зиминской ТЭЦ, которые уносят от нее северо-западные ветры. Перечисленные токсиканты имеются и в растительности. Взвеси Ново-Зиминской ТЭЦ рассредоточены на расстояниях от нее до 5—7 км к юго-востоку, 3—5 км к северо-западу.

Взвеси ТЭЦ-3, что находится в Зиме, осаждаются на расстоянии 1—2,5 км на юго-восток, и 2,4—5 км на северо-запад.

Неожиданно для геологов был установлен еще один источник ртути — лигнин гидролизного завода. Свалка исследовалась в 1989 году по сети 5x50 м (на части не засыпанной). Во всех пробах найдена ртуть. Был опробован также компост из лигнина и куриного помета из двух карт с поверхности свалки. Из 20 проб в 13 ртуть составляла 0,39—1,8 мг/кг, в семи — более 2,1 мг/кг, т. е. больше ПДК почв, составляющего 2,1 мг/кг.

Эти данные мы сразу огласили. В 1990 году повторно проводили анализы, отобрали 20 проб — данные подтвердились.

Помимо ртути к отвалу лигнина приурочены аномалии марганца, цинка, стронция, в количествах больших, чем ПДК для почв; свинца и меди — в размерах примерно ПДК.

Конечно, мы были обеспокоены обнаружением ртути в лигнине, так как долгие годы из лигнина и куриного помета изготавливали компост и в качестве удобрения вывозили его на сельскохозяйственные поля. Поэтому тогда же, в 1990 году, был обследован один из таких участков, расположенных в 1 км к северу от птицефабрики. В 20 пунктах на глубине 5,30 и 60 см отбирались почвы. Установлено, что содержание ртути на поверхности — 0,05—0,1 мг на килограмм почвы, на глубине 30 см — 0,05, на глубине 60 см — 0,039 (ПДК — 2,1 мг/кг). Оценить это загрязнение должны агрономы, поэтому я не делаю сейчас никакого вывода о целесообразности приготовления и применения лигнино-куриного компоста. На этих же полях наряду с ртутью обнаружен свинец (вдвое выше фона). Свинец заносится на поля автомо-

бильным транспортом, использующим этилированный бензин, железнодорожным транспортом, энергокомплексами, свалками бытовых и промышленных отходов, отстойниками. Не случайно наиболее контрастные аномалии свинца найдены вдоль дорог. Причем, размеры аномалий содержания свинца находятся в тесной связи с интенсивностью движения транспорта. Так, в городах Зиме и Саянске свинца в 10 раз больше фоновых концентраций (по данным снегомерной съемки), в почве города Зимы содержание свинца составляет 44 мг/кг (фон — 23). Соответственно загрязнена и растительность — 0,18 % при фоне 0,075 %!

Автодорога Зима — СПО «Химпром» — Саянск загрязнена свинцом в концентрациях, в 6 раз выше фоновых, причем это наблюдается по обе стороны от дороги на расстоянии 250 м. На эти информации должны обратить внимание особенно землепользователи, высаживающие картофель и другие культуры вблизи дорог. Помните: из почвы свинец попадает в растения, а значит, и в вашу пищу...

Что аномалии свинца имеют прямой адресат — сомнений не вызывает, если на автодороге свинец в 6 раз выше нормы, то в районе автобазы СПО «Химпром» — в 10 раз. А вдоль автодороги — в почвах свинца до 45 мг/кг и 0,16 % в злаковых травах.

Разумеется, что аналогичная картина наблюдается и на автодороге Иркутск — Красноярск. Кроме того, там, где дороги отсыпаны щебнем или проходят по пересеченному рельефу, обнаружены стронций, цинк, ртуть, молибден, хром. Особенно аномалиями стронция отличаются дороги сел Нижне-Чиркино, Норы, Перевоз, Зима — Челяба. Этот список можно продолжать и продолжать. Я подчеркиваю, товарищи, не садите картофель вдоль дорог, не экономьте на приближенности к вашему жилью, уходите подальше, в глубь полей.

Зиминская городская свалка также оказывает негативное воздействие на природные средства. А возле нее пол-Зимы садят картофель, не зная, что там в почве: медь 85 мг/кг (фон — 55), марганец 2000 (фон — 900), ртуть 0,32 (фон — 0,08), свинец 30 (фон — 23), молибден 3,5 (фон — 3) и т. д. Экспедицией были исследованы стоки р. Ухтуйки. В воде ее приусտевой части большое количество загрязнений не только за счет ее течения по территории Зимы, но и от прошедших очистку стоков гидролизного и канифольно-экстракционного заводов.

Зная о других загрязнениях, мы исследовали воду на бензапирен, так вот его там 0,5—1,4, 10—8 г/л, в иле реки 0,7—10 мкг/кг, а в 150 м ниже по течению реки Оки в иле — 10—20 мкг/кг.

Есть бензапирен и в ручье Березовый Лог, что течет с территории СПО «Химпром» (5—15, 10—8 г/л).

Нитраты. К сожалению, они найдены не только в почвах сельхозугодий, но и в колодцах сел Ухтуй, Мордино, Кимильтей, Услон, Норы и других. Они присутствуют в концентрациях выше норм в 2—3 раза в 12% всех проб. В городе Зиме, селах Норы, Мордино, Подгорное в колодцах обнаружены нитраты в концентрациях, превышающих нормы в 80% проанализированных проб.

Вот такая краткая невеселая картина, если не сказать больше. Теперь, земинцы, вы знаете очень много. Хотели бы вы теперь знать, опасно ли жить в такой обстановке? И я хочу это узнать. Пусть вслед моей статье появится компетентная оценка медиков, санитарных служб. Поставив перед экспертами задачу выяснить уровень загрязнения, комитет выполнил свое обещание, далее ответ за институтами, медиками, агрономами, санитарными службами, промышленниками.

Вот так, допустив ошибки в планировании промышленного и агропромышленного развития, допустив применение отсталых технологий производства, недостаточно изучив их негативное воздействие на окружающую среду и здоровье людей,— за 10—15 лет мы усложнили обстановку на земле, на которой живем. Мы — это все мы с вами, у которых спрашивали, и те, с кем никто не советовался, которым обещали светлый мир и которые не верили, что он останется таким. Причины вреда экспертами вскрыты, каждому предприятию названы последствия его деятельности и выданы рекомендации, со многими из которых вы знакомы. Еще раз повторяю:

— необходимо перевести производство каустики на безртутную технологию;

— законсервировать полигон жидких отходов «Химпрома».

3. Карташова, председатель комитета по экологии и природопользованию.

Приокская правда. 1991. 14 сент. и 1 окт.

Однако о принятых мерах по этим трем критическим публикациям в газетах зимицам да и саянцам до сих пор ничего не известно. А потому ставить на таком жизненно важном вопросе точку будет преждевременно и неправомерно.

Итак, дописана последняя страница «Зиминской были», поводом для работы над которой послужила моя беседа с нынешним председателем районного Совета Владимиром Александровичем Примачком и заместителем председателя городского Совета Валентиной Юрьевной Юсуповой. Они-то и убедили меня в апреле 1990 года приступить к этому нелегкому делу.

Конечно, обо всем не расскажешь и всего не опишешь. Да это практически и невозможно. Но многие страницы зиминской истории, я надеюсь мне удалось восстановить. В моем журналистском блокноте удалось отыскать записи бесед многолетней давности с зиминскими партизанами, красногвардейцами, первыми коммунарами Переезда, Покровки и Красноокинска, ветеранами войны и труда, краеведами, использовал я и свой обширный архив.

Большую помощь в работе добрым советом оказали мне главы городской и районной администрации Н. А. Пенюшкин и П. Н. Каракун, бывший директор городского историко-краеведческого музея Н. И. Безносова и нынешний А. И. Василенко, заведующая местным горрайархивом Г. И. Иванова, директор совхоза «Зиминский» М. С. Гантимуров, учительница-пенсионерка школы № 8 М. П. Леонтьева, председатели городского и районного Советов ветеранов войны и труда В. П. Комаров и Н. С. Сергеев, сотрудник дома-музея декабристов в Иркутске Т. И. Воробьева, доцент института народного хозяйства Г. А. Вендрих.

В общем, книга эта, по существу, коллективный труд. И хотя мне, как автору «Зиминской были», все же пришлось встретиться при ее подготовке в печать с немалыми трудностями, без помощи моих земляков-зиминцев, да и многих иркутян, она вряд ли могла выйти в свет.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЗЕМЛЯКАМ	3
ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ	7
СТРАНИЧКИ СЕЛЬСКОЙ СТАРИНЫ	13
СТРАНИЧКИ КОЛХОЗНОЙ ИСТОРИИ	62
ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	80
БОЛЬШИЕ ДЕЛА МАЛОЙ СТАНЦИИ	95
ГОДЫ ОГНЕВЫЕ	116
«ЗИМА — КАК МОСКВА, НО ЧУТЬ ПОМЕНЬШЕ...»	140
ЗИМА — САЯНСКУ	216
ЭКОЛОГИЯ И МЫ	228

Александр Алексеевич Бухаров

ЗИМИНСКАЯ БЫЛЬ

Редактор *А. С. Лысенко*

Художник *А. И. Аносов*

Художественный редактор *А. Г. Маклыгин*

Технический редактор *Т. Н. Тихомирова*

Корректор *В. М. Ермакова*

ИБ № 1948

Сдано в набор 28.10.92. Подписано в печать 12.01.93. ЛР № 010010. Формат 84×108^{1/32}. Бум. офс. кн.-журн. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,65. Уч.-изд. л. 14,18. Тираж 10000 экз. Заказ 1787. Изд. № 6543.

Восточно-Сибирское книжное издательство Министерства печати и информации Российской Федерации.

664000, Иркутск, ул. Марата, 31.

Иркутский Дом печати, 664009, г. Иркутск, ул. Советская, 109.

2015

23-00